

LEGEA ȘI VIAȚA

Publicație științifico-practică
ISSN 1810-309X

Întreprindere de stat
Fondator – Ministerul Justiției
al Republicii Moldova
Certifi cat de înregistrare
nr. 10202264 din 11.02.1993

Publicație acreditată de Consiliul
Suprem pentru Știință și Dezvoltare Tehnologică
al Academiei de Științe a Moldovei prin
Hotărîrea nr. 61
din 30.04.2009

Reconfirmare prin Hotărîrea nr.146 din 27 iunie 2013

Categoria C

Asociați: Curtea Constituțională, Curtea Supremă de
Justiție, Ministerul Afacerilor Interne, Ministerul
Sănătății, Institutul de Științe Penale și Criminologie
Aplicată, Institutul de Istorie, Stat și Drept al Academiei
de Științe a Moldovei, Academia „Ștefan cel Mare” a
MAI, Universitatea de Stat „B. P. Hasdeu” (Cahul),
Universitatea Slavonă, Universitatea „Spiru Haret”
(Constanța), Universitatea „Petre Andrei” (Iași),
Universitatea de Stat din Herson (Ucraina).

Se editează din ianuarie 1991
Nr. 10/2 (286) 2015

Redactor-șef L. Arsene

Colegiul de redacție:

Gh. Alecu, doctor în drept, prof. univ. (Constanța,
România); A. Armeanic, doctor în drept, conf. univ.;
V. Balmuș, doctor în drept; C. Bocancea, doctor în
drept, prof. univ. (Iași, România); V. Bujor, doctor
în drept, prof. univ.; A. Burian, doctor habilitat în
drept; T. Capșa, doctor în drept; Gh. Costachi, doctor
habilitat în drept, prof. univ.; I. Floander, doctor în
drept (Constanța, România); M. Gheorghică, doctor
habilitat în drept, prof. univ.; Gh. Gladchi, doctor
habilitat în drept; V. Guțuleac, doctor în drept, prof.
univ.; V. Florea, doctor în drept, prof. univ.; V. Moraru,
doctor în drept, prof. univ.; V. Naumov, redactor șef
adjunct; V. Popa, doctor habilitat în drept, prof.
univ.; V. Stratonov, doctor în drept, profesor (Herson,
Ucraina).

Adresa redacției:

Casa presei, et. 5 – 512; 515
str. Pușkin 22, mun. Chișinău, MD – 2012,
Republica Moldova
Tel.: 233 790; mob. 069190887;
234 132 (contabilitatea)

E-mail: publicare@legeasiviata.in.ua

Index: RM 77030

© Legea și viața

Pagina web: www.legeazakon.md

www.legeasiviata.in.ua

СОДЕРЖАНИЕ

- Арина АКИМОВА. Особая жестокость как оценочное понятие в уголовном законодательстве Украины.....2
- Юрий ВЕНГЕР. К вопросам исследования стандартизации как вида деятельности..... 6
- Анна ГРИГОРОВА. Теоретическая модель позитивной юридической ответственности.....10
- Игорь ГРИЩЕНКО. Конституционно-правовой статус помощника-консультанта народного депутата Украины...13
- Кристина ДУМЫЧ. Процессуальные издержки согласно нормам австрийского гражданско-процессуального кодекса 1895 г.....17
- Екатерина ЗАКОМОРНАЯ. Развитие правовой основы организации и деятельности органов местного самоуправления в постсоветских странах Азии.....21
- Светлана ЗАПАРА. К вопросу о перспективе привлечения непрофессиональных судей в украинский процесс.....25
- Татьяна КОРЧАК. Понятие, признаки и классификация гражданско-правовых презумпций в контексте объявления физического лица умершим..... 28
- Елена КРАВЧЕНКО. Прокурорский надзор при проведении негласных следственных (розыскных) действий..... 32
- Анна КРАСНОСТУП. Правовое регулирование и саморегулирование в сфере телевидения и радиовещания..... 36
- Александр ЛИТОВЧЕНКО. Принципы организации и функционирования судебной системы в Украине.....40
- Лилия МАТВЕЕВА. Транзиция как социальный феномен.....44
- Яна НАВАЛЯНАЯ. «Цена» латентных изнасилований. 50
- Виталий ОШОВСКИЙ. Система социально-воспитательных мероприятий, применяемых к осужденным и лицам, взятым под стражу: проблемы создания административных процедур.....54
- Вячеслав ПОПОВИЧУК. Правовое регулирование использования символики красного креста, красного полумесяца, красного кристалла58
- Галина ПУЗАНОВА. Унификация как одно из направлений совершенствования концессионного законодательства Украины.....62
- Валентина СВЕРДЛИЧЕНКО. Понятие чести и достоинства в гражданском праве Украины.....66
- Михаил СОКОЛОВСКИЙ. Право на получение части прибыли (дивидендов) хозяйственного общества: отдельные аспекты правового регулирования.....70
- Садиг ТАГИЕВ. Перспективы развития института негласных следственных (розыскных) действий в уголовном производстве Украины..... 74
- Михаил ТВЕРДОХЛЕБ. Полномочия прокурора в уголовном производстве в суде первой инстанции в Украине..... 78
- Виталий ТОПОЛЬНИЦКИЙ. Особенности применения сроков обращения в суд при осуществлении представительства в административном судопроизводстве82
- Татьяна ХАРИТОНОВА. Договор как основание возникновения суперфиция и эмфитевзиса.....86
- Владимир ЧИСНИКОВ. Личный состав Киевской сыскной полиции накануне реформирования российского уголовного сыска (1908 г.).....90

ОСОБАЯ ЖЕСТОКОСТЬ КАК ОЦЕНОЧНОЕ ПОНЯТИЕ В УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ УКРАИНЫ

Арина АКИМОВА,

адъюнкт кафедры уголовного права и криминологии
Днепропетровского государственного университета внутренних дел

Summary

The article is dedicated for researching evaluative concepts «special cruelty» in criminal legislation of Ukraine. It was made analysis of the problems faced by the actors when referring to such acts that carried out with special cruelty. Was identified criteria of the special cruelty, that can serve as benchmarks for pre-trial investigation and court in decision-making. Was held analysis of the jurisprudence for this issue. Given the rapid dynamism of social relations, which is now also accompanied by destabilization of the situation in the country combined with aggression and cruelty, consideration of this issue and its relevance is obvious.

Key words: evaluative concepts, evaluative concepts in criminal law and legislation, special cruelty, murder, criteria of the special cruelty.

Аннотация

Статья посвящена исследованию оценочного понятия «особая жестокость» в уголовном законодательстве Украины. Сделан анализ проблем, с которыми сталкиваются субъекты при отнесении деяния к такому, что осуществлено с особой жестокостью. Определены критерии особой жестокости, которые могут служить ориентирами для органов досудебного следствия и суда при принятии ими решений. Проведено анализ судебной практики по данному вопросу. Учитывая стремительный динамизм общественных отношений, который сейчас сопровождается еще и дестабилизацией ситуации в стране, совмещенной с агрессией и жестокостью, рассмотрение данного вопроса и его актуальность очевидны.

Ключевые слова: оценочные понятия, оценочные понятия в уголовном праве и законодательстве, особая жестокость, преднамеренное убийство, критерии особенной жестокости.

Постановка проблемы. Одной из актуальных проблем теории и практики современного уголовного права является вопрос использования оценочных понятий в уголовном законодательстве. Норма права отражает основные характерные черты, присущие отдельным правоотношениям, но законодатель не должен пытаться урегулировать их так, чтобы предусмотреть каждый возможный случай, поскольку попытка чрезмерно детальной регламентации всегда приводили к снижению уровня правового регулирования. Поскольку невозможно полностью предусмотреть варианты всех возможных случаев (вариантов поведения), отдельные конкретные ситуации некоторое время не имеют правового закрепления. Такие ситуации оказываются вне сферы правового регулирования и имеют негативные последствия для функционирования правовой системы в целом. Именно в таких случаях уместно использование оценочных понятий. Главным, по нашему мнению, является установление критериев, по которым органы государственной власти, юридические и физические лица, осуществляя правоприменительную деятельность, будут давать им правовую оценку. В данной статье будет исследоваться такое оценочное понятие уголовного законодательства, как особая жестокость.

Методологической основой исследования при написании данной статьи послужили общенаучный метод познания, отражающий, в частности, неразрывную связь теории и практики, и частнонаучные методы исследования: логико-юридический, лингвистический, формально-логический, компаративный и ретроспективный анализы.

Ряд ученых обращались к вопросам отнесения тех или иных понятий к категории оценочных, толкования, конкретизации и вообще целесообразности использования оценочных понятий в праве в целом и в уголовном в частности. Также рассматривались вопросы, связанные с оценочными понятиями именно в уголовном законодательстве. Таковыми учеными являются М.И. Бару, С.С. Безруков, В.К. Гришук, О.В. Каплина, Т.В. Кашанина, А.В. Кобзева, В.М. Косович, К.С. Лановенко, М.И. Панов, В.В. Питецкий, А.С. Степанюк, Р.М. Раджабов, С.Н. Черноус, С.Д. Шапченко, А.Е. Фетисов и другие. Среди работ, указанных автором, упоминалось такое оценочное понятие, как особая жестокость, однако в украинском уголовном праве ему не уделено достаточного внимания.

Цель данной статьи – определение критериев для оценки деяния как такого, что осуществлено с особой жесто-

костью, для единого понимания и применения на практике.

Изложение основного материала. Эффективность уголовного законодательства определяется способностью закона адекватно регулировать общественные отношения, которые являются достаточно сложными, разнообразными и такими, что постоянно и активно меняются. Проблемой законодательной ветви власти всех исторических периодов была своевременная модернизация и адаптация законодательства к общественным процессам и отношениям, развитие и смена которых достаточно быстры. Сегодняшняя действительность не является исключением, не всегда вовремя законодателю удается отследить и внести соответствующие изменения в значительное количество нормативно-правовых актов, а поэтому некоторые общественные отношения остаются не урегулированными, а уголовно-правовые деяния (действия, бездействия) – иногда безнаказанными.

Дискреция как способ решения должностным лицом или государственным органом вопросов, которые не имеют однозначного, полного или вообще не имеют нормативного урегулирования и поэтому последнее зависит от оценки данных вопросов субъектом правовых отношений [4, с. 19], является главенствующим способом решения

общественно-правовых нарушений в англо-саксонской правовой системе.

В свою очередь, романо-германскому типу правовой семьи присуща четкая система источников права, основной формой которого является нормативно-правовой акт. Для недопущения безнаказанности за деяния из-за невозможности их предусмотрения актуальным является применение такого приема юридической техники, как введение в уголовный закон оценочных понятий. Еще в процессе разработки и принятия Уголовного кодекса Украины в 2001 г. законодатель широко применил указанный прием юридической техники. Возникновение оценочных понятий обусловлено также невозможностью конкретно толковать закон, отсутствием четких и близких к определению критериев оценки. Главными предпосылками введения в уголовный закон оценочных понятий являются стремительное развитие общественных отношений, неоднозначность социальной обстановки в стране в тот или иной исторический период времени, многообразие форм человеческого поведения и его результатов. Оценочные нормы права (то есть юридические нормы с оценочными понятиями) является особой формой закрепления общеобязательных правил [3, с. 59]. Без рекомендаций по их рассмотрению оценочные понятия неизбежно приводят к свободе их толкования должностными лицами органов предварительного следствия и судьями, а значит, решение по делу будет варьироваться в зависимости от правосознания указанных лиц и понимание ими таких принципов: законности; равенства граждан перед законом; ответственность только за совершение общественно опасного деяния, предусмотренного законом как преступление; ответственность только при наличии вины; личный характер ответственности; индивидуализация уголовной ответственности и неотвратимости наказания.

Многие ученые-правоведы изучали природу оценочных понятий и давали им определение. Так, по мнению С.С. Безрукова, под оценочным понятием обычно понимают относительно определенные понятия, используемые законодателем при невозможности детального урегулирования ряда схожих обстоятельствах, которые служат для

обозначения абстрактных правовых явлений, содержание которых имеет незамкнутую структуру, всегда оставаясь открытым, и может быть установлено только посредством самостоятельной оценки конкретной правовой ситуации со стороны лица, применяющего закон [2, с. 7]. А.Н. Ботнаренко определяет оценочные понятия в праве как понятие, содержание которых недостаточно или вообще не определено теорией права [4, с. 19]. Для исследования такого оценочного понятия, как особая жестокость нами выбран более узкий спектр его исследования, в частности в уголовном законодательстве, поскольку, по нашему мнению, это имеет более важное практическое значение.

Наиболее полным считаем определение «оценочного понятия уголовного закона», данное О.С. Степанюком, как «понятие, что содержится в уголовно-правовой норме и конкретизируется лицом, осуществляющим правоприменения при уголовно-правовой оценке фактов, детерминирующих применения норм уголовного закона» [12, с. 198].

Поскольку уголовное право принадлежит к публичному праву, основой которого являются императивные нормы, которые не могут быть изменены и дополнены участниками правоотношений, то введение оценочных понятий является необходимостью для преодоления сложного процесса внесения изменений в Уголовный кодекс Украины, внесение которых обусловлено социальными процессами. Оценочные понятия имеют свои преимущества и недостатки, которые в определенной степени раскрываются в данной статье.

Так, применение оценочных понятий в правовом поле с целями и намерениями, которыми они обусловлены (в частности, устранение пробелов законодательства и ретроспективного регулирования современных общественных отношений), возможно лишь в обществе с высоким правовым сознанием и моралью. Иначе, чрезмерная свобода выбора и возможность уполномоченных лиц действовать по своему усмотрению может привести к злоупотреблению такой свободой на законных основаниях. Важным, по нашему мнению, является четкое определение критериев для правильной идентификации конкретного оценочного понятия,

чтобы избежать неправильных, безосновательных судебных решений, утраты единства в трактовке уголовно-правовых норм.

Помнению Е.М.Кисилюка и К.С.Лановенко, оценочные понятия не конкретизированы в законодательстве, поэтому при квалификации следователь не может ограничиться формальным сопоставлением признаков совершенного деяния с признаками соответствующего состава преступления. При этом нельзя рассчитывать на абсолютную объективность процесса конкретизации, так как ни один человек не в состоянии преодолеть или превзойти собственные представления, убеждения, опыт, профессиональный и культурный уровень так далее [8, с. 102].

Понятие особой жестокости как способа совершения преступления введено в уголовное законодательство нашего государства еще во времена существования Украинской Советской Социалистической Республики. Сделав ретроспективный анализ законодательного закрепления понятия «особой жестокости», нами сделан вывод, что ни разу законодателем не было дано ему определение, следовательно, понятие «особая жестокость» на территории нашего государства всегда относилось к категории оценочных.

Ориентировочный перечень критериев для определения способа совершения преступления с особой жестокостью содержит Постановление Пленума Верховного Суда Украины от 7 февраля 2003 г. № 2 «О судебной практике по делам о преступлениях против жизни и здоровья человека» (далее – Постановление Пленума № 2). Однако Постановлением Пленума № 2 предусмотрены обстоятельства, при которых именно умышленное убийство определяется совершенным с особой жестокостью (п. 4 ч. 2 ст. 115 Уголовного кодекса Украины (далее – УК)). Однако особая жестокость является обязательным признаком и состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 434 УК Украины (жестокое обращение с военнопленными, связано с особой жестокостью), а также является одной из исключительных обстоятельств, отягчающих наказание (п. 10 ст. 67 УК Украины). Изменения в Постановление Пленума № 2 не вносились, а следовательно, единственным ориентиром

для должностных лиц, определяющих наличие или отсутствие в каждом конкретном составе преступления особой жестокости как способа его совершения, остается первоначальная редакция Постановления Пленума № 2 и собственное убеждение. Согласно п. 8 Постановления Пленума № 2 умышленное убийство признается совершенным с особой жестокостью (п. 4 ч. 2 ст. 115 УК Украины), если виновный, лишая потерпевшего жизни, понимал, что наносит ему особые физические (путем причинения большого количества телесных повреждений, пыток, истязания, мучения, в том числе с использованием огня, тока, кислоты, щелочи, радиоактивных веществ, яда, который наносит нестерпимую боли и так далее), психические или нравственные (путем посягательства на честь, унижение достоинства, причинение тяжких душевных переживаний, глумления и так далее) страдания, а также если оно было сопряжено с глумлением над трупом или совершалось в присутствии близких потерпевшему лиц и виновный осознавал, что такими действиями наносит последним особые психические или нравственные страдания.

Проанализировав судебную практику, сделан вывод, что подобные действия виновных в совершении преступлений лиц были квалифицированы судами по-разному. Удачным, на наш взгляд, является сравнение следующих составов преступления: умышленное тяжкое телесное повреждение, повлекшее смерть потерпевшего (ч. 2 ст. 121 УК Украины), умышленное убийство (ч. 1 ст. 115 УК Украины) и умышленное убийство с особой жестокостью (п. 4 ч. 2 ст. 115 УК Украины). Так, в частности, в приговоре Апелляционного суда Луганской области от 28 января 2014 г. по уголовному делу № 4 27/4792/13-к установлено, что на почве ранее возникших личных неприязненных отношений между обвиняемым и потерпевшим возникла ссора, в ходе которой обвиняемый, имея умысел на совершение умышленного убийства потерпевшей, ножом нанес ей один удар в шею слева, от чего потерпевшая, держась за рану, начала отходить от обвиняемого. Продолжая свой преступный умысел, направленный на убийство потерпевшей, обвиняемых ножом нанес еще не менее 6 ударов

потерпевшей в туловище с левой и правой стороны, причинив ей телесные повреждения в виде множественных колото-резаных ран головы, шеи, туловища, проникая в левую плевральную полость, с повреждением печени, левого легкого, в брюшную полость с повреждением межреберных артерий, с кровоизлияниями под оболочки и в ткань левого легкого, печени, мышц шеи, в мышцы грудины, которые относятся к категории тяжких телесных повреждений по признаку опасности для жизни в момент причинения. Обвиняемый признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 115 УК Украины [5].

Приговором Торезского городского суда Донецкой области от 27 ноября 2013 г. по уголовному делу № 247/2800/13-к установлено, что между обвиняемой и потерпевшим возникла ссора, в ходе которой обвиняемая с целью умышленного убийства потерпевшего из мести за сексуальные домогательства сначала толкнула обвиняемого на диван, потом сбросила последнего с дивана на пол, схватила кухонный нож со стола и нанесла указанным ножом два удара ему в живот. Осознавая, что смерть потерпевшего не наступила, она продолжила свои преступные действия, и, действуя умышленно, с целью лишения его жизни с особой жестокостью, желая, чтобы смерть носила особенно болезненный характер и вызвала потерпевшему особые физические страдания, нанесла ему пять резаных ранений грудной клетки и живота, а затем, перевернув пострадавшего на живот, продолжая свои действия, направленные на нанесение ему особой физической боли, нанесла удар ножом в спину. Смерть потерпевшего наступила от острого общего малокровия на почве проникающего колото-резаного ранения живота с повреждением печени. Обвиняемая признана виновной в совершении преступления, предусмотренного п. 4 ч. 2 ст. 115 УК Украины [7].

Приговором Бородянского районного суда Киевской области от 17 февраля 2010 г. по уголовному делу № 1-66/10, установлено, что подсудимый во время ссоры с женой (потерпевшей) на почве неприязненных отношений умышленно стал наносить ей удары по голове, а затем, сбросив потерпевшую

с кресла на пол, ногой нанес ей удары в область живота и спины, причинив потерпевшей тяжкие телесные повреждения в виде внутричерепной травмы: синяка правого верхнего века, двух ссадин лобной области справа, травматических кровоизлияний в мягкие ткани головы, под твердую мозговую и под паутинную оболочку головного мозга, отек-набухания головного мозга, вследствие чего потерпевшая скончалась в тот же день. Подсудимый признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 121 УК Украины [6].

Подытоживая, мы видим, что при однородных действиях виновных лиц, в частности совершение указанных выше преступлений путем издевательства, мучения жертвы, применение к ней садистских методов, а также путем задания особых страданий в процессе осуществления преступного деяния, суд их квалифицирует по-разному. В одном деле выделяет такой способ совершения преступления, как особая жестокость, а в другом нет, поэтому видим необходимость дополнить критерии особой жестокости, которые содержит Постановление Пленума № 2 в действующей редакции.

По нашему мнению, давать законодательно определенное закрепление понятию «особая жестокость» путем внесения изменений в уголовный закон нецелесообразно из-за вариативности и непредсказуемости общественных отношений, деформации сознания субъектов уголовных правоотношений и тому подобное.

В свою очередь, Ю.Б. Химьяк считает, что оценочные уголовно-правовые понятия, которые не нашли достаточной конкретизации ни в статье УК Украины, ни в обобщениях судебной практики (а в судебной практике отсутствуют критерии относительно подходов к установлению содержания таких понятий), не могут использоваться законодателем [13, с. 68–69]. Одним из способов преодоления неоднозначности понимания субъектами правоприменения оценочных понятий, по мнению российского правоведа А.В. Кобзевой, является издание постановления Пленума Российской Федерации, посвященного интерпретации всех оценочных понятий действующего уголовного законодательства [9, с. 308]. Одна-

ко, на наш взгляд, в Украине было бы целесообразнее издать постановление Пленума Верховного Суда Украины или Постановление Высшего специализированного суда по рассмотрению гражданских и уголовных дел в отношении оценочных понятий действующего уголовного законодательства Украины, но не с интерпретацией всех оценочных понятий действующего уголовного законодательства, а с критериями их оценки, которые помогут их определить как такие, и исследовать наличие или отсутствие определенного оценочного понятия в каждом конкретном случае.

Выводы. Во-первых, под особой жестокостью следует понимать деяние, совершенное путем издевательства, мучения, пытки жертвы либо применения к ней садистских методов или путем причинения потерпевшему большого количества ранений, в случае установления, что виновный, когда наносил их потерпевшему, хотел причинять ему тем самым особых страданий в процессе осуществления им деяния. Если подобная цель действий у виновного отсутствовала, в этом случае признания преступления совершенным с особой жестокостью зависит от направленности установленного у виновного умысла и объективных обстоятельств содеянного. В частности, необходимо учитывать и исследовать следующие обстоятельства: местонахождение ран и других повреждений на теле потерпевшего (наносились ранения в область местонахождения жизненно важных органов или нет); характер ранений (сила удара, глубина раневых каналов), орудие убийства (длина лезвия ножа, особенности заряда в огнестрельном оружии), времени, прошедшего между нанесением первого и последнего ударов; соотношение сил преступника и потерпевшего; обстановки, в которой действовал виновный. По нашему мнению, важным является акцентирование внимания на введение такого критерия особой жестокости, как совершение принудительного воздействия на человека, причиняя прижизненные страдания физическому или психическому здоровью потерпевшего в присутствии несовершеннолетних, поскольку увиденное однозначно негативно повлияет на несформированную психику несовершеннолетнего. Поскольку развитие

психики ребенка – сложный процесс созревания и осложнения психических функций и личности, который происходит под влиянием ряда факторов: наследственно-биологических и социальных [10, с. 530].

А.В. Баженов отмечает: «В результате многолетних исследований результатов судебно-психиатрических экспертиз были сделаны выводы, что основную массу несовершеннолетних преступников составляют лица, признанные вменяемыми, но имеют отклонения в психике» [1, с. 11]. Итак, совершение преступления с особой жестокостью в присутствии несовершеннолетнего может привести к деформации психики несовершеннолетнего, что в свою очередь в разы увеличивает вероятность его становления на преступный путь. Учитывая вышеизложенное и реалии сегодняшнего дня, одним из приоритетных направлений государственной политики является недопущение распространения произведений, пропагандирующих насилие.

Во-вторых, добавить к критериям оценочного понятия «особая жестокость», предусмотренных Постановлением Пленума № 2, следующие:

– касательно особых физических страданий: сожжение заживо, длительное лишение пищи, воды;

– касательно психических страданий: совершение принудительного воздействия на человека, что причиняет прижизненные страдания физическому или психическому здоровью потерпевшего в присутствии несовершеннолетних.

– касательно умышленного убийства с особой жестокостью. Постановлением Пленума № 2 предусмотрено, что «умышленное убийство признается совершенным с особой жестокостью, если виновный, лишая потерпевшего жизни, понимал, что наносит ему особые физические, психические и нравственные страдания...» [11]. Предлагаем дополнить критерием «когда перед лишением жизни» ему были нанесены физические, психические и нравственные страдания.

В-третьих, при принятии решения судом необходимо получать четкие разъяснения последнего относительно обстоятельств и критериев, которыми руководствовался судья при его принятии.

В-четвертых, нельзя недооценивать судебный прецедент при принятии решений, однако конкретные случаи, изложенные в судебном решении-прецеденте, должны быть только вспомогательной базой для принятия решения, а не его основой. Следовательно, наличие оценочных понятий в уголовном законодательстве является важным и вспомогательным инструментом, который дает возможность их адекватного и актуального толкования, а также применения в конкретный период времени с учетом всех обстоятельств уголовного дела, общественных отношений и вектора их развития. Задачей законодателя и Пленума Верховного Суда Украины является минимизация максимально широкого толкования оценочных понятий, применение для этого необходимых мер, в частности установление критериев для идентификации каждого оценочного понятия, недопущение непрофессионализма судов, а также осуществлять постоянный мониторинг уголовного законодательства на предмет противоречий и пробелов для целей их устранения.

Список использованной литературы:

1. Баженов. А.В. Социально-психологические детерминанты формирования личности несовершеннолетнего преступника: криминологический аспект : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / А.В. Баженов ; МВД России. Санкт-Петербургский университет. – СПб., 1999. – 22 с.
2. Безруков С.С. Оценочные понятия и термины в уголовно-процессуальном законодательстве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / С.С. Безруков. – М., 2001. – 24 с.
3. Біленко В.А. Оціночні поняття: юридико-лексикологічні проблеми мовленнєвої компетентності в адміністративно-деліктній сфері / В.А. Біленко // Форум права. – 2012. – № 2. – С. 59–66.
4. Ботнаренок О.М. Дискреція та оціночні поняття в кримінальному судочинстві / О.М. Ботнаренок // Адвокат. – 2009. – № 4 (103). – С. 18–20.
5. Вирок Апеляційного суду Луганської області від 28 січня 2014 р. в кримінальній справі № 427/4792/13-к (провадження № 11кп/782/1683/13)

[Електронний ресурс]. – Режим доступу: <https://reyestr.court.gov.ua>.

6. Вирок Бородянського районного суду Київської області від 17 січня 2010 р. у кримінальній справі № 1-66/10 [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <https://reyestr.court.gov.ua>.

7. Вирок Торезького міського суду Донецької області від 27 листопада 2013 р. у кримінальній справі № 247/2800/13-к (провадження № 1-кп/247/188/13) [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <https://reyestr.court.gov.ua>.

8. Кісілюк Е.М. Оціночні поняття в злочинах у сфері службової діяльності / Е.М. Кісілюк, К.С. Лановенко // Боротьба з організованою злочинністю і корупцією (теорія і практика). – 2011. – Вип. 24. – С. 101–107.

9. Кобзева Е.В. Оценочные признаки в Уголовном законе: дис. ... канд. юрид. наук / Е.В. Кобзева. – Саратов. – 2002. – 318 с.

10. Популярная медицинская энциклопедия: в 1 т. / под. ред. Б.В. Петровского. – М.: Советская энциклопедия, 1987. – 704 с.

11. Про судову практику в справах про злочини проти життя та здоров'я особи: Постанова Пленуму Верховного суду України від 7 лютого 2003 р. № 2 [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <https://rada.gov.ua>.

12. Степанюк О.С. К вопросу о формулировке определения оценочного понятия уголовного закона / О.С. Степанюк // Научные ведомости. – 2007. – № 9 (40).

13. Хім'як Ю.Б. Оціночні кримінально-правові поняття та вимога визначеності закону у рішеннях Європейського суду з прав людини / Ю.Б. Хім'як // Вісник національної академії прокуратури України. – 2011. – № 2. – С. 65–70.

К ВОПРОСАМ ИССЛЕДОВАНИЯ СТАНДАРТИЗАЦИИ КАК ВИДА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Юрий ВЕНГЕР,

соискатель кафедры административного,
хозяйственного права и финансово-экономической безопасности
Сумского государственного университета

Summary

The article examines the views of scientists, the current legislation of Ukraine in terms of its regulatory activities in the field of standardization. Focuses on the definition of activities in the field of standardization as a form of economic activity. What was the basis for the formulation of suggestions for improvement, by making the proposed changes in the order of the State statistics Committee of Ukraine dated December 14, 2006 № 607 „On approval of Methodological guidelines on the definition of the main economic activity of the enterprise”.

Key words: government regulation, economic activities, standard, standardization, subjects of standardization, commodity, commodity market, competition.

Аннотация

В статье рассматриваются взгляды ученых, действующее законодательство Украины в плане его нормативно-правовой деятельности в области стандартизации. Основное внимание обращено на определение деятельности в области стандартизации как вида экономической деятельности. Что послужило основанием для формулирования предложений относительно совершенствования путем внесения предложенных изменений в приказ Госкомстата Украины от 14 декабря 2006 г. № 607 «Об утверждении Методических указаний по определению основного вида экономической деятельности предприятия».

Ключевые слова: государственное регулирование, экономическая деятельность, стандарт, стандартизация, субъекты стандартизации, товар, рынок товара, конкуренция.

Постановка проблемы. Будучи административно-правовым средством регулирования важнейших, с точки зрения государства, общественных отношений, стандартизация занимает важное место в механизме административно-правового регулирования хозяйственной деятельности в Украине, находясь в динамическом состоянии, одновременно выступая разновидностью деятельности субъектов стандартизации.

При таких условиях стандартизация должна рассматриваться с двух позиций:

- как административно-правовой способ;
- как вид экономической деятельности.

Однако на сегодня вопрос деятельности в сфере стандартизации как вида экономической деятельности субъектов стандартизации является неисследованным, отсутствует теоретический материал. Поэтому существует потребность в детальном рассмотрении приведенного вопроса.

Актуальность темы исследования не вызывает сомнения, поскольку определение стандартизации видом экономической деятельности имеет определяющее значение в вопросе обеспечения управления данной деятельностью. Кроме того, это имеет значение и для планирования внутренней деятельности субъектов стандартизации, ведь действующим законодательством Украины для каждого из видов экономической деятельности установлены соответствующие требования.

Исследование вопросов относительно деятельности в сфере стандартизации и правового обеспечения экономической деятельности субъектов хозяйствования проводили ученые, среди которых нужно отметить В. Аверьянова, Т. Белуху, В. Галушко, О. Ефимову, А. Эщука, В. Новодворского, В. Костюченко, Н. Клименко, В. Мамутова, И. Лифиц, А. Ломакина, В. Палия, А. Подцерковного, К. Савчука, Г. Саранчу, Ю. Старилова, Б. Росинского, Ю. Шемшученко, Л. Шнейдмана, А. Язвинскую и других.

Цель и задачи статьи. Ответить на вопрос: является ли деятельность в области стандартизации видом экономической деятельности субъектов стандартизации?

Изложение основного материала. Закон Украины «О стандартизации» (далее – Закон) определяет стандартизацию как деятельность, заключающуюся в установлении положений для общего и неоднократного использования относительно имеющихся или потенциальных задач и направлена на достижение оптимальной степени упорядоченности в определенной сфере [1].

Исходя из приведенного выше определения, признаком понятия «стандартизация» является деятельность, заключающаяся в установлении положений. При этом под понятием «положение» понимаются национальные стандарты, кодексы установившейся практики, каталоги (далее – национальные стандарты), принятые национальным органом стандартизации; стандарты, кодексы установившейся практики, технические условия, каталоги (далее – стандарты предприятий), принимаемые предприятиями, учреждениями и организациями, осуществляют стандартизацию (п. п. 1–2 ч. 1 ст. 6 Закона).

Понятие «деятельность» используется в научной литературе неоднозначно. Е. Подольская под понятием «деятельность» понимает форму активности человека, проявляющаяся в целенаправленном изменении и преобразовании мира и человеческого сознания [2, с. 109].

В. Кондрашов, Д. Чекалов, В. Копорулина имеют общее мнение относительно понятия «деятельность» и формулируют ее следующим образом: «Деятельность – форма активного отношения человека к окружающему миру с целью преобразования» [3, с. 193].

Словари толкуют понятие «деятельность» как применение своего труда к чему-либо [4, с. 306; 5, с. 311].

По нашему мнению, понятие «деятельности» в отношении субъектов стандартизации нужно исследовать с позиции общественных отношений, складывающихся в процессе и на основе их реальной деятельности. Благодаря такому подходу понятие

«деятельность» и общественные отношения оказываются в своем действительном диалектическом взаимодействии. Насколько общественные отношения являются общими условиями, формами, предпосылками деятельности, настолько же, в свою очередь, они являются результатами, специфическими продуктами деятельности ее субъектов. Деятельность органично связана с общественными отношениями и возможна как в ее сфере, так и наоборот.

Так, деятельность в области стандартизации основывается на достижениях науки, техники, практическом опыте с участием всех заинтересованных сторон с учетом потребностей общества, где важное место принадлежит субъекту стандартизации.

Закон определяет юридически лиц, являющихся субъектами стандартизации с полномочиями деятельности относительно:

– разработки, принятия, проверки, пересмотра, отмены и возобновления действий национальных стандартов и изменений к ним – национальный орган стандартизации (п. 1 ч. 1 ст. 6, п. 3 ч. 1 ст. 8.2 ч. 2 ст. 11 Закона);

– разработки, принятия, проверки, пересмотра, отмены стандартов предприятий и изменений к ним – предприятия, учреждения и организации, осуществляющие стандартизацию (п. 2 ч. 1 ст. 6, п. 5 ч. 1 ст. 8.1 ч. 1 ст. 16 Закона).

Таким образом, деятельность субъекта стандартизации становится экономической тогда, когда ресурсы первого в виде оборудования, рабочей силы, технологий, информационных ресурсов и многого другого объединяются в производственный процесс, характеризующийся затратами, целью которых является установления положений для общего и неоднократного использования. Такая позиция соответствует законодательному пониманию определения понятия «экономическая деятельность» – процесс производства продукции (товаров и услуг), который осуществляется с использованием определенных ресурсов: сырья, материалов, оборудования, рабочей силы, технологических процессов и тому подобное. Экономическая деятельность характеризуется затратами на производство, процес-

сом производства и выпуском продукции (товаров и услуг) [6].

Определяя понятие «экономическая деятельность», законодатель использует понятие «товар», в своем значении являющегося более широким в сравнении с понятиями «продукция» или «услуга». Исследованные источники дают подобные определения понятию «товар»:

– любая продукция, услуги, работы, права интеллектуальной собственности и другие неимущественные права, предназначенные для продажи. То есть все то, что составляет предмет торговли [4, с. 1456];

– предназначенный для обмена продукт труда, имеющий потребительскую стоимость. То есть все то, что составляет предмет торговли [7, с. 159];

– любой предмет хозяйственного оборота, в том числе продукция, работы, услуги, документы, подтверждающий обязательства и права (в частности, ценные бумаги) [8].

Процесс производства товара происходит в результате выполнения совокупности действий на разных уровнях хозяйствования, в результате которых субъект хозяйствования удовлетворяет свои потребности посредством производства материальных благ. Поэтому такие действия приобретают признаков экономической деятельности.

Проводя аналогию, представляется возможным рассматривать национальные стандарты и стандарты предприятий в значениях понятия «товар», с единственным отличием, что товар производится, а национальные стандарты и стандарты предприятий как результаты научно-технической творческой, интеллектуальной деятельности, относясь к объектам права интеллектуальной собственности, устанавливаются или принимаются (п. 2 ч. 2 ст. 11, п. 1 ч. 1 ст. 16 Закона).

Организационно-правовые аспекты функционирования национального органа стандартизации, предприятий, учреждений, организации осуществляющих стандартизацию (далее – субъекты стандартизации), дают им право быть участниками товарного рынка (далее – рынок стандартов), где товаром выступают национальные стандарты и стандарты предприятий,

которые имеют свою стоимость. Участие национальных стандартов, разработанных национальным органом стандартизации, на рынке стандартов является бесспорной, поскольку одним из источников финансирования деятельности последнего являются средства, полученные от реализации первых (ч. 1 ст. 26, п. 4 ч. 2 ст. 28 Закона). Это касается и других субъектов стандартизации (п. 5 ч. 1, ч. 3 ст. 16 Закона).

Рынок товара (товарный рынок) – сфера оборота товара (взаимозаменяемых товаров), на который в течение определенного времени и в пределах определенной территории есть спрос и предложение [8].

Национальные стандарты применяются на добровольной основе и находятся в собственности государства, за исключением случаев, когда обязательность их применения установлена нормативно-правовыми актами (ч. 2 ст. 23; ч. 1 ст. 25 Закона). Стандарты предприятий также применяются на добровольной основе и находятся в собственности субъектов стандартизации, которые их принимают (ч. ч. 2, 3 ст. 16 Закона). Это создает основу для возникновения конкуренции на рынке стандартов относительно выбора потребителями для применения между национальными стандартами и стандартами предприятий.

Конкуренция – соперничество в какой-либо отрасли, борьба за достижение лучших результатов; борьба между товаропроизводителями за более выгодные условия производства и сбыта товаров производства [4, с. 565; 9, с. 262].

Конкуренция между производителями представляет собой тип взаимоотношений между производителями по поводу установления цен и объемов предложения товаров на рынке. Аналогично можно определить конкуренцию между потребителями как их отношения по поводу формирования цен и объема спроса на рынке [10, с. 43].

Организационно-правовые аспекты функционирования субъектов стандартизации создают основу для существования конкуренции между ними, которая существует за счет обращения на рынке стандартов товаров, применение которых приводит

к улучшению качества и конкурентоспособности продукции, работ и услуг, произведенных субъектами хозяйствования.

В рыночных отношениях конкуренция является экономической категорией в значении состязательности, соперничества, борьбы между участниками товарного рынка в достижении одной цели – получения лучшего финансового показателя от реализации произведенного товара. В процессе осуществления хозяйственной деятельности субъекты хозяйствования соревнуются относительно лучших условий производства и реализации продукции, выполнения работ и оказания услуг, а конкурентоспособность последних является степенью их привлекательности для потребителей.

Такая позиция совпадает с законодательным определением понятия «экономическая конкуренция» – соревнование между субъектами хозяйствования с целью получения благодаря собственным достижениям преимуществ над другими субъектами хозяйствования, вследствие чего потребители, субъекты хозяйствования имеют возможность выбирать между несколькими продавцами, покупателями, а отдельный субъект хозяйствования не может определять условия оборота товаров на рынке [8].

Законодательное определение понятия «экономическая конкуренция» содержит ссылки на субъекты – потребители и субъектов хозяйствования. Понятие «потребитель» определяется как лицо или организация, которое использует или потребляет какую-то продукцию [4, с. 1372; 11, с. 559].

Понятие «субъект» определяется как юридическое лицо независимо от организационно-правовой формы и формы собственности или физическое лицо, осуществляющее деятельность по производству, реализации, приобретению товаров, другую хозяйственную деятельность, в том числе такую, которая осуществляет контроль над другим юридическим или физическим лицом; группа субъектов хозяйствования, если один или несколько из них осуществляют контроль над другими. Субъектами хозяйствования признаются также органы государственной власти, органы местного самоуправления, а также органы администра-

тивно-хозяйственного управления и контроля в части их деятельности по производству, реализации, приобретению товаров или иной хозяйственной деятельности [8].

В случае, когда субъекты хозяйствования пользуются товарами на рынке стандартов, первые становятся потребителями данных товаров.

Нормы Закона создают условия для существования и развития рынка стандартов в таких случаях:

– когда товаропроизводителями выступают национальный орган по стандартизации и/или предприятия, учреждения и организации, осуществляющие стандартизацию;

– когда товарами выступают национальные стандарты, стандарты предприятий;

– когда субъектом права собственности на:

а) национальные стандарты выступает государство;

б) стандарты предприятий выступают предприятия, учреждения и организации, осуществляющие стандартизацию;

– потребителями выступают субъекты хозяйственной деятельности в их многогранном разнообразии.

Исследования деятельности субъектов стандартизации дает право рассматривать стандартизацию как вид экономической деятельности. Однако текущая редакция Приказа Государственного комитета статистики Украины от 14 декабря 2006 г. № 607 «Об утверждении Методологических положений относительно определения основного вида экономической деятельности предприятия» не содержит код, по которому возможно идентифицировать стандартизацию как вид экономической деятельности.

В рамках статьи предлагаем пункт пятый Приказа Государственного комитета статистики Украины от 14 декабря 2006 г. № 607 «Об утверждении Методологических положений относительно определения основного вида экономической деятельности предприятия» дополнить кодом 72.2 под названием «Деятельность в области стандартизации» и применить:

– код NACE Rev. 1.1 (Статистическая классификация видов экономической деятельности в Европейском Сообществе, редакция 1.1) – 73.1* [12];

– код ISIC Rev. 4 (Международный Стандарт отраслевой Классификации всех видов экономической деятельности, редакция 4) – 7210* [13].

Где символом * обозначено частичное (неполное) соответствие между позициями статистических классификаций.

Дальнейшее направление исследования стандартизации как вида экономической деятельности и усовершенствование текущего законодательства Украины относительно деятельности в области стандартизации следует проводить за счет внесения изменений в Приказ Государственного комитета статистики Украины от 14 декабря 2006 г. № 607 «Об утверждении Методологических положений относительно определения основного вида экономической деятельности предприятия», где определить последнюю видом экономической деятельности.

Выводы. Принимая во внимание законодательное закрепление права субъектов стандартизации осуществлять деятельность на рынке стандартов, в рамках исследования дадим определение указанному понятию. Стандартизация – экономическая деятельность субъектов стандартизации, направленная на удовлетворение общественного интереса и получения наилучших финансовых показателей от реализации созданных товаров, где товаром выступают национальные стандарты, кодексы установившейся практики, каталоги, принятые национальным органом стандартизации; стандарты, кодексы установившейся практики, технические условия, каталоги, принятые предприятиями, учреждениями и организациями, осуществляющими стандартизацию.

При этом административно-правовое регулирование экономической деятельности осуществляется по таким принципам:

– удовлетворение потребностей потребителей, что достигается путем защиты их прав как экономически более слабой стороны в отношениях с товаропроизводителями;

– с целью улучшения качества продукции, работ и услуг, предоставленных субъектами хозяйственной деятельности, обеспечение свободы конкуренции, что стимулирует развитие соперничества как между на-

циональным органом стандартизации и предприятиями, учреждениями и организациями, осуществляющими стандартизацию, так и между последними, за их лучшие товары;

– содействие предпринимательству, что обеспечивает беспрепятственный выбор и воплощение поощряемой законодательством хозяйственной деятельности.

Список использованной литературы:

1. Про стандартизацію : Закон України від 5 червня 2014 р. № 1315-VII [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://zakon4.rada.gov.ua>

2. Мочерний С. Економічний енциклопедичний словник : у 2 т. / С. Мочерний, Я. Ларіна, О. Устенко, С. Юрій. – Львів : Видавництво «СВІТ», 2011– . – 2011. – 611 с.

3. Новейший философский словарь / [В. Кондрашов, Д. Чекалов, В. Копорулина] ; под общ. ред. А. Ярещенко. – Ростов-на-Дону : Феникс, 2005. – 672 с.

4. Великий тлумачний словник сучасної української мови / уклад. і гол. ред. В. Бусел. – К. ; Ірпінь : ВТФ «Перун», 2004. – 1440 с.

5. Словник Української мови : в 11 т. / за ред. І.К. Білодіда. – К. : Видавництво «Наукова думка», 1971– . – Т. 2. – 1971. – 550 с.

6. Про затвердження Методологічних положень щодо визначення основного виду економічної діяльності підприємства : Наказ Державного комітету статистики України від 14 грудня 2006 р. № 607 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.ukrstat.gov.ua>.

7. Словник Української мови : в 11 тт. / за ред. І. Білодіда. – К. : Видавництво «Наукова думка», 1979– . – Т. 10. – 1979. – 657 с.

8. Про захист економічної конкуренції : Закон України від 11 січня 2001 р. № 2210-III [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://zakon4.rada.gov.ua>

9. Словник Української мови : в 11 тт./за ред. І.К. Білодіда.–К.:Видавництво «Наукова думка», 1973– . – Т. 4. – 1973. – 840 с.

10. Основы учения об экономике / Х. Зайдель, Р. Теммен. – пер. с нем. – М. : Дело ЛТД, 1994. – 400 с.

11. Словник Української мови : в 11 тт. / за ред. І. Білодіда. – К. : Видавництво «Наукова думка», 1978– . – Т. 9. – 1978. – 917 с.

12. Eurostat / The statistical office of the European Union [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://ec.europa.eu/eurostat>.

13. United Nations Statistics Division [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://unstats.un.org>.

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ ПОЗИТИВНОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Анна ГРИГОРОВА,

аспирант кафедры теории государства и права
Национального университета «Одесская юридическая академия»

Summary

Analyses of positive form of legal responsibility, with the emphasis on the need for its recognition within the framework of state encouraging. Is discovering the positive sanction as an essential element of the mechanism of positive legal liability. Proposes creating of the basic construction of legal liability mechanism to overcome diversity of approaches to the understanding of its forms. Definition of positive legal liability, based on this construction, is formed.

Key words: legal responsibility, positive liability, positive sanction, mechanism of legal responsibility, legal modeling.

Аннотация

В статье осуществляется анализ позитивной формы юридической ответственности, делается акцент на необходимости ее признания в рамках институту государственного поощрения. Исследуется позитивная санкция как неотъемлемый элемент механизма позитивной юридической ответственности. Предлагается построение общетеоретической конструкции механизма юридической ответственности для преодоления разнородности подходов к пониманию ее форм. Формулируется понятие позитивной юридической ответственности, которое основывается на вышепредложенной конструкции.

Ключевые слова: юридическая ответственность, позитивная юридическая ответственность, позитивная санкция, механизм юридической ответственности, правовое моделирование.

Постановка проблемы. Начавшаяся в середине XX ст. научная дискуссия о включении позитивной формы ответственности в структуру юридической ответственности на сегодняшний день остается открытой. Понимание государства как института, обеспечивающего регулирование наиболее важных общественных отношений, дает возможность говорить не только о карательных, но и о поощрительных способах влияния на субъектов. В этом контексте считаем необходимым трактование института юридической ответственности в его широком понимании с выделением как негативной, так и позитивной ее формы.

Актуальность темы исследования подтверждается отсутствием комплексных общетеоретических исследований позитивной юридической ответственности во взаимосвязи с позитивной санкцией как ее определяющим критерием.

Состояние исследования. Наибольший вклад в разработку современной теории позитивной юридической ответственности сделан российским ученым Д. Липинским. Автор, однако, концентрирует свое внимание на обосновании данной формы ответственности, не уделяя при этом должного внимания механизму ее реализации, что послужило причиной обращения к этому вопросу в данной статье.

Целью и задачей статьи является построение общетеоретической мо-

дели юридической ответственности, которая могла бы использоваться как для негативной, так и для позитивной ее формы.

Изложение основного материала. Признание института одобрения правомерных действий субъекта государством обуславливает расширение горизонтов изучения феномена юридической ответственности. Следует согласиться с утверждением советских исследователей уголовного права, что «проблема правовой ответственности не сводится к проблеме ответственности за причиненный вред, за нарушение охраняемых законом интересов: правовая ответственность лишь наиболее рельефно проявляется в нарушении, но она реально существует и при совершении разрешенных действий, а тем более тех, которые прямо вытекают из закона» [1, с. 78]. Сведение исследования лишь к негативным аспектам ответственности лишает возможности исследовать поощрительные меры воздействия, имеющиеся в структуре института юридической ответственности.

Базовой проблемой в вопросе признания позитивной ответственности остается терминологическое разнообразие подходов к ее дифференциации. Как справедливо отметил Д. Липинский, позитивную ответственность в различных исследованиях называют активной, перспективной, позитивно-умеренной, позитивно-активной, поощрительной, отождествляют с чувством долга или

юридической обязанностью, что создает неоправданную терминологическую перенасыщенность и усложняет ее исследования [2, с. 9].

О. Сунцова, исследуя нетрадиционные виды юридической ответственности, позитивную ответственность приравнивает к перспективной (ответственности за будущие деяния) [3, с. 111-112], фактически отождествляя это понятие с правомерным поведением субъекта в регулятивных правоотношениях. Аналогичной позиции придерживаются и другие авторы, которые из-за невозможности сформировать конструкцию такой формы ответственности приравнивают ее к правосознанию или правомерному поведению (а иногда и к моральной обязанности), при этом не выделяя критерии разграничения данных понятий. Тогда структура юридической ответственности в целом выступает как непрерывный процесс, начинающийся позитивной ответственностью как исполнением юридических обязанностей, который может переходить в форму негативной ответственности в случае нарушения правовых предписаний [4, с. 508]. Б. Базылев, отстаивая такую позицию, предлагал рассматривать отношения позитивной ответственности как общие правовые отношения (вытекающие из неперсонифицированных конституционных норм), которые состоят в установлении государством абстрактного долга всех членов общества

соблюдать определенные правовые нормы и права государства требовать исполнения такого долга. Нарушение субъектом этой обязанности является основанием возникновения индивидуализированных отношений ответственности (ретроспективная ответственность) [5, с. 43, с. 45]. Предложенную автором концепцию трудно поддерживать, ведь непонятным с его позиции остается вопрос механизма данного типа ответственности.

Исследуя позитивную ответственность, автор статьи исходит из того, что она не является абстрактным понятием, не обращена к моральному долгу субъекта, а является реальным правовым явлением, которое может быть исследовано в рамках теории юридической ответственности. Исходя из этого, следует критически оценить утверждение А. Булатова о том, что «к позитивной ответственности нельзя подходить по меркам негативной, так как с этих позиций ее не понять. Это особый феномен, который выражает другие связи и отношения, и соответственно здесь должны применяться другие оценки и критерии» [6, с. 7]. Считаем, что отсутствие унифицированного подхода к формам юридической ответственности обусловлено именно разрозненностью критериев их выделения, что и препятствует построению единой конструкции юридической ответственности.

Необходимость формирования теоретической конструкции юридической ответственности, которая отображали бы механизм ее реализации независимо от отраслевой направленности, справедливо подчеркивает А. Машков [7, с. 82]. Полностью поддерживая позицию автора, считаем, что оптимальным путем создания общетеоретических моделей любого правового института является принятие модельного нормативного акта, первым шагом к разработке которого считаем моделирование и на уровне теоретических конструкций.

Для точного понимания соотношения позитивной и негативной формы ответственности предлагаем использовать такую модель механизма юридической ответственности: действие (противоправное или поощряемое право) – нормативное основание привлечения к ответственности – применение компетентным органом соответствующих мер ответственности (санкций).

Последний элемент неизбежно указывает на исключительно ретроспективный характер как позитивной так и негативной ответственности и позволяет отказаться от абстрактного признака ее перспективного и постоянного характера. Применение данной модели даст возможность разграничить механизмы реализации правомерного поведения и юридической ответственности, т.к. применение мер последней всегда включает вмешательство компетентного органа.

М. Байтин, критикуя концепцию позитивной юридической ответственности в целом, отмечал, что любое изучение данного института на уровне конкретных вопросов (основания, признаки, виды, последствия и т.д.) приводит исследователей к его ретроспективному пониманию [8, с. 196]. Считаем данный тезис обоснованным при том, что критично оцениваем утверждения автора о нежизнеспособности концепции позитивной юридической ответственности. Следует также согласиться с утверждением А. Безклубого о том, что в контексте теории ответственности корректнее употреблять термины «правовая», «позитивная», «негативная», а не «проспективная» и «ретроспективная», как такие, которые концентрируют внимание исключительно на темпоральном характере явления [9, с. 124].

Несколько иное разграничение между позитивной и перспективной ответственностью проводит Е. Цишковский. Позитивная ответственность выступает у автора формой контроля, в рамках которой субъект вознаграждается за совершенное правомерное деяние, в то время как перспективная ответственность отождествляется с личностной установкой субъекта действовать правомерно в будущем. Такая установка формируется в результате применения к лицу мер позитивной ответственности. Отмечая оригинальность предложенной автором концепции, трудно согласиться с фактическим отождествлением понятий «будущее правомерное поведение» и «ответственность», из-за чего деяние приравнивается к результату [10]. Данная терминологическая проблема является результатом отсутствия в юридической науке дефиниции, которая характеризовала бы установку на правомерное

поведение, как осознанную необходимость действовать правомерно, из-за чего ряд авторов определяют это явление как ответственность за будущее деяния (проспективную ответственность). Признавая исключительно ретроспективный характер любой формы ответственности, считаем необходимым использование для вышеописанного явления качественно новой дефиниции – предпосылка правомерного поведения.

Юридический термин «санкция» (лат. *sanctio* – строжайшее постановление) в течение долгого времени использовался в сугубо негативном смысле для характеристики правовых мер воздействия, в той или иной степени ограничивающих права и свободы субъекта [11, с. 184-185]. О. Лейст, подразделяя санкции на штрафные и правовосстановительные, критически оценивал предложенные в середине XX в. идеи о включении позитивных санкций в общую классификацию санкции, подчеркнув, что наказание и поощрение существенно отличаются по способу воздействия на поведение людей и по роли в осуществлении правового регулирования общественных отношений [12, с. 52-54]. Сам автор проводит классификацию санкций по критерию способа служения охране правопорядка, однако фактически классификация проведена по характеру правовых последствий для сторон охранительного правоотношения.

В противовес такому утверждению А. Малько указывал на то, что этимологическое значение термина «санкция» позволяет использовать его для характеристики не только негативных, но и позитивных последствий. Автор приводит следующие аргументы существования поощрительных санкций: 1) позитивные санкции присущи всем социальным нормам; 2) санкции поощрения признает не только отечественная, но и зарубежная наука; 3) структура юридических норм, содержащих санкции поощрения, напоминает структуру большинства уголовно-правовых норм, содержащих санкции наказания; 4) определенным доказательством существования поощрительных санкций является то, что они во многих нормативных правовых актах расположены рядом с мерами наказания [13, с. 72, с. 75].

Дополняя тезисы, А. Малько, В. Орехов определяют санкцию как элемент правовой нормы, указывающий на возможные последствия (как негативные так и позитивные), в зависимости от отношения субъекта к правилам поведения, определенным диспозицией правовой нормы [14, с. 7].

Необходимость выделения позитивных (поощрительных) санкций в нормативном массиве отмечает А. Краснов, обращая внимание на соответствие позитивной санкции поощрительной диспозиции правовой нормы. Автор понимает санкцию как элемент, призванный обеспечить исполнение вариантов поведения, заложенных в диспозиции нормы, поэтому по его мнению сведение санкции только к мере наказания значительно сужает ее значение в правоотношениях [15, с. 154-156]. Е. Дьяченко, рассматривая позитивную санкцию как базовый элемент поощрительной политики государства, указывает на то, что она выступает гарантирующим фактором заслуженного поведения [16, с. 11].

Следует критично оценить утверждение М. Байтина об исключительно негативном характере санкции, т.к. иная трактовка противоречит самому учению о структуре нормы права. Автор фактически отождествляется диспозиция и санкция поощрительной нормы, в результате чего он приходит к выводу об отсутствии санкции в структуре поощрительных норм.

Безусловно, санкциями негативной и позитивной ответственности присущи различия, которые в первую очередь обусловлены степенью императивности порядка их применения. Так, ст. 30 КЗоТ Украины определена обязанность работника выполнять порученную ему работу лично, без права поручать ее выполнение другому лицу. Санкции негативной ответственности за нарушение данной нормы предусмотрены ст. 40-41 КЗоТ и носят обязательный для работника характер правовых последствий. Поощрительная санкция, соответствующая этой же норме, закреплена в ст. 143 КЗоТ, устанавливающей право работодателя применить любые поощрения, которые содержатся в утвержденных трудовыми коллективами правилах внутреннего трудового распорядка и подразумевает право работника отказаться от принятия определенного вида поощрения.

Позитивная санкция может выступать стимулирующим фактором правомерного поведения, как в регулятивных, так и в охранительных правоотношениях. В первом случае нормы позитивной юридической ответственности могут стимулировать субъекта к переходу от одобряемого к поощряемому правом поведению; в охранительных правоотношениях позитивная ответственность выступает как фактор формирования позитивного постправонарушаемого поведения [17, с. 241-242].

Основываясь на вышеизложенном, предлагаем определить *позитивную юридическую ответственность* как закрепленную диспозицией и санкцией поощрительной нормы форму юридической ответственности, которая выражается в применении компетентным органом мер поощрения к субъекту в случае его активного правомерного (правопоощряемого) поведения.

Выводы. Построение общетеоретической модели юридической ответственности приводит нас к пониманию неразрывной связи между ответственностью и санкцией. Санкции позитивной юридической ответственности следует понимать как предусмотренные нормативными актами положительные правовые последствия, которые проявляются в различного рода поощрениях. Выделение поощрительных (позитивных) санкций дает возможность разграничить правомерное поведение, которое является одобряемым правом, и позитивную юридическую ответственность, предполагающую поощрительные меры правового воздействия.

Список использованной литературы:

1. Ефимов М.А. Функции советского уголовного права (Предмет, задачи и способы уголовно-правового регулирования) / М.А. Ефимов, М.И. Ковалев, В.Г. Смирнов. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1965. – 188 с.
2. Липинский Д.А. Позитивная юридическая ответственность: за и против (часть 1) / Д.А. Липинский // Право и политика. – 2005. – № 11. – С. 9-18.
3. Сунцова Е.А. Нетрадиционные виды юридической ответственности: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 /

Елена Анатольевна Сунцова. – М., 2005. – 229 с.

4. Коврига З.Ф. Системно-структурный подход к исследованию позитивной ответственности (на примере уголовного судопроизводства) / З.Ф. Коврига, Н.К. Панько // Вестник Воронежского государственного университета. – Сер. «Право». – 2010. – № 1. – С. 506-515.

5. Базылев Б.Т. Сущность позитивной юридической ответственности / Б.Т. Базылев // Правоведение. – 1979. – № 4. – С. 40-46.

6. Булатов А.С. Юридическая ответственность (общетеоретические проблемы): автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / А.С. Булатов. – Л., 1985. – 19 с.

7. Машков А. Обґрунтування доцільності двохаспектного погляду на юридичну відповідальність для сучасної правової науки / А. Машков // Про українське право: часопис кафедри теорії та історії держави і права / Київ. нац. ун-т ім. Тараса Шевченка, Юридичний ф-т. – К., 2010. – С. 72-82.

8. Байтин М.И. Сущность права (современное нормативное понимание на грани двух веков) / М.И. Байтин. – Сар.: СГАП, 2001. – 416 с.

9. Гришук В.К. Юридична відповідальність / В.К. Гришук. – Л.: ЛьвДУВС, 2012. – 155 с.

10. Цишковский Е.А. Позитивная и перспективная юридическая ответственность в системе социального контроля: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 – теория и история права и государства; история правовых учений / Е.А. Цишковский – Нижний Новгород, 2003. – 33 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.law.edu.ru/script/cntSource.asp?cntID=100093512>.

11. Малейн Н.С. Правонарушение: понятие, причины, ответственность / Н.С. Малейн. – М.: Юрид. лит., 1985. – 191 с.

12. Лейст О.Э. Санкции в советском праве / О.Э. Лейст. – М.: Госюриздат, 1962. – 238 с.

13. Малько А.В. Стимулы и ограничения в праве: монография / А.В. Малько. – М.: Юрист, 2004. – 250 с.

14. Орехов В.Ю. Санкції в праві як елемент правового регулювання та охорони суспільних відносин: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 /

Віктор Юрійович Орехов. – К., 2008. – 20 с.

15. Краснов А.В. Правовые санкции в экономической сфере : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Александр Валерьевич Краснов. – Казань, 1999. – 188 с.

16. Дьяченко Е.А. Поощрения как позитивные санкции нормы права: общетеоретический аспект контроля : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 – теория и история права и государства; история учений о праве и государстве / Е.А. Дьяченко. – Краснодар, 2011. – 31 с.

17. Орловская Н.А. Уголовно-правовые санкции: проблемы определения, классификации и функционального анализа : монография / Н.А. Орловская. – О : Юридична література, 2010. – 296 с.

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЙ СТАТУС ПОМОЩНИКА-КОНСУЛЬТАНТА НАРОДНОГО ДЕПУТАТА УКРАИНЫ

Игорь ГРИЩЕНКО,

помощник-консультант народного депутата Украины,
Аппарат Верховной Рады Украины

Summary

This article analyzes the constitutional and legal status of the assistant-consultant of the MP of Ukraine. It is noted that the MP may have up to thirty-one assistant-consultants working on fixed-term contract on a permanent basis or part-time, and on a voluntary basis. There is the characteristic of this order, the dismissal from the post of assistant-consultant. It is emphasized that personal selection of candidates for the position of assistant-consultant, organization of their work and allocation of the monthly wage fund is carried out personally by the MPs, who are responsible regarding the legality of their decisions.

Key words: constitutional and legal status, assistant consultant, MP, civil service, office of the Verkhovna Rada of Ukraine, Parliament.

Аннотация

Статья посвящена анализу конституционно-правового статуса помощника-консультанта народного депутата Украины. Отмечено, что парламентарий может иметь до тридцати одного помощника-консультанта, которые работают по срочному трудовому договору на постоянной основе или по совместительству, а также на общественных началах. Дана характеристика порядка приема и увольнения с должности помощников-консультантов. Подчеркнуто, что персональный подбор кандидатур на должность помощника-консультанта, организацию их работы и распределение месячного фонда оплаты труда осуществляет лично народный депутат Украины, который несет ответственность относительно правомерности своих решений.

Ключевые слова: конституционно-правовой статус, помощник-консультант, народный депутат, государственная служба, Аппарат Верховной Рады Украины, парламент.

Постановка проблемы. Представительное правление органом законодательной власти является примером аксиологического измерения содержания Конституции. Статья 75 Основного Закона регулирует основополагающие правоотношения – характеристику законодательной ветви государственного аппарата. Упомянутая норма выражает конституционную ценность, подкрепленную политической практикой. Без парламента нет демократического государства и, соответственно, правового регулирования общественных явлений.

Нормативные положения ст. 75 Конституции одержали продолжение и конкретизацию в других статьях Раздела IV Основного Закона, выступая средством интеграции всех его социальных ценностей в юридические конструкции конституционного текста. Упомянутый раздел регулирует особенности государственного строя – правовой статус не только легислатуры, но и взаимо-

отношения с ней отдельных государственных институций [1, с. 283-284].

В нынешних условиях функционирования Верховной Рады Украины как представительного [2, абз. 4 п. 5 мотивировочной части, абз. 2 п.1 резолютивной части] профессионального органа государственной власти верными являются умозаключения ученых о парламентаризме как о высшей форме представительной демократии [3, с. 28; 4, с. 81; 5, с. 58; 6, с. 11; 7, с. 26]. Сложные и многогранные полномочия легислатуры можно реализовать при условии эффективной помощи вспомогательных институций, одной из которых, согласно текущему законодательству, являются помощники-консультанты парламентариев.

Актуальность темы. Углубленное изучение порядка зачисления на работу, реализации прав и обязанностей, гарантий деятельности представляется необходимым для характеристики правового регулирования и социальной

действительности работы помощника-консультанта народного депутата Украины. Новые тенденции государственного строительства требуют знания и понимания действующих нормативных актов, а также необходимости их адаптации к изменяющимся жизненным реалиям.

При написании предложенной рукописи были использованы труды таких ученых, как С.А. Котляревский, В.Е. Натугев, С.П.Обухов, И.В. Процюк, М.И. Салей, И.Е. Словская. Нормативной основой стали законы и подзаконные акты Украины.

Целью статьи является раскрытие текущего состояния правового регулирования конституционного статуса помощника-консультанта народного депутата Украины.

Изложение основного материала. Конституционная стабильность (порядок) является принципиальным условием не только безопасного существования личности и государства, но и их прогрессивного развития. Отсутствие конструктивной деятельности законодательного органа увеличивает возможность проявления социальных конфликтов, девальвирует авторитет государства, крайне негативно влияет на политическую лояльность граждан. Одним из центральных, определяющих элементов легитимного функционирования публичной власти следует назвать признание обществом правомерности решений законодательной власти, что делает возможным достижение согласия и интеграции разных слоев населения в Украине.

Передача гражданами представительных полномочий народным депутатам, которые те реализуют на постоянной основе [8, абз. 1 п. 1 мотивировочной части], несомненно, требует привлечения к подготовке реализации парламентских процедур помощников-консультантов. Следует отметить, что парламентарий может иметь до тридцати одного помощника-консультанта, которые работают по срочному трудовому договору на постоянной основе или по совместительству, а также на общественных началах. Помощником-консультантом народного депутата Украины может быть лишь гражданин Украины, который имеет среднее специальное или высшее образование и свободно владеет государственным языком.

На четырех помощников-консультантов народного депутата распространяется действие Закона Украины «О государственной службе», им присваивается не выше чем седьмой ранг государственного служащего четвертой категории. При этом они прикрепляются для кадрового и финансового обслуживания к Аппарату Верховной Рады Украины или к исполнительным аппаратам органов местного самоуправления [9, ч.ч. 1-3 ст. 34] как вспомогательные внутривластные учреждения [10, с. 276, 279-280].

Помощники-консультанты не являются структурными подразделениями Аппарата Верховной Рады Украины, о чем свидетельствует текст соответствующего Постановления Верховной Рады Украины от 20 апреля 2000 г. В документе отсутствует упоминание о помощниках-консультантах [11]. При этом должность помощника официально называется «помощник-консультант народного депутата Украины Аппарата Верховной Рады Украины».

Персональный подбор кандидатур на должность помощника-консультанта, организацию их работы и распределение месячного фонда оплаты труда осуществляет лично народный депутат Украины, который несет ответственность относительно правомерности своих решений. Парламентарий самостоятельно определяет количество помощников-консультантов, работающих по срочному трудовому договору на постоянной основе, по совместительству и на общественных началах в пределах общего фонда, которые устанавливаются ему для оплаты труда помощников-консультантов Постановлением Верховной Рады Украины [12, ст. 3.1, ч. 3 ст. 3.2].

Зачисление на должность помощника-консультанта проводится на основании письменного представления народного депутата Украины Руководителю Аппарата Верховной Рады Украины или руководителю исполнительного комитета соответствующего органа местного самоуправления, а в городах Киеве и Севастополе – секретариата городского совета, государственного предприятия, учреждения и организации, в котором указываются персональные данные кандидата, зачисление на постоянной основе или по совместительству, срок действия трудового

договора, сведения о зачислении на государственную службу, ранг, который присваивается или уже присвоенный государственному служащему, размер заработной платы и дата зачисления. К письменному представлению народного депутата прилагаются личное заявление кандидата и другие документы, предусмотренные законодательством [12, ч. 1 ст. 3.3].

Важно отметить, что период пребывания на должности помощника-консультанта народного депутата по срочному трудовому договору на постоянной основе засчитывается в трудовой стаж по специальности такого помощника-консультанта [9, абз. 2 ч. 7 ст. 34].

На должности помощника-консультанта народного депутата Украины по срочному трудовому договору на постоянной основе или по совместительству не могут находиться работники Аппарата Верховной Рады Украины и органов исполнительной власти, находящихся на государственной службе или на службе в органах местного самоуправления, а также лица, которым законодательством Украины запрещено выполнение иной оплачиваемой работы [12, ч. 2 ст. 3.4.]. При этом парламентарии часто неофициально привлекают к исполнению обязанностей помощников-консультантов работников Аппарата или даже оформляют их на должности помощников на общественных началах, о чем сообщают на сайте законодательного органа на своих персональных страницах в рубрике «помощники-консультанты». Некоторые работники Аппарата умудряются совмещать выполнение своих непосредственных штатных обязанностей и функции помощников нескольких парламентариев.

Помощник-консультант народного депутата Украины имеет право: входить и находиться в помещениях Верховной Рады Украины, центральных и местных органов исполнительной власти, органов местного самоуправления за удостоверением помощника-консультанта; присутствовать на пленарных заседаниях Верховной Рады Украины, заседаниях комитетов, временных специальных или временных следственных комиссий парламента, местных органов исполнительной власти и органов местного самоуправ-

ления; безвозмездно пользоваться информационными базами данных, телекоммуникационными сетями Верховной Рады Украины и органов местного самоуправления; на ознакомление с актами, принятыми Верховной Радой Украины, кроме принятых на ее закрытых заседаниях, а также информационными и справочными материалами, которые официально распространяются Верховной Радой Украины, Президентом, органами исполнительной власти, органами местного самоуправления; получать по письменному обращению народного депутата в органах исполнительной власти, органах местного самоуправления, объединениях граждан, на государственных предприятиях, в учреждениях и организациях необходимые народному депутату для осуществления его депутатских полномочий документы, информационные и справочные материалы, а также почтовую и телеграфную корреспонденцию; объявлять подготовленные парламентарием письменные предложения, обращения, заявления и иные документы на заседаниях местных органов исполнительной власти, органов местного самоуправления или подавать их в письменной форме; по письменному обращению народного депутата Украины и по согласию руководителей органов исполнительной власти, органов местного самоуправления, государственных предприятий, учреждений, организаций пользоваться копировально-множительной и вычислительной техникой.

Помощник-консультант народного депутата обязан: соблюдать требования законодательства и не допускать действий, которые могут негативно влиять на исполнение полномочий депутата, воздерживаться от заявлений и поступков, компрометирующих парламентария; придерживаться высокой культуры общения с должностными лицами и гражданами, работниками Аппарата Верховной Рады Украины, органов исполнительной власти, органов местного самоуправления, предприятий, учреждений, организаций и объединений граждан; по поручению народного депутата изучать вопросы, необходимые для осуществления депутатских полномочий, готовить по ним соответствующие материалы; помогать депутату в организации проведения

отчетов и встреч с избирателями, трудовыми коллективами предприятий, учреждений, организаций; выполнять поручения народного депутата; систематически обобщать обращения избирателей, принимать участие в организации изучения общественного мнения, нужд и запросов избирателей, вносить предложения относительно путей их решения; вести делопроизводство и обеспечивать сохранность документов, поступающих на имя народного депутата, контролировать своевременное поступление ответов на депутатские обращения; предоставлять народному депутату организационно-техническую и другую необходимую помощь при осуществлении им депутатских полномочий [12, ст. ст. 2.1., 2.2].

Кроме общих оснований, предусмотренных Кодексом законов о труде Украины и Законом Украины «О государственной службе», помощник-консультант народного депутата может быть уволен:

1) по письменному представлению народного депутата Руководителю Аппарата Верховной Рады Украины, руководителю исполнительного комитета (аппарата) соответствующего органа местного самоуправления, а в городах Киеве и Севастополе – секретариата городского совета, к которому прикреплен помощник-консультант народного депутата Украины для кадрового и финансового обслуживания, или руководителя государственного предприятия, учреждения, организации, в штате которых он находится;

2) в случае прекращения полномочий народного депутата Украины – с даты их прекращения.

Для увольнения помощника-консультанта народного депутата Украины не требуется согласование с выборным органом первичной профсоюзной организации [12, ч. ч. 1, 2 ст. ст. 4.5].

Согласно ч. 1 ст. 30 Закона Украины «О государственной службе», государственная служба помощника-консультанта прекращается в случае: нарушения условий реализации права на государственную службу; несоблюдения связанных с прохождением государственной службы требований, предусмотренных статьями 16 и 16-1 настоящего Закона: достижения государственным служащим предельного возраста прохождения государственной

службы; выявление или возникновение обстоятельств, препятствующих пребыванию государственного служащего на государственной службе; отказа государственного служащего от принятия Присяги или ее нарушения [13].

Основаниями прекращения трудового договора с помощником-консультантом народного депутата согласно ч. 1 ст. 36 Кзот могут быть следующие условия: соглашение сторон; истечение срока; призыв или поступление работника на военную службу, направление на альтернативную (невоенную) службу, кроме случаев, когда за работником сохраняются место работы, должность в соответствии с ч. ч. 3, 4 ст. 119 Кзот (призыв при мобилизации на особый период или принятие на военную службу по контракту в случае возникновения кризисной ситуации, которая угрожает национальной безопасности, объявление решения о проведении мобилизации и (или) введения военного положения на срок до окончания особого периода или до дня фактической демобилизации, а также продолжение военной службы в связи с поступлением на военную службу по контракту, но не более чем на срок заключенного контракта); расторжение трудового договора по инициативе работника (статьи 38, 39 Кзот), по инициативе собственника или уполномоченного им органа (статьи 40, 41 Кзот), по требованию профсоюзного или другого уполномоченного на представительство трудовым коллективом органа (ст. 45 Кзот); перевод работника с его согласия, на другое предприятие, в учреждение, организацию или переход на выборную должность; отказ работника от перевода на работу в другую местность вместе с предприятием, учреждением, организацией, а также отказ от продолжения работы в связи с изменением существенных условий труда; вступление в законную силу приговора суда, которым работник осужден (кроме случаев освобождения от отбывания наказания с испытанием) к лишению свободы или иному наказанию, исключая возможность продолжения данной работы; заключение трудового договора (контракта) вопреки требованиям Закона Украины «О предотвращении коррупции», установленным для лиц, которые уволились или иным образом прекратили деятельность,

связанную с выполнением функций государства или местного самоуправления, в течение года со дня ее прекращения; основания, предусмотренные Законом Украины «Об очищении власти»; основания, предусмотренные контрактом [14].

Напоследок отметим, что законодательство гарантирует физическую неприкосновенность помощников-консультантов. Так, за оскорбление помощников-консультантов народного депутата или клевету на них, а также за влияние в любой форме с целью воспрепятствовать исполнению служебных полномочий, угрозу убийством, насилием, уничтожением или повреждением имущества, умышленное причинение помощникам-консультантам телесных повреждений, нанесение побоев или совершение иных насильственных действий виновные лица несут ответственность, установленную законом [9, ч. 1 ст. 37].

Выводы. Помощники-консультанты играют огромную роль в обеспечении реализации парламентских процедур. За последние 25 лет Украина стремится сформировать профессиональный законодательный орган не только беря за критерий постоянную основу работы, но и квалифицированный труд народных депутатов и их помощников независимо от условий трудового договора последних. Качественное и действеннее кадровое обеспечение законодательной деятельности должно сделать возможными глубокие социальные преобразования.

Список использованной литературы:

1. Салей М.І. Ціннісний вимір змісту Конституції України / М.І. Салей // Правові та інституційні механізми забезпечення сталого розвитку України : матеріали міжнар. наук.-практ. конф. професорсько-викладацького складу (Одеса, 15-16 травня 2015 р.) / відп. ред. М.В. Афанасьєва ; Національний університет «Одеська юридична академія». – О. : Юрид. літ., 2015. – в 2 т. – Т. 1. – С. 282-284.

2. Решение Конституционного Суда Украины в деле по конституционному представлению 50 народных депутатов Украины относительно официального толкования положений статей 75, 82, 84, 91, 104 Конституции Украины (от-

носительно полномочности Верховной Рады Украины) от 17 октября 2002 г. № 17-рп/2002 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://zakon2.rada.gov.ua>.

3. Процюк І.В. Роль і місце органів законодавчої влади у президентській республіці / І.В. Процюк // Юридичний науковий електронний журнал. – 2015. – № 4. – С. 28-31.

4. Словська І.Є. Парламентаризм : поняття та ознаки / І.Є. Словська // Право і суспільство. – 2011. – № 2. – С. 78-82.

5. Котляревский С. Сущность парламентаризма / С. Котляревский // Новое время. – 1994. – № 4. – С. 56-58.

6. Обухов С.П. Российский парламентаризм между признанием и отторжением. Проблема массового восприятия (1989-2005) / С.П. Обухов ; Рос. акад. наук ; Ин-т сравнит. политологии. – М. : ИПЦ «Маска», 2005. – 582 с.

7. Натугев В.Е. Концептуальное обоснование тенденций развития парламентаризма в Российской Федерации / В.Е. Натугев // Вестник Челябинского государственного университета. – 2008. – № 31 (132). – С. 23-26.

8. Решение Конституционного Суда Украины об официальном толковании статей 58, 78, 79, 81 Конституции Украины и статей 243-21, 243-22, 243-25 Гражданского процессуального кодекса Украины (по делу о несовместимости депутатского мандата) от 13 мая 1997 г. № 1-зп [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://zakon2.rada.gov.ua>.

9. О статусе народного депутата Украины : Закон Украины от 17 ноября 1992 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://zakon1.rada.gov.ua>.

10. Словська І.Є. Верховна Рада України в системі вітчизняного парламентаризму : конституційно-правове дослідження : дис. ... доктора юрид. наук : спец. 12.00.02 / Словська Ірина Євгенівна. – О., 2014. – 560 с.

11. О структуре Аппарата Верховной Рады Украины : Постановление Верховной Рады Украины от 20 апреля 2000 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://zakon.rada.gov.ua>.

12. О помощнике-консультанте народного депутата Украины : Положение, утв. Постановлением Верховной Рады Украины от 13 октября 1995 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://zakon2.rada.gov.ua>.

13. О государственной службе : Закон Украины от 16 декабря 1993 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://zakon1.rada.gov.ua>.

14. Кодекс законов о труде Украины от 10 декабря 1971 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://zakon1.rada.gov.ua>.

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ИЗДЕРЖКИ СОГЛАСНО НОРМАМ АВСТРИЙСКОГО ГРАЖДАНСКО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО КОДЕКСА 1895 Г.

Кристина ДУМЫЧ,

аспирант кафедры истории государства, права и политико-правовых учений юридического факультета
Львовского национального университета имени Ивана Франко

Summary

Article is devoted to the essence and content of procedural costs as an important institution of the Austrian civil procedure law, which has spread its power in East Galicia. Analyzed the provisions of the Civil Procedure Code of 1 August 1895, and the general order of the Minister of Justice, Minister of Interior and Minister of Finance of 23 May 1897 on granting the right of the poor and the production of relevant documents – as the basis for the legal regulation of the institution of procedural costs. The problems associated with the distribution of the procedural costs and exemption from taxes. It focused on the characterization of the legal nature of the concept of «rights of the poor» as well as the grounds of its application in the study period.

Key words: procedural costs, „right poorest”, random things, a list of funds, certificate poverty.

Аннотация

Статья посвящена раскрытию сущности и содержания процессуальных издержек как важного института австрийского гражданско-процессуального права, которое распространяло свою силу в Восточной Галичине. Проанализированы положения гражданско-процессуального кодекса от 1 августа 1895 г. и общее распоряжение министра юстиции, министра внутренних дел и министра финансов от 23 мая 1897 г. о предоставлении права бедных и изготовление необходимых для этого документов – как основы правового регулирования института процессуальных издержек. Исследованы вопросы, связанные с распределением процессуальных издержек и освобождением от их уплаты. Внимание сосредоточено на характеристике правовой природы и понятии «права бедных», а также основаниях его применения в исследуемый период.

Ключевые слова: процессуальные расходы, «право бедных», случайные дела, перечень средств, удостоверение бедности.

Постановка проблемы. Одним из важных этапов развития австрийского гражданско-процессуального права было принятие парламентом и утверждение 1 августа 1895 г. императором Францем Иосифом I Закона о процессе по гражданским делам (гражданско-процессуального кодекса), который действовал на территории Галичины и Буковины как составных частей Австрийской империи, а с 1867 г. – Австро-Венгерской монархии. Важным аспектом при анализе австрийского гражданско-процессуального кодекса 1895 г. является выяснение вопроса о процессуальных издержках как важного института гражданско-процессуального права, который имеет непосредственное влияние на возможность реализации лицом права на обращение в суд и получения судебной защиты. Необходимо отметить, что правовое регулирование данного института гражданско-процессуального права происходило на основе предписаний и других нормативно-правовых актов. Среди таких актов важное место занимает совместное распоряжение министра юстиции, министра внутренних дел и министра финансов от 23 мая 1897 г. в предоставление права бедных и изготовление необходимых для этого

документов. Упомянутое распоряжение детализировало положения гражданско-процессуального кодекса 1895 г. по вопросам, связанным с предоставлением права бедных как важного элемента института процессуальных издержек.

Актуальность темы исследования заключается в том, что в современной историко-правовой литературе отсутствует комплексное исследование вопроса процессуальных издержек в соответствии с предписаниями австрийского гражданско-процессуального кодекса 1895 г., а также принимая во внимание значимость историко-правового опыта для современного правотворчества, поскольку учет ошибок прошлого является гарантией избежания их в будущем, что является одним из условий эффективного реформирования законодательства современной Украины.

Состояние исследования. Среди исследователей вопроса о процессуальных издержках в австрийском гражданско-процессуальном праве необходимо назвать имена таких ученых, как: W. Godlewski [2], F. Fierich [4], A. Dziadzio [5], K. Grzybowski [6], K. Koranyi [8], KS Zielińska [9] и др., проанализировавших и развивших существующие научные представления по этому вопросу. Однако

необходимо отметить, что в современной юридической литературе по истории государства и права представлены лишь начальные попытки исследования вопроса о процессуальных расходах по австрийскому гражданско-процессуальному кодексу 1895 г.

Целью статьи являются детальный анализ историко-правовой литературы и дальнейшая характеристика сущности, структуры и законодательного регулирования института процессуальных издержек, который является одним из важных элементов реализации лицом права на обращение в суд, в соответствии с предписаниями австрийского гражданско-процессуального кодекса 1895 г., который стал единственным кодифицированным актом, который регулировал гражданско-процессуальные отношения и распространял свое действие на всю территорию Галичины и Буковины.

При осуществлении исследования по теме данной публикации были использованы следующие методы: историко-правовой, структурно-функционального анализа и герменевтический. Среди них историко-правовой метод видится главным, поскольку его применение происходило на каждом этапе исследования.

Изложение основного материала.

Необходимо отметить, что австрийский гражданско-процессуальный кодекс 1895 г. не содержал определения процессуальных издержек. Однако, проанализировав нормы этого кодекса, можно сделать вывод, что в нем под процессуальными издержками понимали материальные затраты на обеспечение гражданского производства, возмещение которых возлагалось на его участников и государство.

Как отмечалось в § 40 Гражданско-процессуального кодекса 1895 г., каждый должен самостоятельно оплатить издержки процессуальных действий. Расходы, связанные с процессуальными действиями, которые были проведены по решению суда, в связи с наличием общего ходатайства сторон или которые были проведены по решению суда в интересах обеих сторон без наличия ходатайства, оплачивают совместно обе стороны [1, с. 721].

Денежной единицей, в которой оплачивались процессуальные расходы в соответствии с нормами артикула императорского патента, которым вводился в действие гражданско-процессуальный кодексом 1895 г., был рынский золотой (далее – рынский). Эта норма была изменена императорским патентом «О введении новой денежной единицы-кроны» от 21 сентября 1899 г. В соответствии с нормами этого патента с 1 января 1900 г. вместо рынского золотого в Австро-Венгерской монархии вводилась новая денежная единица – крона. То есть с этого времени процессуальные средства уплачивались в кронах. Соотношение рынского и кроны было 1 рынский – 2 кроны [2, с. 300].

Относительно распределения процессуальных издержек в соответствии с §§ 41-55 Гражданско-процессуального кодекса 1895 г. установлены следующие положения:

1. Сторона, проигравшая дело, должна возместить стороне, в пользу которой принято решение суда, а также третьему лицу с самостоятельными требованиями на ее стороне, все средства, которые возникли в результате проведения процессуальных действий или вследствие привлечения адвоката, нотариуса или пред-

ставителя. Определение их размера относится к компетенции суда или определяется на основе расценок на предоставление адвокатских и нотариальных услуг. Если сторона имела несколько адвокатов, то ей возмещались средства только за привлечение одного адвоката.

2. Ни сторона, ни третье лицо, заявляющее самостоятельные требования, не имели права требовать вознаграждение за свой личный труд или процессуальные действия, которые выполнялись по их личному ходатайству. Им предоставлялось право на компенсацию ущерба, а также возврат затрат на печати и другие необходимые вещи для осуществления процессуальных действий, в том числе расходы на проезд в суд, если сторона участвует в деле лично. Если же от имени стороны в деле принимает представитель, не являющийся ни адвокатом, ни нотариусом, то стороне предоставлялось право на компенсацию ущерба и затрат на печати и другие необходимые вещи для осуществления процессуальных действий [3, с. 370-371].

Итак, проанализировав приведенные положения в данных пунктах, можем сделать вывод, что в соответствии с предписаниями австрийского гражданско-процессуального кодекса 1895 г. к процессуальным издержкам относились:

- расходы на правовую помощь (расходы связанные с привлечением адвоката, нотариуса или представителя);

- расходы на печати и другие вещи, необходимые для совершения процессуальных действий, связанных с рассмотрением дела;

- расходы на проезд в суд (если сторона участвует в деле лично или если от имени стороны в деле принимает представитель, не является ни адвокатом, ни нотариусом).

3. Если сторона, которая должна была вернуть средства, была представлена несколькими лицами (например, несколько истцов) и все они вместе отвечали за причиненный ущерб, который является предметом спора, то они также вместе отвечали и относительно процессуальных средств.

4. Третье лицо, не заявлявшее самостоятельных требований, отве-

чало только за средства, возникшие вследствие ее вступления в процесс и процессуальные действия, которые выполнялись по его ходатайству, если только ее вхождения в процесс в качестве стороны не обусловлено согласием обеих сторон.

5. Если обе стороны частично спор выиграли, а частично проиграли, то есть иск удовлетворен частично, то процессуальные расходы они несут взаимно. Стороне, исковые требования которой удовлетворены в большей части, процессуальные расходы присуждались пропорционально удовлетворенным исковым требованиям.

Таким же образом вопрос определения размера процессуальных расходов решался и в случае, если конечное определение размера исковых требований зависело от:

- решения суда по делу, предмет которой имел значение для определения размера исковых требований;

- оценки специалистов;

- взаимных расчетов между сторонами [4, с. 189-190].

6. Независимо от размера средств, израсходованных в связи с рассмотрением дела по существу, средства связанные с рассмотрением дел, потребность в рассмотрении которых возникла в процессе слушания дела, несет сторона, которая проиграла данные дела. Такую категорию дел гражданско-процессуальный кодекс 1895 г. называл случайными. Сторона, которая оплатила процессуальные расходы, связанные с рассмотрением случайных дел, не вправе требовать их возврата, даже если бы в будущем выиграла дело и ей был присуждено возмещения процессуальных издержек. К случайным делам австрийский гражданско-процессуальный кодекс 1895г. относил, например, дела о возвращении в прежнее состояние, о восстановлении документа и другие [5, с. 298].

7. Стороне, проигравшей дело, суд присуждает со стороны, в пользу которой принято решение суда, в том числе со стороны, исковые требования которой удовлетворены частично, процессуальные издержки, в случае если:

- Такая сторона с опозданием представила доказательства, под-

тверждающие ее исковые требования, с целью затягивания процесса, что, в свою очередь, привело к длительному рассмотрению дела;

– ответчик своим поведением не давал оснований для жалоб на него, и уже при первой аудиенции признавал исковые требования [3, s. 372]. Данное основание чаще применялось при рассмотрении исков об установлении юридического факта. Сущность данного основания заключалась в том, чтобы стороны не вносили необоснованные иски, то есть иски, которые не относятся к делу. В данном случае суд должен был принимать во внимание и тот факт, обязан ли истец к моменту предъявления иска, требовать от ответчика исполнения обязательства по признанию юридического факта, являющегося предметом иска, а также ответчик, нарушая права истца, не нарушил ли их по незнанию или в связи с исполнением принадлежащего ему права в духе доброй воли. Поэтому данное основание могло применяться также и в случае рассмотрения исков о выполнении обязательств, а также исков о нарушении права собственности. Данное основание не применялось в случае рассмотрения исков о разводе, когда суд должен был рассмотреть иск, несмотря на признание ответчиком исковых требований. Признание исковых требований, должно было быть заявлено ответчиком на первой аудиенции [6, s. 501-502].

8. В случае если производство было упразднено или отменено (в действующем гражданско-процессуальном кодексе упразднением производства называлось – оставление иска без рассмотрения, а отмена производства – закрытие производства по делу) по вине одной из сторон, то это производство осуществлялось и в дальнейшем, несмотря на то, что была причина для его отмены или упразднения. Суд вправе, при наличии ходатайства или в силу своих официальных полномочий, наложить на сторону, по вине которой было упразднено или отменено производство, процессуальные расходы упраздненного или отмененного производства [7, s. 180-181].

9. Если вопрос долга уплаты и размера процессуальных расходов

не был решен сторонами по взаимному согласию, то суд, в своем решении или определении, устанавливал обязанность уплаты процессуальных издержек и определял их размер. Однако, если решение или определение суда, в которых устанавливалась обязанность уплаты процессуальных издержек и определялся их размер и которые должны быть вынесены в письменной форме, суд вправе при их устном объявлении отметить лишь свое решение по вопросу обязанности уплаты процессуальных издержек, а определение их размера оставить до письменного оформления решения или постановления.

Вопрос обязанности уплаты процессуальных издержек и определения их размера должен быть решен судом путем принятия решения или вынесения постановления, которыми заканчивается судебное разбирательство.

Сторона, на которую наложен обязанность возврата процессуальных издержек, как и сторона, которой они должны были быть возвращены, имели право обжаловать решение или постановление суда в вышестоящей инстанции, не только об обязательстве уплаты процессуальных издержек, но и по их размеру. С этой целью сторона подавала в высшей инстанции жалобу, которая в австрийском гражданско-процессуальном кодексе 1895 г. называлась Рекурс. Данную жалобу можно было подать даже на решение суда, вступившее в законную силу. Решение о процессуальных издержках могло быть предметом отдельного рекурса, если сторона не оспаривала решение по существу. Если сторона обжаловала судебное решение по существу, то в таком случае она не могла внести отдельный рекурс относительно решения о процессуальных издержках, которое было частью общего решения.

Решить вопрос об обязанности возврата процессуальных расходов, в своем решении или определении, суд должен, даже если сторона по этому вопросу не подавала никаких ходатайств, то есть о присуждении средств не просила [8, s. 188].

10. Для возвращения стороне процессуальных издержек она долж-

на представить перечень понесенных ею процессуальных издержек (в австрийском гражданско-процессуальном кодексе 1895 г. данный перечень назывался перечнем или списком средств). Если сторона не подаст данного перечня, то суд оставлял решения вопроса о процессуальных издержках без рассмотрения. Перечень процессуальных издержек вместе с приложениями, если они нужны для обоснования необходимости отдельных пунктов этого перечня, сторона должна была предоставить суду до закрытия судебного заседания по рассмотрению дела по существу, которое происходило непосредственно перед вынесением решения об обязательстве возмещения процессуальных издержек суда [9, s.205-206]. В случае когда суд принимал решение без судебного заседания, сторона должна была предоставить перечень процессуальных издержек или во время аудиенции, на которую прибыла, и после которой выносилось решение об обязательстве возмещения процессуальных издержек, или же в своем письменном представлении, которое внесла на рассмотрение.

Если же сторона в указанные сроки не предоставит перечень процессуальных издержек, она безвозвратно и безусловно теряла право требовать возмещения понесенных расходов [10, s. 156].

Согласно §§ 63-73 гражданско-процессуального кодекса 1895 г., лицо освобождалась от уплаты процессуальных издержек только в случае, если к нему было применено право бедных.

Право бедных применялось к каждому человеку, который без уменьшения прожиточного минимума своего и своей семьи не мог оплатить процессуальные расходы, необходимые для осуществления судебного рассмотрения дела. Применение данного права происходило по решению суда, принималось по каждому конкретному судебному рассмотрению дела.

Лицо, которое не было гражданином Австро-Венгерской монархии, также имело право на получение права бедных, но исключительно при условии отсутствия у суда любых сомнений по данному вопросу. Если

же судья сомневался по вопросу приобщения права бедных иностранцу, то он должен был обратиться за разъяснением к министру юстиции. Данное разъяснение оформлялось в виде декларации. Полученная по этому вопросу декларация министра юстиции была для суда окончательной, и на ее основе суд принимал решение о предоставлении права бедных [3, с. 374].

Право бедных охватывало:

1. Временное освобождение от оплаты за печати и другие вещи необходимые для совершения процессуальных действий, связанных с рассмотрением дела.

2. Освобождение от внесения средств на обеспечение процессуальных издержек.

3. Право требовать, в случае рассмотрения дела, при которых представительство лица адвокатом является обязательным, адвоката, который должен временно бесплатно представлять интересы стороны.

4. Право внесения иска путем подачи протокола в суд по месту жительства или пребывания. После получения иска, оформленного в виде протокола, суд обязан был передать его на рассмотрение суда, в подсудность которого входила данное дело. Также истцу суд, рассматривавший дело, должен был назначить представителя с целью бесплатного ведения процесса.

5. Временное освобождение от любых других расходов, связанных с рассмотрением дела в суде, например, расходов, связанных с привлечением специалистов, свидетелей, а также комиссионных вознаграждений [4, с. 195-197].

В данном случае процессуальные расходы оплачивались за счет государства, а именно их платил суд, рассматривавший дело, из своего фонда. Однако применение права бедных не освобождало лицо, к которому оно применялось, в случае проигрыша дела, от обязанности возместить стороне, в пользу которой принято решение суда, а также третьему лицу с самостоятельными требованиями на ее стороне, все средства, которые возникли в результате проведения процессуальных действий или вследствие привлечения адво-

ката, нотариуса или представителя [6, с. 504].

Ходатайство о применении права бедных лицо имело право внести или перед подачей иска, или одновременно с его представлением. Вносилось такое ходатайство или в виде отдельного документа, или путем включения в протокол в канцелярии суда, который будет рассматривать дело. Если же лицо не проживало в округе действия суда, который будет рассматривать дело, то – в суд по месту его жительства или пребывания [8, с. 190].

В ходатайстве лицо должно было определить суть дела, в связи с рассмотрением которого она просит о применении права бедных, при этом добавляя к нему удостоверение бедности, где должны быть указаны доходы, которые имеет лицо, и количество лиц, находящихся у нее на содержании, а также заключение, в котором должно было быть указано, что сторона, которая вносит ходатайство, не в состоянии платить процессуальные расходы. Удостоверение бедности и вывод об отсутствии у лица возможности оплатить процессуальные расходы, в соответствии с §7 общего распоряжения министра юстиции, министра внутренних дел и министра финансов от 23 мая 1897 г. выдавал магистрат гмины, в которой данное лицо проживало или находилась [11, с. 1045-1046].

Выводы. Итак, в соответствии с австрийским гражданско-процессуальным кодексом 1895 г. процессуальными издержками были материальные затраты на обеспечение гражданского производства, возмещение которых возлагалось на его участников и государство. К процессуальным издержкам относились: расходы на правовую помощь; расходы на печати и другие вещи необходимые для совершения процессуальных действий, связанных с рассмотрением дела; расходы на проезд в суд. По общему правилу, установленному в § 41 Гражданско-процессуального кодекса 1895 г., сторона, которая проиграла дело, должна была возместить стороне, в пользу которой принято решение суда, а также третьему лицу с самостоятельными требованиями на ее стороне, все средства,

которые возникли в результате проведения процессуальных действий или вследствие привлечения адвоката, нотариуса или представителя. Согласно §§ 63-73 кодекса, лицо освобождалась от уплаты процессуальных издержек только в случае, если к ней было применено право бедных.

Список использованной литературы:

1. Бойко І. Історія правового регулювання цивільних, кримінальних та процесуальних відносин в Україні (ІХ–ХХ ст.) : [навч. посіб., для студ. вищ. навч. закладів.] / І. Бойко. – Львів : Видавн. центр ЛНУ імен Івана Франка, 2014. – С. 904.
2. Godlewski W. Austriackie prawo procesowe cywilne:[podrecznik systematyczny dla nauki I praktyki] / W. Godlewski. – Lwow,1900. – S. 516.
3. Ustawa z dnia 1 sierpnia 1895 r. o postępowaniu sądowym w cywilnych sprawach spornych (Procedura cywilna)// Dziennik ustaw państwa dla królestw i krajów w radzie państwa reprezentowanych. – Wiedeń, 1895. – S. 365-457.
4. Feirich F.Nauka o sądach cywilnych i procedura cywilna. Cz.2 / FranciszekFierich. – Kraków : Wydawnictwo Tow. Bibl. Słuch. Prawa U. J., 1918. – 211 s.
5. Dziadzio A. Powszechna historia prawa / Andrzej Dziadzio. – Warszawa : PWN, 2012. – 592 s.
6. Grzybowski K. Historia państwa i prawa Polski. T. 4. Od uwłaszczenia do odrodzenia państwa / Konstany Grzybowski. – Warszawa : PWN, 1982. – 750 s.
7. Jaworski I. Zarys powszechnej historii państwa i prawa / Iwo Jaworski. – Warszawa : PWN, 1962. – 355 s.
8. Koranyi K. Powszechna historia państwa i prawa. T. 4 / Karol Koranyi. – Warszawa : PWN, 1967. – 346 s.
9. Sójka-Zielinska K. Historia prawa / Katarzyna Sójka-Zielinska. – Wyd. 12. – Warszawa : Lexis Nexis, 2008. – 405 s.
10. Maciejewski T. Historia powszechna ustroju i prawa / Tadeusz Maciejewski. 4 wyd. – Warszawa : C.H. Beck, 2011. – 841 s.
11. Lesiński B. Historia prawa / Bogdan Lesiński, Władysław Rozwadowski. – Wyd. 2. – Warszawa–Poznań : PWN, 1981. – 400 s.

12. Rozporządzenie ministerstwa sprawiedliwości, spraw wewnętrznych i skarbu z dnia 23maja 1897 r. dotyczące się prawa ubogich tudzież wygotowywania i potwierdzania świadectw do uzyskania prawa ubogich // Dziennik ustaw państwa dla królestw i krajów w radzie państwa reprezentowanych. – Wiedeń, 1895. – S. 1045-1057.

РАЗВИТИЕ ПРАВОВОЙ ОСНОВЫ ОРГАНИЗАЦИИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В ПОСТСОВЕТСКИХ СТРАНАХ АЗИИ

Екатерина ЗАКОМОРНАЯ,

кандидат юридических наук, доцент кафедры государственного строительства
Национального юридического университета имени Ярослава Мудрого

Summary

On the example of post-soviet countries of Asia the development of the legal basis the organization and activities of the local self-government has been considered. The results of reforms in the sphere of the constitutional-legal regulation of municipal relations have been summarized. The three stages of the development of the legal basis for the organization and activities of the local self-government have been highlighted and characterized. Modern tendencies of the development of the legal basis the organization and activities of the local self-government have been revealed.

Key words: constitutional-legal regulation, local self-government, legal basis the organization and activities, municipal relations, post-soviet countries of Asia.

Аннотация

На примере постсоветских стран Азии рассмотрено развитие правовой основы организации и деятельности органов местного самоуправления. Обобщены результаты преобразований в сфере конституционно-правового регулирования муниципальных отношений. Выделены и охарактеризованы три этапа развития правовой основы организации и деятельности органов местного самоуправления. Раскрыты современные тенденции развития правовой основы организации и деятельности органов местного самоуправления.

Ключевые слова: конституционно-правовое регулирование, муниципальные отношения, органы местного самоуправления, постсоветские страны Азии, правовая основа организации и деятельности.

Постановка проблемы. На современном этапе украинского государственного строительства в отечественных научных и общественных кругах существует понимание ключевой роли местного самоуправления в консолидации общества и стабилизации существующей политической ситуации в Украине. В связи с этим усовершенствование правовой основы организации и деятельности органов местного самоуправления признано приоритетным направлением конституционного реформирования публичного управления [1, с. 10-11]. Необходимо подчеркнуть, что, по заключению Венецианской комиссии Совета Европы, поправки к Основному закону Украины, подготовленные Конституционной комиссией, имплементируют положения Европейской хартии местного самоуправления [2]. По мнению украинских исследователей, такие изменения Конституции Украины, как: ликвидация областных и районных администраций и внедрение

префектов, переориентация функций представителей центра с исполнительно-распорядительных на координационные и контрольно-надзорные, станут важным элементом механизма сдержек и противовесов на местном уровне, а также будут способствовать укреплению законности и правопорядка в государстве [3].

Актуальность исследования. Как свидетельствует мировая практика, начавшаяся в Украине модернизация правовой основы функционирования муниципальной власти не в состоянии мгновенно разрешить копившиеся годами системные проблемы в сфере публичного управления. Анализируя эти проблемы, украинские ученые считают, что к ним относятся и теоретико-концептуальные (неопределенность принципов реформы, неадаптированность к европейским стандартам публичной администрации, остаточная советская ментальность и т.д.). Они требуют первоочередного решения с применением нового алгоритма кон-

ституционно-правового регулирования, соответствующего стандартам современного конституционализма. При этом подходы к решению теоретико-концептуальных проблем связаны с предоставлением приоритетов институтам гражданского общества на конституционно-правовом, законодательно специализированном и отраслевом уровнях [4]. Нельзя не отметить, что, по данным исследований неправительственных организаций, факторы, способствующие возникновению этих проблем, для постсоветских стран общие. В частности, среди причин низкой эффективности местного самоуправления называют несовершенство законодательной базы и недостаточное урегулирование некоторых практических механизмов, форм и процедур для участия граждан в местном самоуправлении [5].

В этой связи, полезно, через призму сравнения, изучение опыта конституционного реформирования правовой основы организации и деятельности органов местного самоуправления других постсоветских стран, в частности Азии. Рассмотрение в таком аспекте предоставит возможность критически оценить особенности данной трансформации, осмыслить наиболее распространенные трудности, с которыми сталкиваются публичные институты на локальном уровне в период конституционно-правовых преобразований, и сформулировать предложения о модернизации отечественного конституционно-правового регулирования этой сферы общественных отношений.

Состояние исследования. Вопрос о необходимости реформирования основ организации та деятельности органов местного самоуправления в Украине поднимался в фундаментальных исследованиях отечественных ученых (М.А. Баймуратова, А.В. Батанова, А.Н. Колодия, М.И. Корниенко, В.В. Кравченко, П.Н. Любченко, А.Ю. Лялюка, А.Е. Олейника, Н.А. Пухтинского, С.Г. Серединой, В.А. Серегина, А.Н. Ярмиша и др.). Однако при этом, на наш взгляд, опыт модернизации правовой основы функционирования муниципальной власти в постсоветских странах Азии исследован недостаточно. На сегодняшний день тема развития конституционно-правового регулирования муниципальных отно-

шений в государствах указанного региона наиболее полно раскрыта в отдельных работах ученых постсоветских стран Азии (Н.И. Арзиева, М.(С.) Гимишяна, М. Гулалиева, Э.Ш. Зейналовой, А.С. Кадыркуловой, Д. Туманяна, Л.Т. Чихладзе и др.).

Цель статьи. Исходя из вышеизложенного, цель этой статьи состоит в обобщении основных итогов преобразований в сфере конституционно-правового регулирования локального публичного управления на примере постсоветских стран Азии и выявлении специфики модернизации правовой основы организации и деятельности органов местного самоуправления в этих государствах.

Изложение основного материала. В украинской науке муниципального права под основами организации и деятельности органов публичной власти понимается система внешних факторов, выступающих в качестве необходимых условий их существования и эффективного функционирования. По объективному составу основы организации и деятельности органов публичной власти классифицируют на правовую, территориальную и материально-финансовую основу. В частности, правовая основа представляет собой систему правовых норм, которая служит юридическим основанием организации и деятельности органов публичной власти [6, с. 74].

Необходимо отметить, что в зарубежных и украинских научных кругах стало доктринальным положение о первостепенном значении конституционно-правовых институтов в системе детерминант демократического транзита постсоветских стран [7, с. 146; 8, с. 200; 9, с. 123 – 124]. Говоря о процессах институционализации общественной жизни в период перехода от коммунизма к либерализму, нельзя не поддержать точку зрения о том, что муниципализация как продукт локальной гражданской активности программирует демократический политический режим в государстве и обществе [10, с. 79]. Поэтому не случайно уже на начальном этапе государственного строительства в республиках бывшего СССР началась радикальная перестройка правовой основы функционирования институтов местного управления. В то же время в силу многочислен-

ных факторов (наличия политической воли власти и стратегии комплексного реформирования, уровня социально-экономического развития, сложности национально-этнической ситуации, существования собственных традиций местного самоуправления и т.п.) интенсивность и траектория преобразований конституционно-правового регулирования сферы местного управления в постсоветских странах Азии имеет свою специфику.

Например, азербайджанский исследователь М. Гулалиев указывает, что в соответствии с Конституцией АССР 1978 г. местные Советы народных депутатов обладали значительными полномочиями (контролировали исполнение законов предприятиями, управлениями и организациями, расположенными на их территории, координировали использование земли, охрану природы, строительство, использование трудовых ресурсов, социально-культурное и бытовое обслуживание и т.п.). По его мнению, наличие у Советов народных депутатов таких полномочий в 1991-92 годах создало условия для избрания в Советы большого числа представителей националистического Народного Фронта и, в конечном счете, для свержения центральной власти. Более того, подчеркивает М. Гулалиев, в дальнейшем с принятием Конституции 1995 г. передача этих полномочий от местных Советов народных депутатов к местным органам исполнительной власти способствовала централизации власти [11].

В свою очередь, в Армении с момента провозглашения в 1990 г. Декларации о независимости до принятия в 1995 г. Конституции не была разработана четкая стратегия реформы общественной системы управления. Армянские ученые считают этот факт, в какой-то мере, оправданным, поскольку бывшая система территориального управления без «руководящей и направляющей» силы коммунистической партии уже не выглядела столь плохой, и необходимо было время на ее апробацию. В данный период, указывает М.(С.) Гимишян, органы местного самоуправления освободились от непосредственного руководства партийных органов, но продолжали контролироваться исполнительной властью государства [12].

Подобные тенденции развития правовой основы организации и деятельности органов власти на местах характерны также для Грузии и Республики Казахстан. Так, Л.Т. Чихладзе отмечает, что в первые годы после обретения государственной независимости сущность законодательной реформы в области муниципального управления заключалась в усилении централизованного управления местными делами. Последнее подтверждается анализом закона Республики Грузия «О местном управлении в переходный период» (1991 г.), где префекты, как представители государственной власти на местах, обладали значительными управленческими полномочиями [13]. Что касается Республики Казахстан, то первый Закон «О местных представительных органах» (1993 г.) вообще не содержал понятия местного самоуправления, а собрания представителей граждан поселка, аула (села), аульного (сельского) округа являлись органами, выполняющими государственные функции в сельской местности. По свидетельству исследователей, принципы Европейской хартии местного самоуправления не были имплементированы в данный Закон [14].

Второй этап развития правовой основы организации и деятельности органов местного самоуправления неразрывно связан с провозглашением в новых Основных законах принципа народного суверенитета и установлением континентальной (европейской) модели организации публичной власти на местах (Конституции Азербайджанской Республики (Главы 1, 6, 9), Республики Армения (Главы 1, 5, 7), Грузии (Глава 1), Республики Казахстан (Разделы 1, 7), Кыргызстана (Главы 1, 5, 7), Республики Таджикистан (Раздел 1, 6), Туркменистана (Разделы 1, 3, 4.), Узбекистана (Главы 2, 21). Указанные конституционные положения получили развитие в законах о местном управлении (Органический закон Республики Грузия «О местном самоуправлении и управлении» (1997 г.), Законы Туркменистана «О Генгеше» (1997 г.) и «О выборах членов Генгешей» (1997 г.), Закон Республики Казахстан «О местном государственном управлении и самоуправлении» (2001 г.), Законы Республики Узбекистан «Об органах самоуправления граждан» (1999 г.) и

«О государственной власти на местах (в ред. 1997 г.) и т.д.).

Анализируя эту конституционно-правовую базу, нельзя не поддержать справедливые выводы ученых о том, что общими чертами содержания правовой основы являются: во-первых, определение полномочий муниципальных органов в соответствии с принципом «*intra vires* – можно лишь то, что установлено законом» (принцип позитивного регулирования); во-вторых, закрепление административного контроля в качестве обязательного механизма взаимоотношений органов государственной власти и местного самоуправления. Указанные формулы позволяют государству в одних странах (Азербайджан, Армения, Кыргызстан) обеспечивать централизованное управление местными делами при относительной самостоятельности муниципалитетов, а в других (Казахстан, Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан) рассматривать органы местного самоуправления как подсистему единого государственно-административного механизма, то есть формировать «квазисоветскую» модель организации власти на местах [15, с. 9, 14]. Яркой иллюстрацией указанной практики являются положения Закона Республики Узбекистан «О государственной власти на местах», в котором на хокимов (представителей центральной власти на местах) возлагается обязанность «координировать деятельность и руководить органами местного самоуправления». Более того, в соответствии с Постановлением Кабинета Министров «О совершенствовании структуры аппарата хокимиятов городов и районов» на хокимов возложена «координация деятельности и руководство органами местного самоуправления». Такие правовые установки подталкивают хокимов активно вмешиваться в деятельность органов самоуправления граждан [16].

Третий этап развития правовой основы организации и деятельности органов местного самоуправления (начало XXI ст.) характеризуется продолжением реформ публичной власти. Так, в Армении в результате конституционной реформы 2005 г. правовая основа организации и деятельности органов местного самоуправления подверглась модифицированию. Во-первых, Глава 7 «Территориальное управление

и местное самоуправление» Конституции Армении была трансформирована в «Местное самоуправление», в силу чего муниципалитеты получили больше самостоятельности в сферах управления и финансов, а контрольные функции центральной власти ограничивались. По оценке международных организаций, внесенные в Конституцию Республики Армения изменения были направлены на усовершенствование системы местного самоуправления, демократизацию, соответствие законодательства основным принципам местного самоуправления Европейской хартии местного самоуправления [17]. Во-вторых, изменения правовой основы характеризуются значительной динамичностью. Например, только на законодательном уровне организация и деятельность местного самоуправления регулируется Законами «О бюджетной системе» (1997 г.), «О местных пошлинах и платежах» (1998г.), «О финансовом выравнивании» (1998), «О гражданской службе» (2001 г.), «О местном референдуме» (2002 г.), «О порядке возмещения потерь муниципального бюджета со стороны государства в результате применения законов Армении» (2006), «О местном самоуправлении в городе Ереване» (2008 г.), «О местном самоуправлении» (2002 г.), причем лишь в последний нормативно-правовой акт поправки вносились более 20 раз [18]. Следовательно, армянский опыт демонстрирует перманентные процессы приведения законодательного поля в соответствие с реальными общественными отношениями.

Вместе с тем, по мнению армянского ученого Д. Туманяна, на практике часто встречаются отклонения от законодательства, а темп реформ не отвечает требованиям времени. В частности, принцип независимости муниципалитетов постоянно нарушается чрезмерным применением центральной властью форм правового, специализированного и финансового контроля, а также существующим типом «руководитель-подчиненный» во взаимоотношениях марзпетов (представителей центральной власти) и руководителей муниципалитетов. Ситуация усугубляется низкой степенью децентрализации и одинаково не большим «ассортиментом» услуг, оказываемых органами

местного самоуправления независимости от их финансового и человеческого потенциала. В этой ситуации получается, что полномочий для больших и средних городских муниципалитетов мало, а для маленьких сельских муниципалитетов много [19].

В то же время развитие правовой основы организации и деятельности органов местного самоуправления в постсоветских странах Азии в целом является прогрессивным. В частности, ученые Кыргызстана обращают внимание на тот факт, что современная правовая основа организации и деятельности органов местного самоуправления является фундаментом децентрализации власти и эффективной работы муниципалитетов. По мнению А.С. Кадыркуловой и Н.И. Арзиева, Законы Кыргызской Республики «О местном самоуправлении и местной государственной администрации», «О коммунальной собственности» и др. сыграли значительную роль в реализации реформы системы местного самоуправления на уровне городов, сел и поселков, эффективном осуществлении Программы Децентрализации ПРООН (ПРООН – Программа развития ООН), введении практики делегирования органам местного самоуправления отдельных государственных полномочий, утверждении прав органов местного самоуправления в области финансово-экономической политики и т.д. [20].

Выводы. Подводя итоги проведенного исследования, можно констатировать значительный прогрессивный динамизм изменений конституционно-правовой регламентации муниципальных отношений в постсоветских странах Азии. После распада Советского Союза процесс развития правовой основы организации и деятельности органов местного самоуправления можно разделить на три этапа. Этап I (первая половина 90-х г. XX ст.) – период оптимизации советской правовой основы организации и деятельности органов местного самоуправления. Этап II (вторая половина 90-х г. XX ст.) отличается кардинальными преобразованиями конституционно-правового регулирования деятельности муниципалитетов, предусматривающими переход от советской модели организации власти на местах к европейской (континен-

тальной). Этап III (начало XXI ст.) отмечен активизацией реформирования правовой основы функционирования локальных публичных институций, которое сочетает в себе тенденции усовершенствования системы местного самоуправления, демократизации, рецепции международных стандартов и сохранения методов централизованного управления. Кроме того, практика реализации этих конституционно-правовых норм характеризуется наличием так называемых «советских стереотипов» организации публичного управления на местах.

Список использованной литературы:

1. Тацій В. Актуальні питання конституційної реформи та державного розвитку на сучасному етапі / В. Тацій // Право України. – 2014. – № 7. – С. 10-17.
2. Preliminary Opinion on the proposed constitutional amendments regarding the judiciary of Ukraine (J. Scholsem, H. Suchocka, K. Tuori, P. Paczolay, G. Papuashvili, E. Tanchev, R. Kiener) [Электронный ресурс]. – Режим доступа : [http://www.venice.coe.int/webforms/documents/?pdf=CDL-PI\(2015\)008-e](http://www.venice.coe.int/webforms/documents/?pdf=CDL-PI(2015)008-e).
3. Сьєрогіна С.Г. Механізм стримувань і противаг на місцевому рівні сприятиме зміцненню законності й правопорядку в державі / С.Г. Сьєрогіна // Голос України. – № 130 (6134) від 22.07.2015 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.golos.com.ua/article/257247>.
4. Пухтинський М. Проблеми трансформації територіальної організації влади та місцевого самоврядування в контексті розвитку конституційного процесу в Україні / М. Пухтинський // Юридичний журнал. – 2012. – № 7 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://justinian.com.ua/article.php?id=3853>.
5. Участие граждан в местном самоуправлении в странах Восточного Партерства: сравнительный анализ [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.alda-europe.eu/public/doc/496-Report-on-CP-in-EaP-Countries-RUS.pdf>.
6. Державне будівництво і місцеве самоврядування в Україні : підручник для студентів вищих навчальних

закладів / за ред. С.Г. Сьєрогіної. – Х. : Право, 2011. – 364 с.

7. Вайнштейн Г. Посткоммунистическое развитие глазами западной политологии / Г. Вайнштейн // Мировая экономика и международные отношения. – 1997. – № 8. – С. 139-148.

8. Закоморна К.О. Про деякі особливості формування інституціонального дизайну конституційного простору постсоціалістичних країн / К.О. Закоморна // Наука і правоохорона. – 2012. – № 2. – С. 196-200.

9. Мазманян А. Выбор оптимальных институтов: взгляд на строительство демократии в постсоветских странах / А. Мазманян // Сравнительное конституционное обозрение. – 2007. – № 2(59). – С. 122-128.

10. Батанов О.В. Феноменологія сучасного європейського муніципалізму та місцеве самоврядування в Україні / О.В. Батанов // Часопис Київського університету права. – 2010. – № 4. – С. 77-81.

11. Гулалиев М. Политические реформы в Азербайджане (1989–2004 гг.) / М. Гулалиев [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.idea.int/europe_cis/upload/gulaliev_rus_ed.pdf.

12. Гимшиян М.(С.) Политическая и конституционная реформы в Армении / М.(С.) Гимшиян [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.idea.int/europe_cis/upload/Gimishyan_rus_ed.pdf.

13. Чихладзе Л.Т. Становление и развитие местного управления и местного самоуправления в Республике Грузия : автореф. дис. ...канд. юрид. наук : 12.00.02 / Л.Т. Чихладзе. – М., 2003. – 24 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://law.edu.ru/book/book.asp?bookID=1190418>.

14. Гладкова А.Г. Организационно-правовые проблемы и перспективы развития местного самоуправления в Республике Казахстан / А.Г. Гладкова // Вестник Челябинского государственного университета. – 2012. – № 37(291) [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://cyberleninka.ru/article/n/organizatsionno-pravovye-problemy-i-perspektivy-razvitiya-mestnogo-samoupravleniya-v-respublike-kazakhstan>.

15. Чихладзе Л.Т. Местное самоуправление и местное управление в государствах-участниках Содружества Независимых Государств: теория,

практика и тенденции развития : автореф. дис. ... д. юрид. наук : 12.00.02 / Л.Т. Чихладзе. – Москва, 2013. – 42 с. – С. 9, 14.

16. Развитие потенциала местного самоуправления в Республики Узбекистан: анализ современного состояния и рекомендации [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.undp.uz/ru/download/index.php?type=publication&id>.

17. Доклад «О мерах по совершенствованию местного самоуправления в Армении [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.osce.org/eea/86511?download=true>.

18. Закон Республики Армения «О местном самоуправлении» [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.parliament.am/legislation.php?sel=show&ID=1305&lang=gus>.

19. Туманян Д. Местное самоуправление в Армении / Д. Туманян [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.logincee.org/file/21202/library>.

20. Кадыркулова А.С., Арзиев Н.И. Проблемы реформирования местного самоуправления на современном этапе в Кыргызстане / А.С. Кадыркулова, Н.И. Арзиев [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.arch.kyrlibnet.kg/?&npage=download&nadd=749>.

К ВОПРОСУ О ПЕРСПЕКТИВЕ ПРИВЛЕЧЕНИЯ НЕПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ СУДЕЙ В УКРАИНСКИЙ ПРОЦЕСС

Светлана ЗАПАРА,

доктор юридических наук,
доцент, декан юридического факультета
Сумского национального аграрного университета

Summary

Given the reform of the judicial system in Ukraine with a view to restoring confidence in the national justice and the efficiency of the latter, should take into account European practice to attract „non-professional” judges to consider certain types of disputes. In the presented article focuses on labor disputes and proposed to provide a legislative basis for the formation of such a court submission representatives of the parties of social dialogue (employers and unions). According to the author of the publication, to attract „non-professional” judges to the disputes can positively influence the process of settlement of labor disputes and is particularly relevant in the case of the resolution of disputes relating to the non-fulfillment of conditions of the collective agreement, agreements, according to the parties to the dispute and in other cases.

Key words: professional and non-professional judge, labor disputes, employers and trade unions.

Аннотация

При реформировании судебной системы в Украине с целью восстановления доверия к национальному правосудию и повышения его эффективности необходимо учитывать европейскую практику привлечения «непрофессиональных» судей для рассмотрения отдельных видов споров. В статье сделан акцент на трудовых спорах и предложено предусмотреть на законодательной основе формирование такого суда с участием сторон социального диалога (работодателей и профсоюзов). Доказано, что привлечение «непрофессиональных» судей может положительно повлиять на процесс рассмотрения трудовых споров и является особенно актуальным в случае разрешения споров, связанных с невыполнением условий коллективного договора, соглашения, по заявлению сторон спора и в других случаях.

Ключевые слова: профессиональный и непрофессиональный судья, трудовые споры, работодатели, профсоюзы.

Постановка проблемы. 20 мая 2015 года в Украине Указом Президента № 276 принята Стратегия реформирования судебного устройства, судопроизводства и смежных правовых институтов на 2015–2020 года [1], подготовленная при участии экспертов проекта ЕС «Поддержка реформ в сфере юстиции» (далее – Стратегия). Стратегия предусматривает два этапа реформы: 1) немедленное обновление законодательства, направленное на восстановление доверия к судебной власти, и смежных правовых институтов в Украине; 2) системные изменения в законодательстве, в том числе принятие изменений к Конституции Украины и компромиссное построение институциональных возможностей соответствующих правовых институтов. Таким образом, ближайшие годы в Украине ознаменуются глубокой судебной реформой. Национальное

правосудие поставлено перед дилеммой собственного реформирования/формирования с учетом применения известных оптимальных инструментов справедливого правосудия. Одним из таких инструментов является деятельность непрофессиональных судей как непосредственных представителей народа, осуществляющих правосудие. Привлечение непрофессиональных судей – привычная практика во многих странах.

Цель представленной статьи – анализ перспектив привлечения «непрофессиональных» судей в Украине на примере лучшей зарубежной практики.

Над проблемой возможности участия непрофессиональных судей в осуществлении правосудия в той или иной мере работали В.Д. Бринцев, Ю.Н. Грошевой, С.А. Иваницкий, В.В. Король, П.Н. Каркач, В.Н. Коваль, В.Д. Маляренко, А.Р. Михайленко,

И.А. Русанова, С.В. Оверчук, Н.И. Серый, Н.С. Трофименко, Н.И. Хандурин, Г.И. Чанышева, И.С. Черепова, Б. Фштей и другие.

В данном исследовании были использованы *метод анализа и синтеза*, позволивший изучить правовой статус непрофессиональных судей в Украине; *сравнительный метод*, с помощью которого был осуществлен сравнительный анализ института непрофессиональных судей в Украине и за рубежом; *метод диалектической логики*, при помощи которого были сформулированы определенные выводы по результатам исследования.

Изложение основного материала.

В Украине возможность участия непрофессиональных судей в правосудии закреплена в Конституции Украины и Законе Украины «О судебном устройстве и статусе судей» [2] (далее – Закон) с изменениями и дополнениями. Глава 3 Закона называется «Народные заседатели и присяжные». Статья 58 Закона определяет правовой статус народного заседателя и присяжного, а именно: народным заседателем является гражданин Украины, который по своему согласию и в случаях, определенных процессуальным законом, принимает участие в разрешении дела в составе суда вместе с профессиональным судьей, обеспечивая в соответствии с Конституцией Украины непосредственное участие народа в осуществлении правосудия. Таким образом, законодатель опосредовано называет «представителей народа» «непрофессиональными судьями». Закон определяет, что народные заседатели пользуются полномочиями судьи. Присяжным является гражданин Украины, которого в случаях, определенных процессуальным законом, привлекают к осуществлению правосудия, обеспечивая согласно Конституции Украины непосредственное участие народа в осуществлении правосудия. Части 2, 4 ст. 234 Гражданского процессуального кодекса Украины определяют исчерпывающий перечень дел, рассмотрение которых происходит в составе одного судьи и двух народных заседателей. К ним принадлежат дела об ограничении гражданской дееспособности физического лица, о признании физического лица недееспособным и восстановлении гражданской дееспособности фи-

зического лица, о признании физического лица без вести пропавшим или объявлении его умершим, об усыновлении, о предоставлении психиатрической помощи в психиатрическом порядке, об обязательной госпитализации в противотуберкулезное учреждение.

Таким образом, институт народного заседателя в Украине является известным и процедурно продуманным. Народные заседатели во время судебного заседания пользуются всеми правами судьи. В соответствии со ст. 57 Закона Украины «О судостроительстве и статусе судей» народным заседателем, присяжным является гражданин Украины, который в случаях, определенных процессуальным законом, разрешает дела в составе суда совместно с судьей (судьями), обеспечивая согласно Конституции Украины непосредственное участие народа в осуществлении правосудия. Народные заседатели, присяжные во время рассмотрения и решения дел пользуются полномочиями судьи. Народные заседатели, присяжные выполняют обязанности, определенные п. п. 1–5 ч. 4 ст. 54 указанного закона.

При этом привлечение «непрофессиональных» судей является в мире привычной практикой, признанной благодаря развитию принципов правового государства, доступа к правосудию и «незаангажированности» лиц, приобретающих к правосудию на непрофессиональной основе. Так, в Германии подготовка, ведение судебных процессов и содержательное обоснование принятых решений осуществляется профессиональными судьями. Если на должности судьи в Германии в конце 2006 г. работало 20 138 лиц, то количество непрофессиональных судей – приблизительно в пять раз больше. Государственный список Федерального министерства юстиции состоит из 100 000 «непрофессиональных судей страны Германии», из которых более трети (35 995) принимают участие в уголовном судопроизводстве в качестве судебных заседателей. Другие две трети разделяются на юрисдикцию трудовых, социальных и административных судов, а также в соответствии меньшем количестве – на юрисдикцию финансовых судов и общего судопроизводства [3, с. 270].

Следует отметить, что «непрофессиональные» судьи в делах по трудо-

вым и социальным вопросам отсутствуют в национальной практике. Это, разумеется, в большинстве случаев не соответствует европейской практике.

Во Франции суды по трудовым вопросам, именуемые преобладающими судами (от французского «prud'homme» – старофранцузского названия человека известной мудрости и честности), функционируют с 1806 г. и рассматривают индивидуальные споры между работником и работодателем, а также иски о возмещении вреда, причиненного в результате несчастных случаев на производстве. Судьи трудовых судов состоят из представителей организаций работодателей и профсоюзов, избранных на 5 лет [4, с. 75].

В Великобритании судьи по трудовым делам (работающие в промышленных судах), в отличие от судей по трудовым делам во Франции, назначаются, а не избираются. Систему промышленных судов возглавляет президент, назначенный лорд-канцлером. Он же составляет список лиц, которые могут быть судьями таких судов. Дела в таких судах рассматриваются в составе председателя – профессионального юриста и двух судей-непрофессионалов, которые избираются региональным председателем суда в каждом конкретном случае из списков, составляемых министром труда после консультаций с профсоюзами и организациями работодателей [4, с. 75].

Трудовые суды ФРГ (состоящие из трех инстанций: судов по трудовым делам первой инстанции, рассматривающих дела по сути; земельных судов по трудовым вопросам, рассматривающих апелляции на решение судов низшей инстанции; Федерального суда по трудовым вопросам, являющегося высшей судебной инстанцией, способной изменить или отменить решение любого трудового суда) призваны рассматривать споры между работодателями и работниками по вопросам оплаты труда, предоставления отпусков, увольнения, а также конфликты между профсоюзами и объединениями работодателей. Возглавляет эту систему Федеральный суд по трудовым делам в г. Кассель, который состоит из пяти сенатов. В каждой из земель ФРГ есть один, а в Северном Рейне-Вестфалии – два суда по трудовым вопросам. В таких судах создаются коллегии в составе одного

профессионального судьи и двух или четырех (в зависимости от категории дела) «почетных судей», которые представляют интересы предпринимателей и рабочих [5].

Таким образом, наряду с профессиональными судьями судопроизводство осуществляют «непрофессиональные» судьи, чаще всего это юристы-практики, лица, имеющие опыт в сфере социально-трудовых правоотношений. Их жизненная мудрость и компетенция является гарантом правильности принятых решений, ведь суды на такой основе функционируют не одно десятилетие, а потому проверены практикой. Указанный подход формирует большее доверие к судебной системе в целом, предоставляет новый статус организациям работников и работодателей. Его важным моментом можно считать принципиально иное отношение к социальному диалогу, ведь стороны социально-трудовых правоотношений приобретают не декларативные, а реальные признаки социального партнерства, демонстрируют готовность к разработке и принятию совместных решений, получают опыт совместного сотрудничества.

Отдельного внимания заслуживает подход к разрешению трудовых споров в судах общей юрисдикции Италии, где рассматривается большинство трудовых споров [6]. Хотя дела рассматриваются в обычных судах, в Италии существует процедура особого разрешения споров так называемыми специальными судебными составами в судах общей юрисдикции. Собственно трудовых судов в Италии не существует. Трудовые споры о правах обычно становятся объектами более быстрой, по сравнению с другими делами, процедуры и их могут рассматривать имеющие специальную подготовку судьи, которых называют преторе.

Как правило, это молодые судьи, проявляющие интерес к разрешению трудовых споров. Процедура рассмотрения таких дел является более оперативной и упрощенной по сравнению с рассмотрением других гражданских дел. В частности, преторе чаще, чем другие судьи, используют устные показания свидетелей и выносят решение сразу по окончании слушаний. В случае несогласия с решением преторе существует возможность подачи жалобы

в апелляционный суд – трибунал, который состоит из трех судей, специализирующихся на трудовых спорах. Также споры о правах можно обжаловать в специальной коллегии Верховного суда Италии, которая тоже занимается исключительно трудовыми спорами. Необходимо заметить, что обращение к итальянскому судопроизводству по трудовым вопросам является бесплатным. Такой подход полностью удовлетворил общество, которое до внедрения этого подхода (до 1973 г., до момента, когда эта система заработала в Италии) активно дискутировало о создании трудовых судов. Производство по трудовым спорам, с одной стороны, осуществляется на общих принципах рассмотрения гражданских дел, а с другой – имеет существенные отличия, ведь указанная категория споров требует более гибкого и оперативного рассмотрения с минимизацией формальных процедур.

Одной из особенностей рассмотрения подобных дел является состав суда, в частности возможность рассмотрения споров профессиональными и непрофессиональными судьями. Такой известный в мире подход применяется неслучайно. Это стало возможным благодаря тому, что целью правосудия является не просто восстановление нарушенного права путем соблюдения процессуальной формы, а прежде всего восстановление справедливости. Профессиональный судья во время рассмотрения дела действует в соответствии с процессуальной формой, регламентируемой гражданским процессуальным законодательством. Формально все участники процесса должны поступать в соответствии с процессуальной формой и руководствоваться нормами действующего законодательства. Но законодательство, не будучи совершенным, не всегда учитывает всю совокупность сложившихся на данный момент обстоятельств, которые в Украине бывают ещё и излишне «политизированными». В таком случае нивелируется сама суть правосудия, поскольку не соблюдается принцип справедливости. К слову, в англосакской правовой системе, несмотря на несколько другие подходы к формированию норм права, проблема «справедливого права» также является актуальной.

Украина нуждается в «свежих» подходах к вопросам защиты прав граждан.

Одной из новаций может быть предложение относительно формирования состава суда по трудовым вопросам, состоящего из одного профессионального и двух непрофессиональных судей. При этом профессиональный судья, по нашему мнению, должен специализироваться на решении трудовых споров. Такая возможность должна быть рассмотрена незамедлительно, поскольку судебная реформа на данный момент не решает проблему функционирования трудовой юстиции.

Таким образом, по нашему мнению, следует предусмотреть возможность рассмотрения трудовых споров не только единолично профессиональным судьей, но и с участием народных заседателей по поданному заявлению обеих сторон трудового спора. При этом мы считаем, что трудовые споры, в которых стороной спора является профсоюз, должны рассматриваться коллегией в составе одного судьи и двух народных заседателей.

Народные заседатели, осуществляя правосудие, должны пользоваться всеми правами судьи. Кандидатуры народных заседателей по трудовым спорам должны назначаться по согласованию со сторонами социального диалога, что должно быть определено специальным законом. В отличие от состава суда сам порядок рассмотрения трудовых споров, по нашему мнению, должен соответствовать общим правилам, установленным ГПК Украины, но при этом, учитывая характер спора, целесообразно предусмотреть отдельные элементы, упрощающие процедуру рассмотрения спора.

Выводы. При реформировании судебной системы в Украине с целью восстановления доверия к национальному правосудию и повышения его эффективности необходимо учитывать европейскую практику привлечения «непрофессиональных» судей для рассмотрения отдельных видов споров. На основе анализа мирового опыта разрешения трудовых споров сделаны выводы о возможности формирования состава суда по трудовым вопросам, состоящего из одного профессионального и двух непрофессиональных судей. По нашему мнению, привлечение «непрофессиональных» судей к рассмотрению споров может положительно повлиять на процесс рассмотрения

трудовых споров и представляется особенно актуальным в случае разрешения споров, связанных с невыполнением условий коллективного договора, соглашений, по заявлению сторон спора и в других случаях.

Список использованной литературы:

1. Про Стратегію реформування судоустрою, судочинства та суміжних правових інститутів на 2015–2020 роки : Указ Президента України № 276 від 20 травня 2015 року [Електронний ресурс]. – Режим доступа : <http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/276/2015/print1389814324873563>.
2. Про судоустрій і статус суддів : Закон України (із змінами і доповненнями) від 7 липня 2010 року № 2453-VI // Відомості Верховної Ради України. – 2010. – № 41–45. – Ст. 529.
3. Хьоланд А. Доступ до права та судів / А. Хьоланд // Питання та проблеми розвитку правової держави в Україні за сприяння програми : збірник факультету юридичної та економічної освіти Університету Мартина Лютера Халле-Вітенберг (Німеччина). – DAAD. – 2009. – Спеціальний випуск. – 270 с.
4. Чанишева Г.І. Спеціалізована трудова юстиція у країнах Європи: досвід для України / Г.І. Чанишева // Вісник Вищої ради юстиції. – 2010. – № 2. – С. 75–82.
5. Годованець В.Ф. Конституційне право України / В.Ф. Годованець [Електронний ресурс]. – Режим доступа : <http://textbooks.net.ua/content/view/3366/20>.
6. Забрамная Е.Ю. Обзор систем разрешения трудовых споров, применяемых в развитых странах / Е.Ю. Забрамная, Н.С. Шмелева [Електронний ресурс]. – Режим доступа : <http://www.trudsud.ru/ru/docs/publications/4>.

ПОНЯТИЕ, ПРИЗНАКИ И КЛАССИФИКАЦИЯ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫХ ПРЕЗУМПЦИЙ В КОНТЕКСТЕ ОБЪЯВЛЕНИЯ ФИЗИЧЕСКОГО ЛИЦА УМЕРШИМ

Татьяна КОРЧАК,

аспирант кафедры гражданского права № 2
Национального юридического университета имени Ярослава Мудрого

Summary

The article is devoted to the study of legal presumption, its significance in the mechanism of civil regulation, in the context of the declaration of death in civil law. General theoretical problems of presumptions in the law, their role, tasks and meaning for the law have been considered. The author analyses general theoretical and specialized scientific sources. On the basis of the current legislation of Ukraine specific features have been identified and discussed. Special attention has been given to the analysis of presumption classification.

Key words: assumption, presumption, classification, characteristics, declaration of death, legal regulation.

Аннотация

Научная статья посвящена исследованию правовой презумпции, ее значению в механизме гражданского регулирования, в контексте объявления лица умершим. В статье автор исследует общетеоретические проблемы презумпций в праве, что подразумевает их роль, задачи и ценность для права. Проанализированы общетеоретические и специализированные научные источники. На основе действующего законодательства были выделены и рассмотрены признаки. Отдельное внимание уделяется анализу классификации презумпций.

Ключевые слова: предположение, презумпция, классификация, признаки, правоотношения, объявление лица умершим, правовое регулирование.

Постановка проблемы. Гражданские отношения больше всего страдают от правовой неопределенности и нестабильности из-за невозможности или сложности достоверного установления того или иного факта. Именно поэтому в гражданском праве презумпциям отведена важная регулятивная роль. С их помощью обеспечивается определенность правового статуса для участников гражданских правоотношений. Ценность презумпций объясняется характером и последствиями их воздействия на общественные отношения. Инструментальная ценность презумпций сводится к тому, что они выступают в качестве инструмента для решения различных задач гражданско-правового регулирования [11, с. 317].

Сегодня в отечественной юриспруденции определение понятия презумпция является исключительно доктринальным, тогда как в некоторых зарубежных странах содержится в законодательстве. Потребность юридической практики в презумпции определяется некоторыми трудностями,

а иногда невозможностью доказать наличие обстоятельств, от которых зависит существование правоотношений, наличие у людей субъективных прав и обязанностей.

Актуальность выбранной темы обусловлена тем, что в Украине произошли существенные изменения законодательства и поэтому уже существующие исследования не учитывают все изменения, которые происходят в общественных реалиях. Регулирование гражданских отношений предполагает участие гражданина в правоотношениях. Актуальными, учитывая обстоятельства нынешнего времени, являются ситуации, когда длительное время нет никаких сведений о гражданине по его месту постоянного жительства. Следовательно возникает ситуация, когда имеется неопределенность в субъекте гражданских правоотношений и как итог – объявление этого физического лица умершим, важным поэтому, для более детального рассмотрения в дальнейшем этого вопроса, на наш взгляд, является детальный анализ признаков и классификации презумпций.

Состояние исследования. Подавляющее большинство исследователей отмечает презумпции как некий феномен. Одним из первых известных исследований презумпций были работы Д. Мейера «О юридических вымыслах и предположениях, о скрытых и притворных действиях» 1854 года, И. Оршанского «О законных предположениях и их значении» 1874 года [12], Г. Ф. Дормидонтова «Классификация явлений юридического быта, относимых к случаям применения фикций» 1895 года. Правовые конструкции и юридические факты исследовали ученые П. Вочи, В. Баранов, О. Иоффе, В. Бабаев [1], Ю. Панько, В. Горшенев, А. Дворецкая, Е. Тарбагаева и др.

Целью статьи является исследование и анализ гражданско-правовых презумпций с точки зрения позиций ученых и генезиса развития правовой системы Украины. Основной задачей будет их классификация и рассмотрение основных признаков.

Изложение основного материала исследования. Категория презумпция заимствована еще с времен римского права и присутствует в различных правовых системах, имеет самостоятельное научное и практическое значение. По мнению З.М. Черниловского, по своему происхождению это понятие намного старше его и берет свое начало в обычном праве древнего мира. В римском праве по сравнению с обычным, письменным правом презумпция перешли в качественно новое состояние, они создавались и активно использовались в виде формул-предположений [13, с. 10].

В современной научной литературе, посвященной исследованиям презумпций, наблюдается сосуществование двух самостоятельных подходов – юридического и философского, которые оценивают данную категорию по различным критериям. По мнению российского исследователя А.В. Федотова, такая двойственность является следствием неоднородности данной категории и обусловлена объективностью существования, соответственно, правовых и фактических презумпций [14].

О.А. Кузнецова указывает на то, что в гражданском праве существуют не только отдельные презумпции, а целая система презумпций, элементами которой являются: общеправовые

презумпции, отраслевые презумпции и презумпции других отраслей права. Среди отраслевых презумпций она выделяет базовые презумпции, которые имеют значение юридических императивов принципов гражданского права (презумпции справедливости, добросовестности, разумности) и другие презумпции (общие, основные и специальные) [10, с. 134]. Каждая презумпция, которая формулируется законодателем направлена на защиту различных интересов, прав и свобод субъектов правоотношений – в этом заключается реализация с помощью презумпций охранной функции.

Проблема презумпции в большинстве работ зарубежных исследователей рассматривается как процессуальный вопрос. Так, С. Венегас отмечает, что категория презумпции относится к процессуальной сфере [16, с. 62]. С. Мовеллан определяет презумпцию как процессуальное правило, которое имеет доказательную силу и дает возможность оценить доказательства [17, с. 49]. Тем не менее сфера функционального назначения презумпций не может ограничиваться только процессом. Но то, что в процессуальной деятельности презумпции наиболее активно могут себя проявить, является безоговорочным [11, с. 318].

Смешение подходов приводит к противоречию научных представлений о юридических свойствах презумпции, что значительно затрудняет ее практическое применение в современных условиях.

Презумпция – категория юридическая, является самостоятельным средством регулирования общественных отношений. Правовая презумпция формулируется законодателем и действует как нормативное предписание. При этом степень достоверности факта, что презюмируется, по мнению А.В. Федотова, является важным фактором в решении вопроса о необходимости и обоснованности введения той или иной правовой презумпции [14].

В.В. Копейчиков так определяет понятие презумпции: «это предположение о наличии или отсутствии определенных фактов, которое опирается на связь между фактами, которые допускаются, и такими, которые существуют, и это подтверждается имеющимся жизненным опытом». По мне-

нию О. Скакун, презумпции – это закрепленные в нормах права предположения о наличии или отсутствии определенных фактов, имеющих юридическое значение, то есть презумпции – это недостоверные обобщения, факты условные, но возможные. В правовой реальности презумпция является феноменом, который, не будучи юридическим фактом, может порождать правоотношения, а также выступать способом установления юридических фактов, при котором юридический факт предполагается существующим на основании повторяющегося, типичного явления объективной реальности [7, с. 89].

Презумпции – важный и достаточно гибкий инструмент регулирования правоотношений, благодаря которому исчезают сомнения в существовании определенного юридического факта, поскольку в них: 1) выражаются принципиальные основы права; 2) заложен механизм реализации этих принципов.

Оправданным является подход, согласно которому многообразие определений явления «презумпция» сводится к: 1) динамическому подходу, согласно которому под презумпцией понимается юридическая обязанность компетентных государственных органов и должностных лиц признать факт, что презюмируется, установленным; 2) статистическому подходу, которого придерживается большинство юристов, он заключается в том, что юридическая презумпция – это предположение, косвенно или прямо закрепленное в правовой норме, согласно которому определенный порядок вещей в социальной жизни признается обычным, нормальным и, в силу этого, таким, который не требует доказательства.

В результате смешивания различных дефиниций презумпция в современной правовой науке способна одновременно служить средством: а) познания объективной реальности, б) распределения бремени доказывания, в) установления правила о толковании сомнений, г) обязательства правоприменительного органа правильно применять нормы закона; способом толкования правовых норм; формой установления запрета на использование доказательств, полученных с нарушением закона, и т. д.

Из приведенных определений можно вывести существенные признаки презумпции:

- презумпции прямо или косвенно закрепляются в праве;
- она вызывает правовые последствия, если есть неопровержимой в силу закона либо не опровергнута в процессе разрешения дела;
- в любом случае презумпция имеет значение для правового регулирования;
- презумпция – это всегда вероятное предположение, причем вероятность этой истинности может быть как относительно высока, так и приближаться к абсолютному нулю;
- правовые презумпции являются разновидностью общих. Их отличие в основном заключается в том, что правовые презумпции закреплены (прямо или косвенно) в правовых нормах [7, с. 89].

Безусловно, владение знаниями о видах презумпций позволяет лицам, занимающимся правотворческой деятельностью, выбирать тот вид презумпции, который обеспечит эффективное применение правовой нормы. Необходимость в применении презумпции возникает всегда в тех случаях, когда невозможно обойтись обычными средствами юридической техники. Примером такого случая является объявление физического лица умершим. Чтобы более детально раскрыть и рассмотреть этот вопрос, важным будет рассмотрение также и классификации презумпций. Существует некоторое расхождение научных взглядов по этому вопросу, но, на наш взгляд, наиболее содержательной является классификация по следующим критериям.

Правовые и фактические презумпции. Среди существующих классификаций наиболее интересной и вместе с тем одной из самых спорных является классификация правовых презумпций по факту правового закрепления. По этому признаку презумпции делятся на фактические и правовые. Фактические презумпции наиболее подробно исследованы еще в дореволюционной литературе. Д.И. Мейер называет фактические презумпции «общими» или «общечеловеческими» и указывает, что они основываются на «збыких предположениях, что не позволяют внести их в содержание закона» [10, с. 52-53]. Наличие таких презумпций признается практически всеми учеными, но по-

разному решается вопрос относительно их влияния на содержание правоотношений.

Такие ученые, как В. Бабаев, Д. Мейер, Г. Дормидонтов, А. Клейнман, считают, что фактические презумпции являются объективно действующими и их необходимо учитывать в разработке, закреплении и реализации правовых норм. Следовательно, фактическая презумпция основывается на общечеловеческих знаниях и опыте, и соответствует законам логики. Она является частью представления человека о мире, поэтому нельзя пренебрегать ее влиянием на правоотношения. Обычно, использование фактических презумпций в реализации правоотношений не имеет императивный характер, поскольку они не отражаются в правовых нормах.

Фактические презумпции не закреплены в нормах права и, соответственно, не порождают юридических последствий, однако они все же имеют правовое значение. Правоприменительная деятельность всегда использует фактические предположения как особый логический прием [5, с. 27-28]. Итак, фактические предположения – это такие предположения, которые ни прямо, ни косвенно не закреплены в нормах права, которые используются в правотворческой деятельности для установления правовых норм, а в правоприменительной деятельности – как логический прием мышления при формировании собственного убеждения.

Под правовыми презумпциями понимают презумпционные предположения, правила, установленные нормой права и прямо или косвенно отражены в ней. Поскольку фактические презумпции хотя и используются в правоприменительной деятельности, но как самостоятельный вид презумпций не наделены необходимыми юридическими свойствами, и поэтому называются неправовыми. Именно поэтому закрепленные прямо или косвенно в нормах права презумпционные предположения следует называть правовыми презумпциями. Среди последних по способу их выражения следует различать два вида: 1) презумпции, которые прямо зафиксированы в нормах права; 2) презумпции, которые опосредованно (косвенно) закреплены в нормах права. Бесспорно, распределение презумпций по такому критерию является актуальным,

ведь он позволяет объяснить некоторые спорные моменты, обосновать необходимость более широкой прямого указания на презумпцию в законе. Вторым видом правовых презумпций по факту их правового закрепления правовые (законные, юридические) презумпции. Правовыми (законными) презумпциями называются предположения, которые прямо или косвенно закреплены в нормах права и поэтому имеют юридическое значение. Законные презумпции в процессе доказывания выполняют императивную функцию, служа общезначительным правилом.

Материальные (материально-правовые) и процессуальные презумпции. В поисках основополагающего критерия для разделения презумпции на материальные и процессуальные в правовой науке применяются различные подходы. Материально-правовая презумпция – это регламентированное нормами материального права предположение о наличии (отсутствии) юридически значимого факта, что обуславливает существование материальных и появление процессуальных правоотношений, обеспечивает конкретизацию, указывает на правовое значение отдельных обстоятельств дела и наступления юридических последствий. Основное назначение процессуальных презумпций состоит в том, что они выступают инструментом, обеспечивающим соблюдение установленной процедуры рассмотрения судебных дел для вынесения органом правосудия справедливого, законного и обоснованного решения.

Неоспоримые (неопровержимые) и опровержимые презумпции. По мнению некоторых ученых, юридическая презумпция – это «законодательно закрепленное правило, которое предполагает наличие или отсутствие фактов до представления доказательств противоположного (опровержимая презумпция) или запрета их опровержения (неоспоримая презумпция)». Разделение правовых презумпций на условные или опровержимые и презумпции неоспоримые берет свое начало еще в праве Древнего Рима. А. Клейнман в советском праве выделял опровержимые, неоспоримые и фактические презумпции [9, с. 69].

Опровержимость как существенный признак правовой презумпции

означает, что законодатель допускает возможность доказывания того, что в отношении конкретного факта правовое предположение не действует, и потому наличие этого факта не приводит к наступлению юридических последствий (которые наступают по общему правилу). Неоспоримость – это специфическая черта правовых презумпций, которая является их отдельной разновидностью, которая закреплена в праве. Неоспоримые презумпции обуславливают более четкую регламентацию норм закона, в которых они выражены, способствуя их правильному применению. Использование неоспоримых презумпций целесообразно лишь тогда, когда случаи несоответствия презумпционного обобщения конкретной фактической взаимосвязи явлений и фактов встречается очень редко, по сравнению со всеми другими явлениями, фактами, которые являются основой обобщения [8, с. 84].

Опровержение правовых презумпций ни в коем случае нельзя отождествлять с опровержением правильности суждения, которая охватывается презумпцией. В гражданском праве опровержимой является презумпция правомерности сделки. Так, в частности, в соответствии со ст. 204 Гражданского кодекса Украины, сделка является правомерной, если ее недействительность прямо не установлена законом или, если она не признана судом, недействительной [15]. Таким образом, правомерность сделки в этом случае может быть опровергнута в судебном порядке.

По мнению А.А. Ганзенко, презумпции выполняют роль принципов права и являются средствами юридической техники. К презумпциям принципам права относят общеправовые презумпции, которые действуют в различных отраслях права. Среди них следует выделить: презумпцию истинности и целеустремленности государственного правового акта, в соответствии с которой все нормативно-правовые акты являются такими, которые правильно отражают общественные отношения; презумпцию правосубъектности участников правоотношений; презумпцию добропорядочности граждан; презумпцию знания законов субъектами права; презумпцию невиновности лица; пре-

зумпцию законности и справедливости судебных решений. Отсутствие названных презумпции в праве создало бы трудности и обусловило бы необходимость в каждом случае проверять истинность и целеустремленность той или иной правовой нормы, наличие правоспособности и дееспособности у граждан, факт благочестивого поведения субъектов права, знание ими законов. Презумпции как средства юридической техники по своей значимости не достигли уровня презумпций-принципов. К таким презумпциям относятся: презумпция отцовства; презумпция равенства долей в имуществе супругов; презумпция смерти лица; презумпция отказа истца от исковых требований и др. Такие презумпции могут иметь как материально-правовое, так и процессуальное значение, помогая решить дело по сути, сокращая и упрощая процесс доказывания [3, с. 20-21].

Выводы. Таким образом, презумпция – это правовая категория, которая имеет многовековую историю в правоприменительной и законодательной практике, в течении которой существенно менялись теоретические взгляды на ее понимание. В юридической терминологии «презумпция» означает предположение о признании юридического факта (обстоятельства) достоверным, пока не будет доказано обратное. Термин «презумпция» необходимо использовать только в смысле правового предположения, которому противостоит предположение фактическое – это ни прямо, ни косвенно незакрепленное в нормах права предположение, которое используется законодателем как основание для установления правовых норм в качестве логического приема мышления при формировании своего убеждения. Презумпции в гражданском праве оказывают существенное влияние на общественные отношения путем реализации своих функций и задач социально-нормативного регулирования.

Рассмотрение признаков показало, что презумпции призваны оптимизировать юридическую практику, они повышают эффективность правового регулирования и обеспечивают своего рода надежность при сочетании норм гражданского права между собой. Цель

использования презумпций заключается в достижении формальной определенности права, большей стабильности общественных отношений. Социальное назначение презумпций заключается в том, что они складываются исторически или целенаправленно устанавливаются. Они направляют поведение людей, вносят единообразие в регулировании гражданских отношений.

Что касается классификации, то в юридической науке наблюдается очевидная спорность, которая в настоящее время не позволяет говорить о структурированной и целостной системе классификации.

Список использованной литературы:

1. Бабаев В.К. Презумпции в советском праве : учеб. пособ. / Бабаев В.К. // Горьков. высш. школа МВД СССР. – Горький, 1974. – 284 с.
2. Воложанин В.П. К вопросу о юридических предположениях в советском гражданском праве и процессе // Вопросы советского гражданского права и процесса. – М. : Госюриздат, 1955. – С. 81-87.
3. Ганзенко О.О. Нетипові норми права в механізмі правового регулювання: проблеми теорії і практики застосування / О.О. Ганзенко // Вісник Запорізького національного університету. Юридичні науки. – 2013. – № 1(2). – С. 17-23.
4. Гудзь Д.С. Історія виникнення правових презумпцій та розвиток поняття про них / Д.С. Гудзь // Держава і право. – 2006. – Випуск 32. – С. 99-105.
5. Зайцев И., Афанасьев С. Бесспорные обстоятельства в гражданских делах / И. Зайцев, С. Афанасьев // Российская юстиция, 1998. – № 3. – С. 26-28.
6. Зіменко О. В. Теоретико-правовий аспект співвідношення преюдиції та презумпції у механізмі правового регулювання / О.В. Зіменко // Порівняльно-аналітичне право. – 2013 – № 3-1. – С. 19-23
7. Когут Ю. Презумпції у цивільному праві / Ю. Когут // 70-та студентська науково-технічна конференція. Секція права та психології : збірник тез доповідей, 16–18 жовтня 2012 року, Львів / Національний університет «Львівська політехніка», Навчально-науковий інститут права та психології. –

Львів: Видавництво Львівської політехніки, 2012. – С. 88-90.

8. Котуха О.С. Класифікація та характеристика окремих видів юридичних презумпцій / Котуха О.С. // Європейські перспективи. – 2012. – № 2, ч. 1. – С. 79-86.

9. Клейнман А.Ф. Основные вопросы теории доказательств в советском гражданском процессе / А.Ф. Клейнман. – М.: Изд-во АН СССР, 1950. – 340 с.

10. Кузнецова О.А. Презумпции в гражданском праве / О.А. Кузнецова. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. – 2-е изд. перераб. и доп. – 340 с.

11. Ляшенко Р.Д. Функціональне призначення презумпцій в праві / Р.Д. Ляшенко // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Юридические науки». – Том 22 (61), – X. – 2009. – С. 316-322.

12. Оршанский И.Г. О законных предположениях и их значении // Журнал гражданского и уголовного права. – СПб., 1874 г., кн. 4. – С. 32-39.

13. Сериков Ю.А. Презумпции в гражданском судопроизводстве / Сериков Ю.А. – М.: Изд-во «Волтерс Клувер», 2008. – 184 с.

14. Федотов А.В. Использование оценочных презумпций в процессе доказывания / А.В. Федотов // Журнал российского права. – 2002. – № 5. – С. 87-96.

15. Цивільний кодекс України // Відомості Верховної Ради України. – 2003. – №№ 40-44.

16. Venegas S.A. Presunciones y ficciones en el impuesto sobre la renta de las personas físicas en México / S.A. Venegas. – México: Universidad nacional autónoma de México, 2007. – 492 p.

17. Movellán S.Á. La prueba por presunciones. Particular referencia a su aplicación judicial en supuestos de responsabilidad / Sanchez de Movellán, pedro Álvarez. – Granada, 2007. – 224 p.

ПРОКУРОРСКИЙ НАДЗОР ПРИ ПРОВЕДЕНИИ НЕГЛАСНЫХ СЛЕДСТВЕННЫХ (РОЗЫСКНЫХ) ДЕЙСТВИЙ

Елена КРАВЧЕНКО,

аспирант кафедры уголовно-правовых дисциплин факультета права и массовых коммуникаций Харьковского национального университета внутренних дел

Summary

The article deals with theoretical problems and the practice of prosecutorial supervision in the production of secret investigation (search) action in criminal proceedings in Ukraine. We consider the procedural provisions relating to the implementation of the operational units' undercover investigation (search) operations on the instructions of the public prosecutor. The attention is focused on carrying out fixing evidence of scientific and technical means, fixing them and determining how the evidence proving the guilt of suspects in criminal proceedings. Makes suggestions for improvement, change existing criminal procedural legislation of Ukraine.

Key words: prosecutor, investigator, operational units, status of the prosecution, evidence, information, lock, scientific and technological means.

Аннотация

В статье рассматриваются теоретические проблемы и практика прокурорского надзора при производстве негласных следственных (розыскных) действий в уголовном производстве Украины. Рассматриваются процессуальные положения, связанные с выполнением оперативными подразделениями негласных следственных (розыскных) действий по указанию прокурора. Акцентируется внимание на проведении фиксации фактических данных научно-техническими средствами, закреплении их и определении как доказательства, подтверждающего виновность подозреваемого в уголовном производстве. Вносятся предложения по совершенствованию, изменению действующего уголовного процессуального законодательства Украины.

Ключевые слова: прокурор, следователь, оперативные подразделения, статус, сторона обвинения, доказательство, информация, фиксация, научно-технические средства.

Вводная часть. Прокурорский надзор играет важную роль в улучшении защиты интересов и прав граждан, поэтому изучение особенностей прокурорского надзора является одной из ключевых задач современной украинской юридической науки. Исключительно прокурор вправе принять решение о проведении процессуального, следственного розыскного, негласного следственного (розыскного) действия. При этом только прокурор, в соответствии со ст. 36 УПК Украины, обладает правом надзора, контроля и процессуального руководства за проведением досудебного расследования уголовных правонарушений.

Цель статьи. Действующий уголовно процессуальный кодекс Украины (УПК) определил и воплотил новые концептуальные положения о

процессуальном надзоре, контроле и руководстве прокурора. Однако, несмотря на расширение полномочий прокурора на всех стадиях уголовного производства, в отдельных случаях механизм его полномочий имеет существенные противоречия, а в отдельных случаях выполнение указаний прокурора следователь и оперативные подразделения не могут выполнить из-за пробелов в УПК Украины. В связи с данными теоретическими проблемами практики выполнения норм УПК возникла необходимость написания и дачи ответов на отдельные положения механизма процессуального контроля, надзора и руководства прокурором за действиями следователя, его персональная ответственность за ход и результаты досудебного производства, установление подозреваемого и привлечение его

к уголовной ответственности. Как на отдельный аспект проблемы необходимо обратить внимание на проведение негласных следственных (розыскных) действий. Именно при их производстве возникают процессуальные проблемы, нарушающие права, свободы и интересы личности, именно в данных случаях прокурор как никогда должен руководствоваться законом и пресекать любые его нарушения.

Изложение материала связано с практикой производства негласных следственных (розыскных) действий, соблюдением прокурором закона. Автором учтен практический опыт работы прокурором отдела прокуратуры города Харькова по соблюдению норм УПК.

Прокурор, осуществляя надзор за соблюдением законов при проведении досудебного расследования в форме процессуального руководства, уполномочен поручать следователю, органу досудебного расследования, соответствующим оперативным подразделениям проведение в установленные законом разумные сроки негласных следственных (розыскных) действий, давать указания по их проведению (ст. 36 УПК Украины).

Данная формулировка статьи УПК Украины дает общее направление деятельности прокурора, но не раскрывает его механизма. В данном случае это понятие. Во-первых, механизм производства негласных следственных (розыскных) действий всегда был прерогативой оперативных подразделений. Это включало в себя тайну их проведения, негласность. Расшифровка результатов негласных следственных действий не подлежала в уголовном процессе. Во-вторых, все научные разработки, выступления ученых их монографические издания, учебные пособия, учебники были секретными и не подлежали разглашению. После разработки и вступления в силу нового УПК Украины ученые процессуального цикла Н.С. Карпов, О.В. Баулин, Г.К. Кожевников, Л.Д. Удалова и др. попытались восполнить пробелы уголовного процесса при производстве негласных следственных (розыскных)

действий, усилив при этом полномочия прокурора по соблюдению законов, связанных с проведением негласных следственных (розыскных) действий [1, с. 98; 4, с. 172; 10, с. 17].

Первый путь был предельно с точки зрения введения в практику работы следователя научных положений криминалистики. Второй – разработка механизма процессуального оформления негласных следственных (розыскных) действий, процессуальный контроль со стороны прокурора до и после производства данных действий. Закон четко определил, что в случае если после производства негласных следственных (розыскных) действий не будет установлена или подтверждена вина подозреваемого в совершении уголовного правонарушения, прокурор обязан принять меры по уничтожению материалов оперативной разработки.

Современными учеными постоянно указывается на необходимость более широкого использования научного потенциала в уголовном процессе. Отдельные вопросы использования научно-технических средств в раскрытии и расследовании уголовных правонарушений были рассмотрены авторами: А.М. Бандуркой, Ю.М. Грошевым, В.М. Хотинцом, В.Н. Стратоновым, С.С. Овчинским, Н.А. Погорецким, В.Б. Рушайло, С.С. Чернявским и другими учеными в ходе предоставления комментариев в соответствующие статьи действующего УПК Украины [2, с. 56; 3, с. 144; 6, с. 81; 7, с. 77; 9, с. 231; 11, с. 239].

Объективная необходимость применения в уголовном производстве технических средств определяется не только стремлением участников уголовного процесса упростить и ускорить процесс расследования уголовных правонарушений, но также и свойствами последних значительно расширить диапазон возможностей человеческого восприятия.

В.Н. Стратонов считает, что способность объективно отражать происходящие события, запоминать их до мельчайших подробностей, длительно хранить и многократно

воспроизводить делает технические средства важнейшим инструментом обеспечения объективного расследования дел и тем самым фактором, который способствует соблюдению прав и свобод граждан [9, с. 123].

При изучении проблем, связанных с использованием технических средств в уголовном производстве, в первую очередь необходимо выяснить, что понимается под термином «технические средства» в тех случаях, когда оно используется в нормативно-правовых актах, относящихся к уголовно-процессуальной деятельности. Это один из важнейших вопросов, который требует решения, поскольку уголовный процесс имеет строгую процедуру соблюдения процессуальной формы и не допускает использование понятий, значение которых неясно или их неоднозначного толкования.

Рассматривая положения УПК о применении технических средств, можно определить следующее. В нормативно-правовых актах, регламентирующих порядок использования технических средств в уголовном производстве, нет четкого понятия и не определена категория «технические средства», «криминалистическая техника», «специальные средства», «специальная техника», «оперативная техника» и др.

Однако практически каждый из них не имеет четкого определения и указания на то, о каком именно «научно-техническом средстве» идет речь. В некоторых нормативных документах одновременно используются два или более из перечисленных выше терминов, чаще без соответствующих комментариев и разъяснений, что нарушает логико-смысловую структуру текста. Довольно часто термин «специальные технические средства» используется в законодательных и нормативных актах, относящихся к деятельности Министерства внутренних дел, Службы безопасности Украины. Здесь речь в основном идет о технических средствах, которые применяются для проведения оперативно-розыскной деятельности и предназначены для негласного получения информации, а также в связи с функциями оперативных

подразделений, которые имеют полномочие на проведение оперативно-розыскной деятельности.

Ст. 256 УПК Украины определяет общие положения проведения оперативных мероприятий, негласных следственных (розыскных) действий в отношении физических и юридических лиц, связанных с их разработкой, с применением специальных технических средств для снятия информации с каналов связи, а также других средств негласного получения информации. Ситуация, при которой термин «технические средства» используется в уголовном процессуальном законодательстве, однако его четкое определение в нормативных актах отсутствует. Данное положение характерно не только для Украины.

Н.А. Погорецкий, Л.Д. Удалова, исследуя вопрос процессуальной регламентации фиксации доказательственной информации Украины и других государствах (Беларусь, Армения, Казахстан, Узбекистан, Киргизия, Россия), установили, что такого рода определения есть только в Уголовно-процессуальных кодексах стран Центральной Азии – Казахстане, Узбекистане, Киргизии [7; 10, с. 11].

В частности, в УПК Казахстана и Киргизии дается определение понятия научно-технических средств, под которыми понимаются приборы, специальные приспособления, материалы, правомерно применяемые для обнаружения, фиксации, изъятия и исследования доказательств.

В ч. 2 ст. 91 УПК Узбекистана определено, что научно-технические средства – это аппараты, приборы, материалы.

В Уголовно-процессуальных кодексах других стран, которые анализировались, термины «научно-технические средства» используются, однако их общего определения не предложено.

В данном случае можно предложить в УПК Украины, а также в кодексы других государств следующее определение технических средств, применяемых в уголовном производстве: «это совокупность технических, программно-техниче-

ских и программных средств, специальных устройств, автоматизированных систем и научно обоснованных способов с применением тактических приемов их использования, которые применяются в соответствии с законом специально уполномоченными лицами для достижения процессуального результата установление виновного. При этом данные средства обеспечивают защиту прав и законных интересов участников уголовного процесса. Устанавливают полное, быстрое раскрытие уголовного правонарушения, оказывают содействие в изобличении лиц, виновных в их совершении».

Отдельные аспекты проблемы правового регулирования использования технических средств в борьбе с преступностью длительное время оставалась без внимания науки уголовного процессуального права.

Следует привести пример работы органов прокуратуры города Харькова. После ознакомления с оперативными материалами прокурор отдела, осуществляющий процессуальный контроль и руководство, подготовил представление в суд о проведении негласных следственных (розыскных) действий. Следственный судья, получив представление прокурора, составил определение и дал санкцию на проведение прослушивания в отношении лица, подозреваемого в совершении уголовного правонарушения. Однако секретарь судебного заседания при составлении протокола была ознакомлена с определением следственного судьи и знала место жительства и номер телефона подозреваемого. Она в нерабочее время вышла на связь с подозреваемым и сообщила ему о проведении в отношении последнего негласных следственных (розыскных) действий и о прослушивании телефонных переговоров. Оперативные сотрудники, которые осуществляли оперативное сопровождение объекта, сообщили об утечке оперативной информации секретного содержания надзирающему прокурору. Последний принял решение о проведении следственных действий в отношении секретаря суда. При

встрече секретаря суда с подозреваемым и получении материального вознаграждения секретарь суда была задержана. В отношении нее было начато уголовное производство, а прокурор предъявил ей уведомление о подозрении за совершение уголовного правонарушения.

В данном случае можно предложить уточнение в уголовно процессуальный кодекс, а именно предупредить об уголовной ответственности за разглашение данных материалов уголовного производства любое лицо, которое имеет доступ к секретной информации.

В процессе проведения негласных следственных (розыскных) действий следователь осуществляет доказывание обстоятельств совершенного правонарушения, которые предусмотрены ст. 91 УПК, за исключением случаев, когда обязанность доказывания законом возлагается на следователя или прокурора. Доказывания заключается в собирании, проверке и оценке доказательств с целью установления обстоятельств, имеющих значение для уголовного производства. Анализ полномочий прокурора при проведении отдельных негласных следственных (розыскных) действий свидетельствует, что прокурор решает задачи как по реализации надзорной функции, направленной на обеспечение требований закона и предупреждения возможных нарушений, конституционных прав и свобод граждан, так и по соблюдению положений закона о фиксации хода и результатов таких действий, сохранение информации, полученной в результате их проведения. Полученные фактические данные в последующем могут быть использованы в качестве доказательств для обвинения лица в ходе судебного разбирательства.

Например, только прокурор вправе принять решение о проведении негласного следственного (розыскного) действия – как контроль за совершением тяжкого или особо тяжкого преступления, готовится или совершается в форме контролируемой поставки, контролируемой оперативной закупки, специального следственного эксперимента, ими-

тирование обстановки преступления (ст. 271 УПК Украины).

Прокурор обеспечен функциями, согласно которым только он имеет право запретить или прекратить их проведение. Только он несет ответственность за разглашение данных при проведении негласных следственных (розыскных) действий. Он фактически соглашается с их необходимостью проведения и несет ответственность за допущенное нарушение прав и законных интересов лиц.

Механизм проведения негласных следственных (розыскных) действий и засекречивание их результатов должны проводиться с согласия прокурора.

Прокурор обязан составить постановление о результатах проведения негласных следственных (розыскных) действий, которые содержат секретные сведения или информацию о фактах и методах проведения негласных действий, и указать, какие данные подлежат засекречиванию. Обеспечение охраны государственной тайны и соблюдение законодательства о государственной тайне при проведении негласных следственных (розыскных) действий возлагается на следователя и прокурора.

Гриф секретности подлежит снятию на основании постановления прокурора, осуществляющего надзор при производстве данного уголовного производства.

Данный механизм секретности производства негласных следственных (розыскных) действий должен быть отражен в служебных инструкциях, а в УПК необходимо внести положение о дополнении ст. 246 о необходимости засекречивания отдельных негласных следственных (розыскных) действий.

Вывод. Исходя из изложенного материала, надо отметить следующее. Формирование предложений по совершенствованию действующей нормативно-правовой базы должно реализовываться на основании детального анализа действующих норм законодательства по вопросам производства негласных следственных (розыскных) действий, применения технических

средств в уголовном производстве путем определения основных проблемных моментов, связанных с несовершенством положений как УПК Украины, так и подзаконных актов.

Список использованной литературы:

1. Баулін О.В. Процесуальна самостійність і незалежність слідчого та їх правові гарантії [Текст] : монографія / О.В. Баулін, Н.С. Карпов. – К. : Нац. акад. внутр. справ України, 2001. – 232 с.

2. Бандурка А.М. Оперативно-розыскная деятельность : правовой анализ [Текст] / А.М. Бандурка, А.В. Горбачев. – К. : Редакционно-издательский отдел МВД Украины, 1994. – 119 с.

3. Грошевой Ю.М. Кримінальний процес України [Текст] : підручник / Ю.М. Грошевой, В.М. Хотенець ; за ред. Ю.М. Грошевого. – Х. : Право, 2000. – 487 с.

4. Кожевников Г.К. Актуальные проблемы прокурорского надзора за исполнением законов органами дознания и предварительного следствия [Текст] / Г.К. Кожевников // Актуальные проблемы совершенствования деятельности местных советов народных депутатов. – Х. : Основа, 1990. – С. 172.

5. Ларин А.М. Расследование по уголовному делу : процессуальные функции [Текст] / А.М. Ларин. – М. : Юрид. лит., 1986. – 260 с.

6. Овчинский С.С. Оперативно-розыскная информация [Текст] / С.С. Овчинский. – М. : Спарк, 2000. – 220 с.

7. Погорецкий М.А. Функціональне призначення оперативно-розшукової діяльності у кримінальному процесі [Текст] / М.А. Погорецкий. – Х. : Арцїз, 2007. – 575 [1] с.

8. Рушайло В.Б. Основы оперативно-розыскной деятельности [Текст] : учебник / К.В. Сурков, Ю.В. Кваша ; под ред. В.Б. Рушайло. – СПб. : Санкт-Петербург. ун-т МВД РФ, 2000. – 400 с.

9. Стратонов В.М. Криміналістична теорія пізнавальної діяльності [Текст] / В.М. Стратонов. – Херсон : Видавництво Херсонського державного університету, 2009. – 440 с.

10. Удалова Л.Д. Чинність кримінального процесуального закону

[Текст] / Л.Д. Удалова, С.І. Щериця. – Київ : КНТ, 2014. – 143 с.

11. Чернявський С.С. Фінансове шахрайство: методичні засади розслідування [Текст] / С.С. Чернявський. – К. : Хай-Тек-Прес. 2010. – 624 с.

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ И САМОРЕГУЛИРОВАНИЕ В СФЕРЕ ТЕЛЕВИДЕНИЯ И РАДИОВЕЩАНИЯ

Анна КРАСНОСТУП,

кандидат юридических наук, старший научный сотрудник, заместитель начальника управления развития информационной сферы и европейской интеграции – начальник отдела законопроектной работы Государственного комитета телевидения и радиовещания Украины, главный научный сотрудник научного отдела теории и истории информационного права Научно-исследовательского института информатики и права Национальной академии правовых наук Украины

Summary

The article is illustrated by the current Ukrainian system of legal regulation of television and broadcast, the analysis of international experience of self-regulation and joint adjusting is conducted in the corresponding sphere of public relations. Correlation of concepts „legal regulation”, „self-regulation”, „co-regulation”. The article is illustrated the methods of perfection of the legal adjusting of this question are offered for Ukraine taking into account the best international practices.

Key words: television and broadcast, public policy, legal regulation, self-regulation, co-regulation.

Аннотация

В статье проиллюстрирована существующая в Украине система правового регулирования сферы телевидения и радиовещания, проведен анализ международного опыта саморегулирования и совместного регулирования в соответствующей сфере общественных отношений. Также определено соотношение понятий «государственное регулирование», «саморегулирование» и «совместное регулирование». Предложены способы совершенствования правового регулирования данного вопроса для Украины с учетом лучших международных практик.

Ключевые слова: телевидение и радиовещание, государственная политика, государственное регулирование, правовое регулирование, саморегулирование, совместное регулирование.

Постановка проблемы и актуальность темы исследования. Одной из сфер, регулируемых государством, является сфера телевидения и радиовещания. Точнее говоря, это означает, что государство выдает лицензии на радио- и телевизионное вещание и осуществляет надзор за соответствующей деятельностью.

Так как регуляторные органы в сфере телевидения и радиовещания очень перегружены работой, представители медиаиндустрии вынуждены решать отдельные вопросы самостоятельно. Поэтому понятия «саморегулирование», «совместное регулирование» общественных отношений в сфере телевидения и радиовещания стали одним из главных вопросов для научных дискуссий по поводу альтернатив традиционным формам государственного правового регулирования.

В своих научных трудах проблемные вопросы формирования и реализации государственной политики в сфере аудиовизуальных средств массовой информации исследуют такие отечественные ученые: А.Ю. Большакова, А.Е. Бухтатий, А.А. Вознесенская, В.М. Дрешпак, И.В. Зайцева-Калаур, В.Ф. Иванов, Н.М. Ильченко, З.А. Кукина, Ганс Й. Кляйнштойбер, Кристофер Т. Марсден, Кармен Пал-

цер уделили большое внимание эффективности европейских систем саморегулирования и совместного регулирования в сфере телевидения и радиовещания. В то же время нуждается в дополнительном исследовании и освещении вопрос целесообразности внедрения в Украине системы саморегулирования и совместного регулирования в сфере телевидения и радиовещания.

Целями статьи являются определение соотношения понятий «государственное регулирование», «саморегулирование», «совместное регулирование», проведение анализа лучших практик регулирования общественных отношений в сфере телевидения и радиовещания, а также разработка предложений по внедрению передового международного опыта для Украины.

Изложение основного материала исследования. Общественные отношения, возникающие в сфере телевизионного и радиовещания на территории Украины, регулируются Законом Украины «О телевидении и радиовещании», который определяет правовые, экономические, социальные, организационные условия их функционирования, направленные на реализацию свободы слова, прав граждан на получение полной, достоверной и опе-

ративной информации, на открытое и свободное обсуждение общественных вопросов [1].

Статья 7 этого Закона посвящена государственному управлению и регулированию в сфере телерадиовещания.

Парламент Украины определяет государственную политику относительно телевидения и радиовещания, законодательные основы ее реализации гарантии социальной и правовой защиты работников этой сферы. Правительство Украины обеспечивает проведение государственной политики относительно телевидения и радиовещания, направляет и координирует деятельность министерств и других органов исполнительной власти в этой сфере. Обеспечение формирования и реализация государственной политики в сфере телевидения и радиовещания возложены на центральный орган исполнительной власти (на сегодня – Государственный комитет телевидения и радиовещания Украины).

При этом единственным органом государственного регулирования деятельности в сфере телевидения и радиовещания, независимо от способа распространения телерадиопрограмм и передач, является Национальный совет Украины по вопросам телевидения и радиовещания. Правовые принципы

формирования и деятельности, статус компетенция, полномочия, функции Национального совета и порядок их осуществления определяются Законом Украины «О Национальном совете Украины по вопросам телевидения и радиовещания».

Вместе с тем Закон не содержит никаких положений о возможности саморегулирования или совместного регулирования в сфере телевидения и радиовещания.

На данном этапе исследования необходимо дать определения и проиллюстрировать соотношения таких понятий, как «регулирование», «государственное регулирование», «саморегулирование» и «совместное регулирование».

Регулирование (от лат. *regulo* – устраиваю, привожу в порядок) – это: 1. Приведение в порядок, упорядочение (механизма, деятельности и т. д.); руководство движением, направлением, действиями, отношениями и т. п. 2. Совокупность предписаний, исходящих от органа власти или управления и имеющих целью внести известный порядок в ту или другую сферу жизни. 3. Форма целенаправленного управляющего воздействия, ориентированного на поддержание равновесия в управляемом объекте и на его развитие посредством введения в него регуляторов (норм, правил, целей, связей) [2].

Ганс Й. Кляйнштойбер в своей публикации «Интернет: между регулированием и управлением» указывает, что в «собственном смысле» этого слова регулирование предполагает достаточно произвольный процесс, осуществляемый под руководством государства, функции которого обычно сосредотачиваются в пределах какого-либо (более или менее) независимого регуляторного органа, принимающего решения в случае конфликта интересов. Процесс принятия решений настолько сложен, что какой-либо специализированный орган, состоящий из независимых экспертов, справится с этим лучше, чем государственные чиновники [3, с. 63].

Государственное регулирование – воздействие государства в лице государственных органов на экономические объекты и процессы и участвующих в них лиц [4]. Государственное регулирование в сфере телевидения и радиовещания осуществляется на ос-

новании закона соответствующими регуляторными органами.

Считаем, что понятие «государственное регулирование» можно отождествлять с понятием «правовое регулирование», которое также является процессом целенаправленного воздействия государства на общественные отношения при помощи специальных юридических средств и методов, которые направлены на их стабилизацию и упорядочивание.

В настоящее время к числу регуляторных органов в сфере телевидения и радиовещания принадлежат «Ofcom» (Великобритания), *Conseil Superieur de l'Audiovisuel Francais* (Франция).

Как правило, органы подобного рода строятся по принципу суда, в котором решения принимаются на коллегиальной основе, что в той или иной степени схоже с деятельностью «присяжных заседателей». В обязанности таких органов входит рассмотрение заявлений различных заинтересованных сторон, а кроме того, они вправе выносить решения по вопросам, затрагивающим интересы вещательных корпораций и общества. Главная их задача – урегулировать разногласия на основе устойчивого компромисса, а не принимать решение, что является законным, а что – противоправным. Одна из очевидных проблем состоит в том, что такие органы по сути своей слабы и способны легко подпасть под влияние компаний, которые могут использовать их (или злоупотреблять ими) в собственных интересах, например с целью недопущения на рынок новых компаний или повышения тарифов [3, с. 64].

Необходимо отметить, что регуляторные органы в сфере телевидения и радиовещания очень перегружены работой. Представители медиа индустрии вынуждены решать отдельные вопросы самостоятельно. Поэтому государственное регулирование обычно сопровождается саморегулированием. Иногда саморегулирование может иметь место при полном отсутствии государственного регулирования.

Саморегулирование (*self-regulation*) – это правительственный подход к регулированию какого-либо из секторов экономики, заключающийся в том, что формулируются только общие цели, но задача разработки и внедрения в жизнь детальных правил предоставляется ор-

гану, состоящему из действующих в данном секторе лиц. Достоинство данного подхода состоит в том, что люди, работающие в данном секторе, способны лучше аутсайдеров выявлять проблемы и выработать реалистичные методы управления. Опасность саморегулирования заключается в том, что оно позволяет слишком активно действовать в защиту уже существующих в данном секторе фирм и слишком слабо – в интересах потребителей или предоставления возможностей новаторам и впервые вступающим на данный рынок производителям [5].

Саморегулирование является наиболее реальным путем выживания региональных средств массовой информации – к такому выводу пришли участники круглого стола «Как реанимировать региональную журналистику: медиареформы и саморегулирование», который состоялся 16 июля 2015 года в г. Киеве. Мероприятие организовано Институтом демократии имени Пилипа Орлика при поддержке USAID и «Интерньюс Нетворк». В нем приняли участие редакторы и журналисты всеукраинских и региональных средств массовой информации; медиаэксперты; координаторы и эксперты региональных экспертных групп института; медиаюристы; представители авторитетных медиаорганизаций [6].

В условиях, когда происходит взаимодействие государственного регулирования и саморегулирования возникает понятие «совместное регулирование».

Понятие «совместное регулирование» (*co-regulation*) четко не определено и не связано ни с одной отдельной регуляторной моделью. Выражение «совместное регулирование» обычно используют в качестве общего термина для определения кооперативных форм регулирования, которые разработаны для достижения целей государственной власти. Это понятие охватывает как элементы саморегулирования, так и традиционные черты государственного регулирования.

Модель «совместного регулирования» опирается на основы саморегулирования (в его самом широком понимании), которые закреплены в положениях органов государственной власти одним из двух способов: государственные органы или закладывают правовые фундаменты таким обра-

Таблица

Тип регулирования	Роль государства
1. Сознательное или «абсолютное» саморегулирование	Государство не принимает никакого участия в деятельности НРО (независимых регуляторных органов)
2. На базе отраслевых кодексов поведения	Требуется регистрация при государственных органах НРО
3. На базе отраслевых стандартов	В отсутствие согласованных в масштабах всей отрасли кодексов поведения государство устанавливает обязательные правила
4. Командно-контрольный тип	Кодексы поведения устанавливаются государственным НРО еще до осуществления попыток саморегулирования

зом, чтобы саморегулирование начало действовать, или интегрируют имеющуюся систему саморегулирования в нормативную базу государственного органа. Это широкое определение охватывает много разнообразных типов совместного регулирования, в зависимости от соотношения участия власти и негосударственного сектора. Выбор элементов для основы совместного регулирования, в частности, зависит от намеченных к выполнению заданий.

Если соответствующая структура полностью справляется с тем, что сначала входило в обязанности регуляторного органа (органа государственной власти), например защита меньшинств в средствах массовой информации, то этот вопрос следует вывести из-под опеки государственного органа. Соответствующая правовая система должна предусматривать ответственность, которая положена на государство относительно выполнения задания должным образом. Следовательно, государственный орган должен контролировать деятельность организации, которая функционирует на основе саморегулирования, и если она не обеспечивает надлежащую защиту меньшинств, то государство должно иметь право на вмешательство [7, с. 9]. В других сферах, где вмешательство государственных органов связано с определенными трудностями, должно обеспечиваться полное саморегулирование (например, сфера защиты общественной морали).

Таким образом, совместное регулирование не может использоваться там, где это связано с обеспечением основных прав граждан или важных политических решений, или там, где ставится под угрозу безопасность или равноправие граждан.

Кристофер Т. Марсен в своей статье «Совместное регулирование и саморегулирование секторов средств массовой информации и Интернета в Европе: результаты исследования, проведенного Оксфордским университетом» отмечает, что в Европе совместное регулирование должно осуществляться соразмерно требованиям соответствующего правового акта, а также не противоречить нормам конкурентного права Европейского союза. Главная ответственность за обеспечение выполнения возлагается на государство (по принципу «подстраховки»). Согласно материалам конкретного исследования, проведенного Шульцем и Хельдом по Австралии, саморегулирование находит там свое практическое выражение в том, как применяются Закон 1997 года о телекоммуникациях и Закон 1992 года об услугах в сфере вещания, и на основании этой практики можно вывести 4 типа схем регулирования [3, с. 91]. Указанные типы регулирования ярко демонстрируют данные сравнительной таблицы.

Следует отметить, что модели саморегулирования не могут легко имплементироваться из одной страны в другую. Существуют очень различные практики и национальные особенности регулирования сферы телевидения и радиовещания.

Например, регулирование средств массовой информации в Великобритании традиционно можно разделить на два вида: государственное регулирование (в случае аудиовизуальных средств массовой информации) и саморегулирование (в случае печатных средств массовой информации) [8]. Такая практика действительно существует в большинстве европейских стран. Вместе с этим

появляются эффективные европейские механизмы саморегулирования в аудиовизуальной сфере. Например, Нидерландский институт классификации в области аудиовизуальных средств массовой информации (NICAM) – орган саморегулирования, объединяющий более 2200 телерадиокомпаний, который поддерживается правительством и финансируется вещателями.

Со слов координатора проектов Совета Европы в Украине О. Седовой, наилучшая модель саморегулирования в сфере телерадиовещания действует в Канаде. Они создали для себя возведение стандартов относительно всех болезненных вопросов (например, освещение выборов, освещения актов жестокости, вопроса защиты детей) и приняли на себя обязательство популяризировать эти стандарты для своего зрителя, а также предоставили возможность обращения с жалобами. Эти конкретные, очень детальные рекомендации являются указанием для всех каналов, также существуют механизмы реализации этих стандартов [9].

Канадский совет по стандартам телерадиовещания (Canadian Broadcast Standards Council (CBSC) – независимая неправительственная организация, созданная в 1990 году [10] Канадской ассоциацией телерадиовещателей (The Canadian Association of Broadcasters (CAB) для применения в практике вещания стандартов, разработанных членами ассоциации. В CBSC входят более 790 частных радиостанций и телевизионных компаний, специализированных компаний и сетей из разных провинций Канады [11].

CBSC играет в канадском телерадиовещании особую роль. Он помогает частным канадским вещательным компаниям самостоятельно решать вопросы, связанные с содержанием передач, и рассматривает жалобы и запросы граждан, касающиеся содержания передач частного сектора канадского телерадиовещания.

CBSC имеет пять основных целей:

- оказание помощи в применении стандартов вещания, разработанных в частном секторе вещания;

- информирование канадской общественности о существовании стандартов телерадиовещания и саморегулирующейся системы, созданной частными вещателями Канады;

– обеспечение существования платформы для подачи общественных жалоб о нарушении установленных стандартов в сфере телевидения и радиовещания;

– предоставление рекомендаций для частных вещателей и истцов;

– информирование телерадиовещателей о возникающих общественных тенденциях и разработка способов адаптации стандартов вещания, чтобы удовлетворить их [10].

CBSC является организацией, которая занимается перепиской, рассмотрением множества вопросов и большого количества жалоб.

Во главе CBSC находится Национальный председатель. Исполнительным органом CBSC является Секретариат, который возглавляет исполнительный директор. Существует семь выносящих решения панелей: две национальные и пять региональных, которые состоят из добровольцев, представляющих общественных судей и индустрии вещания в равных частях.

Национальный председатель является официальным «голосом» CBSC, представляющим CBSC в публичных выступлениях, интервью в пределах и за пределами границ Канады. Он не должен иметь никаких связей в индустрии вещания. Национальный председатель является членом команды Секретариата, а также возглавляет «совет директоров» CBSC и национальные панели. Национальный председатель может также при необходимости находиться в качестве представителя общественности в любой региональной панели.

Исполнительный директор, а через него Секретариат отвечает за управление CBSC. Расположенный в Оттаве, Секретариат отвечает на жалобы, письма, направляет их вещателям для ответа, отвечает на информационные запросы общественности, готовит ответы на вопросы пресс-релизов и решений, касающихся жалоб.

Две национальные панели рассматривают жалобы, касающиеся национальных программ. Программа будет рассматриваться национальной панелью, если она: транслирует любые специальные услуги вещателей; транслируется в сети или национальным вещателем; жалоба на программу поступила из трех или более регионов. В национальные панели входят по пять

представителей от индустрии и институтов гражданского общества, из которых выбираются судьи CBSC. Каждая панель состоит из трех представителей государства и трех представителей индустрии, на которых председательствует Национальный председатель.

Пять региональных панелей (Атлантик, Квебек, Онтарио, Прерий и Британская Колумбия) рассматривают жалобы, касающиеся вещателей в соответствующих регионах.

В каждую панель входят по пять представителей от индустрии и институтов гражданского общества, из которых выбираются судьи CBSC. Каждая панель имеет председателя и заместителя председателя, которые поочередно представляют вещателя и государственный сектор. В состав каждой панели входят также по шесть представителей индустрии и институтов гражданского общества [11].

Структуру CBSC сложно назвать простой, но за 25 лет работы этот орган доказал канадскому обществу свою эффективность. При этом чтобы лучше и как можно шире информировать канадскую общественность, которая в большей мере представляет собой общество многонациональное и многоязычное, CBSC перевел свои материалы, существующие на английском и французском языках, на многие другие языки.

Выводы. Анализ вышеизложенных положений позволяет сделать следующие выводы:

– совместное регулирование должно использоваться только там, где оно служит общественным интересам;

– внедрение канадского опыта саморегулирования в сфере телевидения и радиовещания может быть полезным для Украины;

– существование систем «саморегулирования» и «совместного регулирования» должно быть предусмотрено на законодательном уровне;

– в новой редакции Закона Украины «О телевидении и радиовещании» необходимо предусмотреть специальные положения о «саморегулировании» и «совместном регулировании» в сфере телевидения и радиовещания.

Все предлагаемые в данной статье изменения Закона Украины «О телевидении и радиовещании» требуют широкого общественного обсуждения

с привлечением представителей индустрии, институтов гражданского общества, медиаюристов.

Список использованной литературы:

1. Про телебачення і радіомовлення: Закон України від 21 грудня 1993 р. № 3759-XII // Відомості Верховної Ради України. – 2006. – № 18. – Ст. 155 [Електронний ресурс]. – Режим доступу : <http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/3759-12>.

2. Энциклопедия социологии [Електронний ресурс]. – Режим доступу : <http://dic.academic.ru/dic.nsf/socio/3417>.

3. Справочник по свободе массовой информации в Интернете / Под ред. Кристиана Мёллера и Арно Амурю. – Вена : Office of the Representative on Freedom of the Media. – 2004. – 282 с. [Електронний ресурс]. – Режим доступу : <http://www.osce.org/ru/fom/13837?download=true>

4. Борисов А.Б. Большой экономический словарь. – М.: Книжный мир, 2003. – 895 с. [Електронний ресурс]. – Режим доступу : <https://tochka.com/info/glossary>

5. Экономический словарь [Електронний ресурс]. – Режим доступу : http://dic.academic.ru/dic.nsf/econ_dict/19550.

6. Дідковська Ю. Саморегуляція та медіаграмотність — шлях до європеїзації українських ЗМІ / Media Sapiens [Електронний ресурс]. – Режим доступу : http://osvita.mediasapiens.ua/ethics/standards/samoregulyatsiya_ta_mediagramotnist_shlyakh_do_evropeizatsii_ukrainskikh_zmi/.

7. Співрегулювання медій в Європі : Видання Європейської аудіовізуальної лабораторії / пер. з англ. – К. : «К.І.С.». – 2006. – 130 с.

8. Journeyman to five-tool player? Co-regulation and audiovisual media in the UK [Електронний ресурс]. – Режим доступу : <http://regulation.upf.edu/dublin-10-papers/7B1.pdf>.

9. Офіс Ради Європи в Україні пропонує українським телеканалам перейняти канадський досвід саморегулювання [Електронний ресурс]. – Режим доступу : <http://www.telekritika.ua/pravo/2015-01-19/102660>.

10. Canadian Broadcast Standards Council. Wikipedia, the free encyclopedia

[Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://en.wikipedia.org/wiki/Canadian_Broadcast_Standards_Council.

11. Официальный веб-сайт Канадского совета по стандартам вещания (Canadian Broadcast Standards Council) [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.cbcs.ca/english/lang/russian.php>.

ПРИНЦИПЫ ОРГАНИЗАЦИИ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ СУДЕБНОЙ СИСТЕМЫ В УКРАИНЕ

Александр ЛИТОВЧЕНКО,
соискатель

Сумского государственного университета

Summary

Based on the analysis of scientific approaches to understanding the essence of the principles, both in the general theoretical context and in the legal (including administrative and legal) aspect, the author of the article formulates the concept and grounds the value of the principles of organization and functioning of the judicial system of Ukraine, he also provides their classification. The author notes that the principles, although they have rather general and stable nature, they are not immutable precepts, and should be adapted to the respective current problems and needs of the society.

Key words: principle, principles of law, principles of state management, rule of law, legality, access to justice.

Аннотация

В статье на основании анализа научных подходов к пониманию сущности принципов как в общетеоретическом контексте, так и в правовом (в том числе административно-правовом) аспекте сформулировано понятие и обоснованы значения принципов организации и функционирования судебной системы Украины, а также приведена их классификация. Автор отмечает, что принципы, хотя и имеют достаточно общий и стабильный характер, не являются неизменными постулатами и должны адаптироваться к соответствующим насущным проблемам и запросам общественной жизни.

Ключевые слова: принцип, принципы права, принципы государственного управления, верховенство права, законность, доступность правосудия.

Постановка проблемы. В основе любой системы – биологической, технической, социальной и т.д. – лежат определенные принципы, которые значительным образом и определяют особенности ее организации (построения) и функционирования. Это справедливо и для судебной системы Украины, которая также основывается на ряде принципиальных положений. Анализ указанных принципов позволит более глубоко понять, на каких именно закономерностях построена национальная судебная система и на какие из них она опирается в своей деятельности.

Анализ последних исследований и публикаций. Отдельные аспекты организации и функционирования судебной системы в Украине ранее уже рассматривались такими учеными, как С.О. Бондарь, А.Л. Борко, В.А. Гомада, М.К. Закурин, Г.Я. Наконечная, Д.М. Притыка, В.В. Сердюк, С.Г. Штогун, И.Б. Шицкий и другие. Вместе с тем существующие научные исследования данной проблематики, как правило, касаются только отдельных направлений административно-право-

вого обеспечения функционирования судов, не раскрывая при этом специфики административно-правового регулирования принципов организации и функционирования судебной системы в Украине. Именно поэтому целью нашей работы является анализ теоретических положений и административно-правового регулирования принципов организации и функционирования судебной системы в Украине, определение их сущности, видов, особенностей и значения.

Изложение основного материала. Анализ проблемы считаем нужным начать с установления сущности понятия «принцип». Термин «принцип» происходит от латинского слова «principium», которое буквально означает «основа, начало, первоисточник» [1, с. 461]. В современных толковых словарях русского и украинского языка к слову «принцип» приводятся следующие определения: основное исходное положение какой-либо системы, учения, теории, идеологического направления, политической организации и тому подобное; главная особенность, положенная в основу работы устройства,

механизма; особенность, положенная в основу создания или осуществления чего-либо, способ создания или осуществления чего-либо; внутреннее убеждение, точка зрения, норма, правило, которым руководствуется кто-нибудь в жизни [2, с. 1125; 3, с. 984].

На страницах специальной словарной и энциклопедической литературы можно найти такие подходы к определению содержания понятия «принцип»: в основе некоторой совокупности фактов или знаний, исходный пункт объяснения или руководства к действиям; центральное понятие системы; внутреннее убеждение, максима, что задает общую установку по отношению к действительности, нормы поведения и деятельности [4, с. 554]; практические, нравственные и теоретические основы, которыми человек руководствуется в жизни, в различных сферах деятельности [5, с. 427]; общие положения, соблюдение которых обеспечивает общественно-политическую организацию общества и отношения между государством и гражданским обществом [6, с. 574-575].

Из приведенных толкований четко видно, что принцип, независимо от сферы его применения (философия, логика, этика, политика, экономика, государственное управление и т.п.), обозначает какое-то общее положение, которое играет роль отправного начала, руководящего требования, на котором что-то основывается: общественное поведение, деятельность, строение системы или механизма, работа механизма и тому подобное.

Проблематике принципов посвящено много внимания на страницах, как юридической литературы, так и литературы из области государственного управления. Например, М.В. Цвик, В.Д. Ткаченко, Л.Л. Богачева и другие, рассуждая о принципах права, пишут, что с давних времен принцип считался основой, фундаментом любой социальной системы (в том числе правовой), требования которого распространялись на все явления, принадлежащие к этой системе [7, с. 193]. Значение принципов М.В. Цвик и другие видят в том, что они: имеют свойство высшей императивности, универсальности, общей значимости, им присущи устойчивость и стабильность в течение неопределенно длительного времени;

направляют развитие функционирования всей правовой системы; обуславливают направления правотворческой, правоприменительной и иной юридической деятельности; выступают важнейшим критерием законности действий граждан, должностных лиц и других субъектов права; способствуют преодолению пробелов в праве; влияют на уровень правосознания в обществе [7, с. 193-194]. Непосредственно принципы М.В. Цвик, В.Д. Ткаченко и Л.Л. Богачева характеризуют как общие требования к общественным отношениям и их участникам, а как исходные, руководящие, отправные установления, выражающие сущность права и вытекающие из идей справедливости и свободы, определяющие общую направленность и наиболее существенные черты действующей правовой системы [7, с. 193]. Ю. Шемшученко и П.М. Рабинович понимают принципы права как руководящие принципы (идеи), которые определяют содержание и направленность правового регулирования общественных отношений. Значение принципов права заключается в том, что они в сжатом виде, концентрированно отражают существенные черты права, является его квинтэссенцией, «лицом» [8, с. 128].

А.Ф. Скакун в своих трудах указывает, что принципы права – это объективно присущие праву отправные начала, неоспоримые требования (положительные обязательства), относящиеся к участникам общественных отношений с целью гармоничного сочетания индивидуальных, групповых и общественных интересов. Иными словами, это своеобразная система координат, в рамках которой развивается право, и одновременно вектор, определяющий направление его развития [9, с. 221]. Принципы права, пишет юрист, характеризуются следующими свойствами: они растворяются во множестве норм, пронизывают всю правовую материю; являются стержнем всей системы права, добавляют праву логичности, последовательности, сбалансированности; имеют более высокий уровень отвлеченности от регулируемых отношений, освобождены от конкретности и подробностей; выступают как общее мерило поведения, без указания права и обязанности; положительны обязательствам и как такие приобретают

качества особого уровня права, возникает над уровнем норм, определяющих их ценностную ориентацию (направленность) не имеют способов регулирования, их ведущим элементом является повинность (то, что должно быть), которая непосредственно отражает существующую в конкретном обществе систему ценностей и обосновывается; выступают отправным началом при решении конкретных юридических дел, особенно при применении аналогии закона при наличии пробелов в законодательстве [9, с. 221-222].

В.Б. Аверьянов в контексте административного права отмечает, что принципы указывают на основные черты, сущностные характеристики, содержание и назначение всей области административного права. Они вытекают или из отдельных правовых норм, или формулируются на основе группы норм данной отрасли права и связаны с другими принципами, регулирующими общественное поведение людей. Принципы административного права в равной степени характеризуют сущность и содержание как самой отрасли права, так и общественных отношений, являющихся предметом регулирования этой отрасли [10, с. 80]. Автор акцентирует внимание на том, что изучение принципов административного права дает ответ на вопросы: что является главным в системе норм, регламентирующих административно-правовые отношения; что является постоянным спутником этих отношений; без чего не могут существовать различные институты административного права. Основное значение принципов административного права состоит в том, что они определяют «юридическую судьбу», жизнеспособность, практическую организацию и реальное функционирование исполнительной власти и управления [10, с. 80].

В.Я. Малиновский, исследуя принципы государственного управления, охарактеризовал их как фундаментальные истины, положительные закономерности, руководящие идеи, основные положения, нормы поведения, отражающие законы развития отношений управления, которые сформулированы в виде определенного научного положения, закрепленного, в основном, в правовой форме, на основе которого строится и функционирует аппарат

государственного управления. Принципы определяют требования к системе, структуре, организации и процессу управления, направления и границы принятия управленческих решений [11, с. 192]. Ученый отмечает, что принципы как понятие теории отражают сущность и реальность процессов государственного управления, подчиняясь определенным законам. Принципы – это специфическое понятие, содержанием которого является не столько сама закономерность, отношения, взаимосвязь, сколько наше знание о них. Они представляют собой результат обобщения людьми объективно действующих законов и закономерностей, присущих им общих черт, характерных фактов и признаков, которые становятся общим началом их деятельности [11, с. 192]. С.Г. Стеценко в своих работах пишет, что важным фактором понимания сути государственного управления является осознание его принципов, под которыми понимаются основные закономерности, на которых базируется государственное управление. Значение принципов административного права состоит в том, что они благодаря осуществляемому сознательно обобщению в сжатом виде отражают существенные характеристики указанной отрасли права [12, с. 52].

Таким образом, учитывая все вышесказанное касательно принципов, в частности в сфере права и государственного управления, предлагаем понимать принципы организации и функционирования судебной системы в Украине как обусловленные объективными закономерностями и насущными потребностями общественного развития основополагающие идеи, убеждения, оформленные, как правило, в виде законодательных положений, и которые выступают в качестве руководящих требований (отправных, базисных начал) наиболее общего императивного характера, предъявляемых к организации (построению) судебной системы Украины и к процессу осуществления ей своего функционального назначения.

Значение исследуемых принципов заключается в том, что они: во-первых, закрепляют те важнейшие приоритеты, с учетом которых должна строиться и действовать судебная система Украины, как в целом, так и ее отдельные звенья; во-вторых, имеют наиболее общий и

императивный характер, то есть те требования, которые составляют содержание принципов, распространяются на все структурные элементы судебной системы и являются обязательными для выполнения, они не могут быть нарушены по соображениям целесообразности или по другим причинам; в-третьих, принципы определяют содержание и направленность правового регулирования организации и функционирования судебной системы, а также осуществление управления ею; в-четвертых, круг принципов, а также характер требований, составляющих их содержание, свидетельствует об уровне развития судебной системы и его соответствие как насущным потребностям национальной общественно-государственной жизни, так и мировым тенденциям и стандартам в этой сфере; в-пятых, принципы являются важным средством преодоления пробелов в действующем законодательстве.

Одним из ключевых свойств принципов, на которых основывается организация и развитие важнейших сфер общественной жизни, является их закрепление на уровне действующего законодательства. При этом следует заметить, что они, принципы, могут быть, как прямо указываться в нормах законодательства, так и опосредованно, то есть логически следовать из содержания последних. Так, например, принцип законности, в отличие от принципа верховенства права, в Конституции Украины прямо не закреплён, впрочем, по нашему мнению, он логично следует из содержания статьи 19 Основного закона государства, в которой закреплено, что правовой порядок в Украине основывается на принципах, согласно которым никто не может быть принужден делать то, что не предусмотрено законодательством. Органы государственной власти и органы местного самоуправления, их должностные лица обязаны действовать только на основании, в пределах полномочий и способом, которые предусмотрены Конституцией и законами Украины [13].

Если говорить о законодательном закреплении принципов организации и функционирования судебной системы Украины, то его можно охарактеризовать как более или менее качественное, ведь как на уровне Конституции, так и закона «О судостроительстве и статусе судей»

от 07.07.2010 № 2453-VI закреплены все основные требования, на которых основывается строение и деятельность механизма судебной власти Украины. Кроме того, исследуемые принципы так или иначе отражены еще в целом ряде других законов Украины (например, Кодекс административного судопроизводства, Уголовный процессуальный кодекс, Хозяйственный процессуальный кодекс и т.д.) и международных правовых документов (например, Всеобщая декларация прав человека (одобрено резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 217 А (iii) от 10 декабря 1948; Монреальская универсальная декларация о независимости правосудия (первая мировая конференция по независимости правосудия, Монреаль, 1983 год; Основные принципы независимости судебных органов (одобрены резолюциями 40/32 и 40/146 Генеральной Ассамблеи ООН от 29 ноября и 13 декабря 1985) Рекомендации по эффективному внедрению основных принципов независимости судебных органов (приняты резолюцией Экономического и Социального Совета ООН 1989/60 и одобрены резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 44/162 от 15 декабря 1989, Европейский устав судьи (принят Европейской ассоциацией судей в 1993 году), Европейская хартия о законе «О статусе судей» (8-10 июля 1998 года) Пояснительная записка к Европейской хартии о законе «О статусе судей» (8– 10 июля 1998) Рекомендация № R (94) Комитета Министров Совета «Независимость, действенность и роль судей» (1994), Общая (универсальная) хартия судьи (1999) и др..

С целью системного подхода к освещению ключевых, с нашей точки зрения, принципов, на которых основывается национальная судебная система Украины, считаем, что весь их комплекс можно разделить на общеправовые, организационные и функциональные. К первым относятся наиболее общие основополагающие требования, на которых основывается общественно-государственная жизнь в стране, и которые предъявляются ко всем существенным отношениям и процессам в ее основных сферах. Это в полной мере касается и судебной системы, социально-правовым базисом (как организации, так и функционирования) которой выступают следующие, общепризнанные и провозглашенные в украинском обществе,

мировоззренческие идеи: гуманизм; верховенство права; приоритет прав человека и гражданина; демократизм; законность; взаимная ответственность государства и личности. Принципы этой группы определяют обще-социальные ориентиры и приоритеты, на основании и с учетом которых должна функционировать и развиваться судебная система.

Ко вторым, то есть к организационным принципам, относятся те, которые определяют общие принципы построения судебной системы, механизм осуществления управления в ней, правовой статус ее структурных звеньев, ресурсное обеспечение данной системы и др. То есть это все те принципы, которые непосредственно не касаются отправления правосудия (судопроизводства) и соответствующих процессуальных отношений, реализуемых в ходе решения судами конкретных юридических дел, а связанные с устройством судебной системы, то есть созданием внешних, по отношению к правосудной деятельности, условий, необходимых для нормального выполнения судами своего основного функционального назначения – отправления правосудия.

В группу организационных принципов, в частности, мы включили

– принцип осуществления правосудия только судами и невозможности делегирования этой функции другим органам власти (статья 125 КУ). Данный принцип является чрезвычайно важным, поскольку он, так сказать, продолжает и развивает более общий принцип разделения государственной власти и делает невозможным узурпацию судебной власти другими ветвями первой (государственной) власти). Правосудие выступает важным элементом механизма сдерживания и противовесов ветвей государственной власти;

– принцип участия народа в осуществлении правосудия. Этот принцип позволяет представителям общественности через институт народных заседателей и присяжных принимать непосредственное участие в отправлении правосудия;

– принципы территориальности, специализации и инстанционности (статья 125 КУ и 17 Закона Украины «О судоустройстве и статусе судей»), которые определяют основы распределения юрисдикционной компетенции между различными судебными звеньями исследуемой системы.

– принцип формирования материально-финансовой базы деятельности судов и поддержания ее на таком уровне, который необходим для их нормального функционирования, за счет государственного бюджета. Так, в статье 130 Конституции Украины предусмотрено, что государство обеспечивает финансирование и надлежащие условия для функционирования судов и деятельности судей. В Государственном бюджете Украины отдельно определяются расходы на содержание судов [13];

– принцип наличия судейского самоуправления. Данный принцип гарантирует право судов самостоятельно решать свои внутриорганизационные (внутрисистемные) вопросы, что укрепляет независимость судебной системы от других ветвей власти и уменьшает вероятность осуществления внешнего управленческого давления на нее;

– принципы внепартийности, независимости и профессионализма судей. Указанные принципы призваны гарантировать подчиненность судей исключительно закону и их защищенность от любого постороннего влияния, внешнего давления. А также установить организационно-правовые основы для создания качественного механизма обеспечения судов высокопрофессиональными кадрами;

– принцип доступности правосудия или свободного доступа к правосудию. Содержанием этого принципа является положение, согласно которому государство гарантирует и обеспечивает каждому человеку право на рассмотрение его дела компетентным судом.

Принципы третьей группы – функциональные принципы – это те основные требования, которые непосредственно связаны с осуществлением судопроизводства. Данные принципы в своей совокупности, по нашему мнению, призваны гарантировать право на справедливый суд. Заметим, что справедливый суд, на наш взгляд, следует понимать как обобщающее понятие, содержание которого, в целом, является требованием о наличии надлежащего качества судебной процедуры. Если же говорить о круге требований, формирующих данную группу принципов, более конкретно, то среди них следует указать следующие: равенство всех участников процесса перед законом и судом; состязательность сторон, диспо-

зитивность и официальное выяснение всех обстоятельств по делу; возможность пользоваться правовой помощью во время рассмотрения дела; гласность и открытость процесса; обеспечение апелляционного и кассационного обжалования судебных решений, кроме случаев, прямо предусмотренных законом; национальный язык судопроизводства; обязательность судебных решений.

Выводы. Резюмируя проведенные в данной статье исследования, можно утверждать, что принципы выступают одной из ключевых политико-правовых гарантий целостности и мощи судебной системы Украины, ее грамотного построения и качественного функционирования. Они (принципы) обуславливают характер и содержание тех общественных отношений и процессов, которые сопровождают деятельность судебной системы. Кроме того, принципы определяют круг ценностей и приоритетов, с учетом которых происходит функционирование и развитие указанной системы. Анализ перечня и содержания основных требований, на которых основывается (базируется) национальная судебная система страны, позволяет судить об уровне развития последней как демократического, правового государства. Отсюда вполне очевидно, что процесс формулирования и правового закрепления принципов организации и функционирования исследуемой системы имеет большое значение для утверждения в государстве и обществе основных социально-правовых ценностей. Считаю нужным отметить, что очень важно, чтобы официальному оформлению указанных принципов предшествовал процесс их глубокого научного изучения и обоснования, это необходимо для обеспечения максимально полного соответствия принципов с одной стороны, объективно существующим закономерностям общественного развития, а с другой – целям существования и функционирования судебной системы. Также следует заметить, что принципы хотя и имеют достаточно общий и стабильный характер, не являются неизменными постулатами и должны адаптироваться к соответствующим насущным проблемам и запросам общественной жизни.

Список использованной литературы:

1. Словник іншомовних слів. Укладачі: С.М. Морозов, Л.М. Шкарапута. Національний університет ім. Тараса Шевченка, Український мовно-інформаційний фонд НАН України. – «Наукова Думка», Київ, 2000. – 680 с.
2. Великий тлумачний словник сучасної української мови (з дод. і допов.) / Уклад. і голов. ред. В.Т. Бусел. – К; Ірпінь : ВТФ «Перун», 2005. – 1728 с.
3. Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. – СПб. : «Норинт, 2000». – 1536 с.
4. Новейший философский словарь / Сост. А.А. Грицанов. – Мн. : Изд. В.М. Скакун, 1998. – 896 с.
5. Політичний словник / За ред. В.К. Врублевського, А.В. Кудрицького, В.М. Мазура, А.В. Мяловицького. – Вид. 2-ге. – Київ : Головна редакція УРЕ, 1976. – 590 с.
6. Енциклопедичний словник з державного управління / уклад. : Ю.П. Сурмін, В.Д. Бакуменко, А.М. Михненко та ін. ; за ред. Ю.В. Ковбасюка, В.П. Трошинського, Ю.П. Сурміна. – К. : НАДУ, 2010. – 820 с.
7. Загальна теорія держави і права : [підручник для студентів юридичних спеціальностей вищих навчальних закладів] // М.В. Цвік, В.Д. Ткаченко, Л.Л. Богачова та ін. ; За ред. М.В. Цвіка, В.Д. Ткаченка, О.В. Петришина. – Харків : Право, 2002. – 432 с.
8. Юридична енциклопедія : В 6 т. / Редкол.: Ю.С. Шемшученко (відп. ред.) та ін. – К. : «Укр. Енцикл», т. 5 : П – С. – 2003. – 736 с.
9. Скакун О.Ф. Теорія держави і права : підручник / Пер. з рос. – Харків : Консум, 2001. – 656 с.
10. Адміністративне право України. Академічний курс : підруч. : У двох томах: Том 1. Загальна частина / Ред. колегія: В.Б. Авер'янов (голова). – К.: Видавництво «Юридична думка», 2004. – 584 с.
11. Малиновський В.Я. Державне управління : навчальний посібник. – Вид. 2-ге, доп. та перероб. – К. : Атіка, 2003. – 576 с.
12. Стеценко С.Г. Адміністративне право України : навчальний посібник. – К. : Атіка, 2008. – 624 с.
13. Конституція України від 28.06.1996 № 254к/96-ВР // Відомості Верховної Ради України (ВВР). – 1996. – № 30. – Ст. 141.

ТРАНЗИЦИЯ КАК СОЦИАЛЬНЫЙ ФЕНОМЕН

Лилия МАТВЕЕВА,

кандидат юридических наук, доцент,
профессор кафедры теории истории государства и права
Одесского государственного университета внутренних дел

Summary

Considers transition as a social phenomenon. Sociological theories of social transformation (theory of transformational structure, social change theory, including the idea of social and cultural trauma) are analysed. The author's definition of social transition and its features is given. Concludes that transition is not identical to social progress, it can be a regressive move.

Key words: transitiveness, transition, social transition, theory of transition.

Аннотация

Статья посвящена исследованию транзитуции как социального феномена. Рассматриваются социологические теории понимания сущности общественных преобразований (теория трансформационной структуры, теория социальных сдвигов, теория социальных изменений, включая идею социокультурной травмы). Дано авторское определение социальной транзитуции и ее признаков. Сделан вывод о том, что транзитуция не тождественна социальному прогрессу, она может означать и регрессивный переход.

Ключевые слова: транзитивность, транзитуция, социальная транзитуция, теория транзитуции.

Постановка проблемы. В современном общественном развитии можно выделить два уровня: низший – переход от традиционного общества к индустриальному, высший – переход от индустриального к информационному, а само общество в планетарном масштабе расценивается как переходное. Для информационного общества транзитуция, в том числе ускорение глобализации, модернизации и интернационализации во всех сферах жизни, является нормальным состоянием. Вместе с тем не стоит соотносить транзитивность только с качественным состоянием современного общества. Как представляется, все социумы, переживающие переход от одного этапа развития к другому, от одного типа общественной организации к другой, обладают рядом типичных признаков, которые в совокупности дают возможность вывести понятие социальной транзитуции.

Актуальность темы. Понятие социальной транзитуции (или транзита) является относительно новым в отечественной правовой науке, привнесенным из сферы социологии и политологии. В частности, в исследованиях о современных тенденциях развития национальной правовой системы этот термин практически не употребляется. В научной литературе вопросам транзитуции посвящены труды В. Агро-

нович, А. Геннепа, Л. Бальцеревича, О. Беляева, Т. Заславской, С. Катаева, Д. Марковича, Н. Паниной, В. Похлюка, Н. Смелзера, О. Прокофьевой, С. Сокола, Э. Чагдуровой, С. Штапенко, П. Штомки.

Целью статьи является исследование транзитуции как социального феномена и выявление ее характерных признаков.

Изложение основного материала. Термин «транзитивный» как научную категорию в начале XX в. впервые использовал голландский этнограф А. Геннеп в описании ритуалов перехода из одного состояния человека к другому в традиционном обществе (например, переход от детства к взрослому состоянию) [6]. Транзитивность на уровне человеческой жизни он понимал как стадийный обрядовый процесс, включающий:

– прелиминарный обряд отделения (разрыв связей с существующим положением вещей);

– лиминарное время – промежуток между двумя состояниями, старым и новым;

– постлиминарный обряд включения в систему связей нового для человека состояния [6, с. 15-16].

В дальнейшем становление этого термина и внимание к динамическим процессам в жизни человека обусловили появление в антропологии тран-

зитивной теории (теории транзиции) [27], согласно которой жизнь индивида может быть описана в терминологии более или менее ритуализированного перехода от одного состояния к другому, причем не только в традиционном, но и в современном обществе.

Таким образом, появление термина «транзиции» и тем более его приложение к общественным процессам является относительно новым фактом. Но это не означает отсутствие представлений о категории перехода в истории общественной, исторической и правовой мысли. Транзитивный этап в истории – это этап перехода, в котором новое состояние общества, культуры, экономики сохраняет наиболее значимые признаки предыдущего периода и в то же время начинает приобретать признаки следующего этапа, который еще не наступил [22, с. 24]. Отметим, что этапность/стадийность – это характеристики такого развития общества, которое предусматривает чередование периодов стабильности и периодов бурных изменений. Именно последние и являются периодами транзиции.

Понимание стадийности исторического развития, а, соответственно, и представления об общественной транзиции, хотя и научно слабо оформленные, были сформулированы в общественной и правовой мысли в эпоху Просвещения. Оно заменило циклическую парадигму исторического развития, свойственную античности (Поллибий) и теологическую парадигму, выработанную за время средневековья (Иоахим Флорский с его тремя периодами человеческой истории, соответствующие трем ипостасям Святой Троицы).

По мнению Никколо Макиавелли, который соединял в своем понимании исторического процесса циклическую парадигму и субъективизм, мир всегда остается одинаковым, в нем поровну плохого и хорошего, но зло и добро перекочевывают из государства в государство: «Разница заключалась лишь в том, что и сама доблесть, которая прежде находилась в Ассирии, переместилась в Мидию, затем в Персию, а с ней перешла в Италию и Рим» [11, с. 294]. В дальнейшем эта идея воплощения духа человечества у разных народов на разных этапах развития широко использовалась в различных форматах

деятелями просвещения и философами нового времени, в частности Г.Ф.В. Гегелем.

Впервые связь транзиции и правового развития проследил Джамбаттиста Вико в своей книге «Основы новой науки об общей природе наций» (1725). На первой стадии – в эпоху богов – нет государственности и юридических норм. Социальное регулирование носило внерациональный характер и осуществлялось по воле богов, о которой люди узнавали через оракулов. На второй стадии – в эпоху героев – появляется государство как инструмент господства аристократии, чему соответствует право грубой силы. На третьей стадии – в эпоху людей – государство ограничено правами и свободами человека, а законы мудро и гибко сочетают личные интересы с общественными [5, с. 377-380].

Преодоление циклического понимания исторического процесса было завершено в трудах деятелей Просвещения и классической философии XIX века. Основой и проявлением общественного прогресса в его линейно-стадиальном варианте выступали научные и технические открытия (И. Гердер), изменения в семейной и общественной организации (Ж. Ж. Руссо, Л. Морган), в экономических отношениях (К. Маркс).

Как представляется, особую роль в формировании теории транзиции сыграли идеи Анри Сен Симона. Именно он, во-первых, провел четкую границу между феодальным и индустриальным обществом, отдавая последнему роль основного двигателя социального прогресса. С его точки зрения, феодализм является господством милитаризованной касты правителей вместе с духовенством, тогда как индустриализм – это власть продуктивного класса («индустриалов»); для феодализма характерным является религиозный, для индустриализма – научный взгляд на мир. Главные цели обеих общественных форм разные: феодализм нацелен на завоевание, индустриализм – на производство и производительность. Во-вторых, он предсказал роль кризиса и революций в переходе от феодализма к индустриальному обществу. В-третьих, он указал на необходимость переходного периода между феодальным и индустриальным обществом

и решающую роль светской государственной власти в этом процессе: «По своей природе, – писал Сен Симон, – человек не может переходить от одной доктрины к другой непосредственно, без промежуточных ступеней. Этот закон с еще большей строгостью действует в применении к разным политическим системам, через которые человечество вынуждено проходить естественным ходом цивилизации. Таким образом, та же необходимость, которая создала в промышленности элементы новой светской власти, предназначенной заменить военную, а в позитивных науках – элементы новой духовной власти, призванной унаследовать теологическую, та же необходимость должна была развивать и привести в действие (прежде чем это изменение в состоянии общества стало давать сильно чувствовать себя) как светскую, так и духовную власть промежуточного, убудочного, переходного характера – власть, единственная роль которой заключалась в облегчении перехода от одной социальной системы к другой» [19, с. 40-41].

Идеи Сен Симона были развиты его великим учеником Огюстом Конттом, который создал теорию стадийного развития человечества, в котором стадии стабильности («замирания») чередуются со стадиями перехода к новому более прогрессивному состоянию общества. Конт пришел к выводу, что общественная жизнь человечества в период каждой исторической эпохи находится в прямой зависимости от тех способов и приемов, с помощью которых люди объясняют себе явления природы. «Господствующее мирозерцание кладет свою печать на все отрасли общественной жизни; когда изменяется мирозерцание, тогда и в общественной жизни происходят соответственные перемены; когда борются между собою два различные мирозерцания, тогда и общественная жизнь наполняется тревогами и волнениями; когда одно из борющихся мирозерцаний одерживает окончательную победу над другим, тогда и в общественной жизни водворяются спокойствие и единодушие. Так как мирозерцание есть ни что иное как сумма объяснений, относящихся ко всем различным явлениям природы, и так как эти объяснения проходят через три фазы, то

нетрудно сообразить, что те же самые три фазы могут быть отмечены и во всей исторической жизни человечества. Вся история распадается на три великих периода: теологический, метафизический и положительный. Каждый из этих периодов характеризуется господством соответствующего мирозерцания; при переходе из одного периода в другой изменяются понемногу, вместе с мирозерцанием, все идеи, учреждения, обычаи, нравы и вкусы» [16, с. 340-504].

И, наконец, для понимания субъектного состава транзитивных процессов имеет значение выработанная В. Парето теория циркуляции элит. По его мнению, общество находится в постоянном волнообразном развитии, в частности, в обществе, всегда действуют центробежные и центростремительные тенденции [15, с. 37]. Еще одна характеристика развития общества – борьба и смена элит, одна из которых связана с применением силы, а противоположная – с политическими комбинациями, направленными на достижение общественного согласия. Общественный порядок определяется волнами между этими двумя полюсами [15, с. 60].

Парето, в отличие от многих других социологов, отмечал наличие транзитивных характеристик, наряду с государством, и в праве. Цивилизованный народ не может существовать без законов, будь они писаными, закрепленными обычаями или установленными другим способом, законы необходимы, и любое состояние вещей рано или поздно приводит к своему теоретическому оформлению. Ситуация, когда действующий закон умирает, а новый еще не родился, является переходной и ведет к появлению новых правил [15, с. 56].

Таким образом, к началу XX века понятие общественного перехода в разнообразных его проявлениях (экономическом, идеологическом, социальном, политическом, культурном) было хорошо известно и широко использовалось в общественности, хотя правовое его измерение не рассматривалось и не исследовалось.

Методологическая продуктивность теории перехода прежде всего была оценена антропологической наукой, что и обусловило появление соответствующей терминологии именно в ее недрах. Несмотря на кажущееся чисто

антропологическое содержание понятия транзитивности, методология, предложенная А. Геннепом, впоследствии оказалась весьма плодотворной. Распространение термина «транзиция» (transition) на другие сферы научного познания, прежде всего, было реализовано социологами. Сегодня этот термин используется для описания динамики общества. Терминологический транзитивный ряд активно использовали для понимания сущности общественных преобразований Т. Заславская (теория трансформационной структуры) [7], Н. Смелзер (теория социальных сдвигов) [20], П. Штомпка (теория социальных изменений [24], включая идею социокультурной травмы) и другие ученые, прежде всего, из постсоциалистических стран.

Т. Заславская обращала внимание на то, что познание социального механизма трансформации общества актуально как в научном, так и в практическом отношении; с точки зрения как настоящего, так и будущего (ближайшего и отдаленного) в связи с выбором стратегии и тактики преобразований [7, с. 12]. Социальная трансформация, по ее мнению, – это радикальное и относительно быстрое изменение социальной природы и социетального типа общества [9, с. 4]. Подчеркнем, что трансформация исследована Т. Заславской в узком темпоральном и спатильном измерении: только относительно постсоциалистической России.

Развитие общей теории посткоммунистических трансформационных процессов, по мнению Т. Заславской, должно дать непротиворечивые аргументированные ответы на следующие вопросы: а) каким был исходный пункт трансформации, то есть что представляли собой социалистические общества? б) ответом на какие внешние и внутренние вызовы были социетальные преобразования, начавшиеся в конце 1980-х годов? в) через какие качественные этапы прошли трансформационные процессы в большинстве посткоммунистических стран? г) какие типы преобразовательных процессов – революции, перевороты, реформы, транзиции и, трансформации – имели место на разных этапах? д) какие социальные силы инициировали, развивали или тормозили социальные преобразования, и как менялось соотношение

этих сил? е) по каким объективным критериям можно сравнивать и оценивать результаты посткоммунистических трансформаций в различных обществах? ж) в какой мере результаты, достигнутые этими обществами, соответствуют вызовам, на которые призваны были ответить? [7, с. 23].

Выводы Т. Заславской относительно стадий и механизма трансформационных процессов, как представляется, могут быть использованы как методологические указания для рассмотрения транзиции как социального феномена вообще. Основным понятием социологической концепции Т. Заславской является социальный механизм трансформационного процесса – устойчивая система взаимодействий социальных акторов разных типов и уровней, способствующая фундаментальной смене общественного строя. Функционирование социальных механизмов регулируется, с одной стороны, соответствующими общественными институтами (формальными и неформальными правилами игры), а с другой, – социальным статусом и культурными особенностями акторов: органов управления, организаций, групп, индивидов (интересами и возможностями игроков) [8, с. 15]. Отметим, что Т. Заславская не выделяет право из числа институциональной характеристики трансформационных процессов, что не в последнюю очередь, очевидно, обусловлено признанной ею маргинальностью сферы права для исторической традиции России.

Для исследования обозначенной темы большое значение имеют работы Н. Паниной относительно социально-психологических характеристик переходного общества. По ее мнению, определяющей характеристикой постсоветского периода бытия украинского общества была аномия – состояние общества, характеризующееся распадом норм, регулирующих социальное взаимодействие. В свою очередь, аномия (отсутствие норм) – приводит к полной дезорганизации тех социальных институтов, нормы которых утратили свое регуляторное значение. Аномия как определенное состояние социальной организации характерна для любого переходного общества, но только в исключительных исторических обстоятельствах она достигает глобаль-

ных общественных масштабов, когда общество сознательно отказывается от основных идеологических принципов своей организации, не имея, по сути, новой, целостной, отработанной временем ценностно-нормативной системы [13, с. 48; 14, с. 7]. Отмечая важность проанализированной Н.В. Паниной привязки социальных изменений нормативно-ценностной системы, отметим, что с нашей точки зрения, «отработать» новую ценностно-нормативную систему в условиях господства старой системы невозможно, хотя не исключается ее формулирование (так внутри полуфеодального, полукapиталистического российского общества начала XX века была создана доктрина пролетарской революции и диктатуры пролетариата).

Если, по мнению Н. Паниной, социальной переход и сопровождающая его аномия являются отклонением от правил, от обычного пути развития общества, то Н. Смелзер изменение способа организации общества (социальный сдвиг) считает абсолютно нормальным явлением. «Изменения социальной организации является общим явлением, хотя они происходят различными темпами. Причины социальных изменений могут быть связаны с изменениями структуры населения, материальной среды (технологии, культуры, а также коллективного поведения) и с общественными движениями» [20, с. 450]. Важно подчеркнуть, что Н. Смелзер считает социальные сдвиги типичным, а не уникальным для общества явлением, не ограничивая их исключительно постсоциалистическими странами.

Социальные изменения в странах Центральной и Восточной Европы стали предметом исследования П. Штомпки. Он акцентирует внимание на рисках и социальной цене таких изменений. Резкие социальные изменения могут субъективно восприниматься как разрыв, травма, а новые элементы – как чуждые обычным практикам и ритуалам, ведь в сознании индивида и социума история общества существует как целостная структура. Анализ концептуализация в социологических теориях исторических изменений позволил польскому социологу выделить три типа доминирующих парадигм:

1) парадигма прогресса (XIX в.), согласно которой социальное развитие

во всех его аспектах оценивалось однозначно положительно;

2) парадигма кризиса (середина XX в.), возникающая под воздействием разложения идеи прогресса;

3) парадигма травмы (конец XX в.), согласно которой ставится вопрос о социальной цене прогресса и делается акцент на исследованиях негативных, дисфункциональных последствий социальных изменений [22, с. 6].

По мнению П. Штомпки, социокультурная травма является патологией социума, когда контекст человеческой жизни и социальных действий теряет гомогенность, согласованность и стабильность [22]. Травматические события вызывают разрушение привычного образа мышления и действий, изменяют, часто трагически, жизненный мир людей, их модели поведения и мышления. П. Штомпка выделяет примерный список социотравмирующих изменений различной величины и значимости: революция, государственный переворот, уличные бунты; крах рынка, кризис фондовой биржи; радикальная экономическая реформа (национализация, приватизация и т.п.), иностранная оккупация, колониальное завоевание; принудительная миграция или депортация; геноцид, истребление, массовые убийства; акты терроризма и насилия; религиозная реформация, новое религиозное пророчество; убийство президента, отставка высшего должностного лица; разоблачение коррупции, правительственный скандал; открытие секретных архивов и правды о прошлом; ревизия героических традиций нации; крах империи, проигранная война [25, с. 3-12].

Транзиция, как правило, охватывает все сферы общественной жизни, но наиболее радикально проявляется, как традиционно считают, в экономике и политике. Транзитивная экономика вслед Л. Бальцеровичу стала предметом многочисленных экономических исследований, в том числе и с позиций участия государства в ее регулировании [2; 17]. Автор отмечает, что «переходным» обычно называют период частичного или полного изменения институциональной системы страны, то есть набора ее внутренних институтов и механизмов человеческого взаимодействия, к которым относятся, в частности, рыночная (или плановая) эконо-

мика и выборы. «Институциональная система по определению включает, среди прочего, политическую и экономическую системы. Таким образом, можно выделить «политический» и «экономичный» переход («политические» и «экономические» преобразования). В большинстве стран Центральной и Восточной Европы, а также в большинстве постсоветских стран преобразования в обеих сферах имеют четкую направленность. Политические преобразования направлены на изменение роли и структуры государства, а также ее демократизацию. Под экономическими преобразованиями подразумевается переход от социалистической экономики (особой разновидностью нерыночной системы) к рынку, который сопровождается увеличением доли частного сектора в народном хозяйстве [2, с. 47-48].

Отечественный исследователь С. Штапенко отмечает, что термин «транзитивность» в современной социальной философии используется для характеристики феномена перехода бывших социалистических стран от тоталитарной политической системы, коммунистической идеологии и командно-административной экономики к демократической системе государственного устройства, гражданского общества и социально ориентированной рыночной экономике [23]. Транзитивность имеет как общие для всех этих стран черты, так и существенные различия. Общность обусловлена целями преобразований в общественно-политической, социально-экономической, духовно-культурной и социально-психологической сферах и общим характером их развития в предыдущий период. Отличия же стали следствием различных культурно-исторических традиций, этнических и ментальных особенностей; различных стратегий развития и их реализации; различной политической культуры и разной степени общественного согласия.

Профессор Белградского университета Дж. Маркович в статье «Противоречия транзиции постсоциалистических обществ» обращает внимание на то, что термин «транзиция» используется в отношении трех видов таких переходов. Во-первых, для определения общественных изменений с целью совершенствования

техничко-технологических основ труда и рыночной экономики в странах, где осуществляется демократизация политической системы без существенного изменения общественно-политического устройства. Во-вторых, понятие «транзиции» используется для указания изменений в некоторых государствах южной части Европы и Южной Америки. В-третьих, под транзицией понимают отказ от социалистической концепции развития центральноевропейских и восточноевропейских государств [12, с. 21].

В постсоветской политической и правовой литературе преимущественно используется термины «переходное общество», «транзитивное общество». Они используются политологами, социологами, культурологами, экономистами. Так, российская исследовательница О. Прокофьева в своем диссертационном исследовании акцентирует внимание на том, что понятие переходности вписывается в общую проблему исторического развития и позволяет проводить анализ переходного периода в развитии государства как в рамках одного и того же явления, так и в процессе перехода от одного явления к другому [18, с. 21].

Украинский ученый С. Сокол делает вывод о том, что категория «трансформация общества» позволяет более взвешенно охарактеризовать сущность процессов, происходящих в обществе. По его мнению, при таком подходе можно избежать, с одной стороны, чрезмерно катастрофических оценок современности, а с другой – безоглядно оптимистических прогнозов. Как отмечает этот автор, основное концептуальное положение трансформационного подхода заключается в том, что мы должны говорить не о «переходе», а о «трансформации», поскольку переход имеет ограниченные временные и пространственные рамки и рано или поздно должен закончиться, независимо от его результата [21, с. 19]. Другой украинский ученый С. Катаев считает, что термин «трансформация общества» позволяет комплексно охарактеризовать сущность процессов, происходящих в обществе [10, с. 2]. Российская исследовательница В.Б. Агронович считает наиболее целесообразным рассматривать транзитивное общество как переход-

ный период, когда общество от одного качественного состояния переходит к другому, в частности от общества тоталитарного (закрытого) к обществу открытого типа [1, с. 158]. На наш взгляд, такая оценка сужает общественное измерение транзитивности, поскольку транзиция может происходить и в обратном направлении: от открытого общества к закрытому (как пример, транзиция российского общества от умеренно авторитарно-консервативного до революции 1917 г. до закрытого в период господства коммунистического режима).

Транзиция – это стадийный процесс перехода общества от предыдущего состояния основных социальных институтов (экономика, политика, культура, психология, организация, идеология) к другому качественно отличному общественному состоянию. С разной степенью интенсивности, в том или ином виде транзицию переживают все общественные организации на протяжении всей истории человечества. Ее характеризуют такие признаки:

– *общие иницирующие причины*, а именно – несоответствие наличных социальных институтов базовой потребности общества в выживании и развитии, что в наиболее острых ситуациях находит выход в протестных акциях вплоть до революционных, в массовых миграционных движениях, войнах и т.п.;

– *трехстадийность в темпоральном измерении*, а именно: разрушение или деформация предыдущей социальной организации; промежуточное состояние, причудливо сочетающее старые и новые элементы социальных институтов (здесь общество приобретает характер транзитивного общества в узком смысле этого слова); утверждение системы обновленных и трансформированных социальных институтов;

– *изменение социальной структуры и индивидуальной идентичности*: рост социальной активности и социальной мобильности, изменения в социальной структуре, критериях идентификации личности;

– *трансформация (как позитивная, так и негативная) социальных институтов*, включая изменения в организации управления обществом: институционализация государства или его органов, изменение его статуса в

обществе, изменение способов взаимодействия государства с другими социальными институтами;

– *изменение системы ценностей и нормативного регулирования*: исторически, например, это формирование права и иных социальных регуляторов, а в современном мире – их изменение, а также изменение их соотношения (несомненно, что в современном обществе в результате длительных трансформационных процессов право заняло место главного социального регулятора).

Отметим, что наряду с общими признаками социальной транзиции в реальном историческом процессе общественного перехода решающую роль могут сыграть факультативные признаки, например, внешнее воздействие. Так, процесс деконструкции рабовладельческого общества в Римской империи был нарушен и деформирован варварскими нашествиями, в результате которых не состоялся переход Рима на более высокую ступень общественного развития. Таким образом, транзиция может завершиться как выходом общества на новый виток развития и приобретением нового качественного состояния, так и «соскальзыванием» на предыдущую ступень развития, и даже полным разрушением общественной организации.

Вывод. В заключение отметим, что транзиция как социальный феномен – это стадийный процесс перехода общества от предыдущего состояния основных социальных институтов (экономика, политика, культура, психология, организация, идеология) к другому качественно отличному общественному состоянию. Вопреки прогрессистскому представлению о социальной транзиции, характерному для большинства исследований, по нашему мнению, транзиция не тождественна социальному прогрессу, она может быть и регрессивной. В исследованиях социальной транзиции на примере постсоциалистических государств выявлен ряд ее признаков, прежде всего в системе экономических и политических институтов. Между тем транзиция в правовой сфере, ее соотношение с транзицией других социальных институтов, остается малоизученной, что продвигает продолжение исследования данной проблемы.

Список использованной литературы:

1. Агронович В.Б. Транзитивный период развития общества и качество образовательных процессов / В.Б. Агронович // Инженерное образование. – 2005. – № 3. – С. 158-163.
2. Бальцерович Л. Навстречу ограниченному государству / Лешек Бальцерович ; пер. с англ. – М. : Новое издательство, 2007. – 92 с.
3. Бальцерович Л. Социализм; Капитализм; Трансформация: Очерки на рубеже / Лешек Бальцерович ; пер. с польск. Н.И. Бухарина. – М. : Наука ; Изд-во УРАО, 1999. – 352 с.
4. Беляев О.О. Держава і перехідна економіка: механізм взаємодії : монографія / О.О. Беляев, А.С. Бебело, О.М. Комяков. – К. : КНЕУ, 2003. – 190 с.
5. Вико Дж. Основания новой науки об общей природе наций / Джамбаттиста Вико ; пер. с итал. А.А. Губера. – Киев-Москва : REFL-book, Ирис, 1994. – 637 с.
6. Геннеп А. Обряды перехода. Систематическое изучение обрядов / Арнольд ван Геннеп ; пер. с франц. – М. : Вост. лит., 1999. – 198 с. – (Этнографическая библиотека).
7. Заславская Т.И. Современное российское общество. Социальный механизм трансформации : учеб. пособие / Т.И. Заславская. – М. : Дело, 2004. – 400 с.
8. Заславская Т.И. Социальные трансформации в России / Т.И. Заславская, В.А. Ядов // Социологический журнал. – 2008. – № 4. – С. 8-22.
9. Заславская Т.И. Социокультурный аспект трансформации российского общества / Т.И. Заславская // Социологические исследования. – 2001. – № 8. – С. 3-11.
10. Катаев С.Л. Соціокультурна трансформація сучасного українського суспільства : автореф. дис... д-ра соціол. наук : спец. 22.00.01 – «Теорія та історія соціології» / С.Л. Катаев. – К., 1998. – 32 с.
11. Макиавелли Н. Рассуждения о первой декаде Тита Ливия // Н. Макиавелли. Государь. Рассуждения о первой декаде Тита Ливия. – Ростов н/Д : Изд-во «Феникс», 1998. – 576 с.
12. Маркович Д.Ж. Противоречия транзитивности постсоциалистических обществ / Д.Ж. Маркович // Социологические исследования. – 2006. – № 9. – С. 21-27.
13. Панина Н.В. Образ жизни и психологическое состояние населения Украины в условиях перехода от тоталитаризма к демократии / Н.В. Панина // Панина Н.В. Избранные труды по социологии : в 3 т. – К. : Факт, 2008. – Т. 2 : Теория, методы и результаты социологического исследования образа жизни, психологического состояния и социального самочувствия населения / [сост. и ред. Е.И. Головахи]. – 312 с.
14. Панина Н. Молодежь Украины: структура ценностей, социальное самочувствие и морально-психологическое состояние в условиях тотальной аномии / Н. Панина // Социология: теория, методы, маркетинг. – 2001. – № 1. – С. 5-26.
15. Парето В. Трансформация демократии / Вильфредо Парето ; пер. с итал. М. Юсима. – М. : Территория будущего, 2011. – 207 с. – (Серия «Университетская библиотека Александра Погорельского»).
16. Писарев Д.И. Исторические идеи Огюста Конта // Д.И. Писарев. Избранные статьи. – М. : Правда, 1989. – С. 340-504. – (Из истории отечественной философской мысли).
17. Похилюк В.В. Держава в транзитивній економіці: регулювання економіки, аналіз та стан економічної безпеки : монографія / В.В. Похилюк. – Полтава : Полтавський ун-т споживчої кооперації України, 2008. – 405 с.
18. Прокофьева О.В. Проблемы переходного государства: теоретический анализ : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : спец. 12.00.01 – «Теория и история права и государства; история правовых учений» / О.В. Прокофьева. – Казань, 2005. – 26 с.
19. Сен Симон А. О промышленной системе // Сен Симон. Избранные сочинения : в 2 т. / Анри Сен Симон ; пер. с франц. под ред. и с комментариями Л.С. Цейтлина, вступ. статья В.П. Волгина. – М.-Л. : Изд-во АН СССР, 1948. – Т. II. – С. 5-101.
20. Смелзер Н. Социология / Нейл Смелзер ; пер. с англ. – М. : Феникс, 1998. – 688 с.
21. Сокол С.М. Трансформація українського суспільства в контексті глобалізації: соціально-філософський аналіз : автореф. дис. ... канд. філос. наук : спец. 09.00.03 – «Соціальна філософія та філософія історії» / С.М. Сокол. – Л., 2004. – 22 с.
22. Чагдурова Э.Д. «Транзитивность» как объект философского осмысления / Э.Д. Чагдурова // Вестник Бурятского государственного университета. – 2014. – № 6-1. – С. 24-28.
23. Шпатенко С.А. Основні напрямки взаємодії транзитивних соціумів: соціально-філософський аналіз (на прикладі України і Таджикистану) : автореф. дис. ... канд. філос. наук : спец. 09.00.03 – «Соціальна філософія та філософія історії» / С.А. Шпатенко. – Х., 2008. – 19 с.
24. Штомпка П. Социальное изменение как травма / П. Штомпка // Социс. – 2001. – № 1. – С. 6-17.
25. Штомпка П. Культурная травма в посткоммунистическом обществе (статья вторая) / П. Штомпка // Социс. – 2001. – № 2. – С. 3-12.
26. Штомпка П. Социология социальных изменений / Петер Штомпка ; пер. с англ. под ред. В.А. Ядова. – М. : Аспект Пресс, 1996. – 416 с. – (Программа «Высшее образование»).
27. Draper J. Men's passage to fatherhood: an analysis of the contemporary relevance of transition theory / Janet Draper // Nursing Inquiry. – 2003. – 10(1). – Pp. 66-78.

«ЦЕНА» ЛАТЕНТНЫХ ИЗНАСИЛОВАНИЙ

Яна НАВАЛЯНАЯ,
аспирант

Научно-исследовательского института изучения проблем преступности имени академика В.В. Сташиса

Summary

In this article damage caused by latent rape are divided into three main blocks: the damage to the victims of this crime, the damage to the state and to the detriment of society. The damage caused to the victims includes material and moral damage. The detriment of the country include state expenditures on the fight against crime, the cost of financing health care, social services, as well as undermining the authority of the state in connection with the failure to provide the basic constitutional rights of citizens. For society, one of the main negative consequences is the existence of condition insecurity in the society due to the inability to provide social security and public safety.

Key words: cost of latent rapes, direct damage, indirect damage, moral damage, material damage.

Аннотация

В статье вред, причиняемый латентными изнасилованиями, предлагается разделять на три основных блока: вред для жертв этого преступления, вред для государства и вред для общества. Ущерб, причиненный потерпевшим, включает в себя материальный и моральный вред. К ущербу для государства относим расходы государства на борьбу с преступностью, расходы на финансирование медицинских учреждений, социальных служб, а также подрыв авторитета государства в связи с неспособностью обеспечить базовые конституционные права граждан. Для общества одним из основных негативных последствий является существование состояния незащищенности внутри общества в связи с невозможностью обеспечения социальной и общественной безопасности.

Ключевые слова: цена латентных изнасилований, прямой вред, косвенный вред, моральный ущерб, материальный ущерб.

Постановка проблемы. Определение цены преступности и отдельных преступлений становится все более важным инструментом для принятия решений, связанных с преступностью и ее влиянием на общество. Оценка цены отдельных преступлений может помочь государству достичь наиболее эффективного воздействия на преступность, учитывая которые, именно преступления наносят большее количество вреда, а не только количество самих преступлений.

Актуальность темы. В настоящее время проблема исследования латентных изнасилований в целом и их цены в частности является актуальной, что и вызывает большой интерес в обществе.

Вопрос цены преступности не получил достаточного внимания со стороны отечественных ученых. Отдельные аспекты цены преступности рассматривали такие российские ученые, как М.М. Бабаев, В.Е. Квашиш, В.В. Лунеев, В.С. Овчинский и другие. Что касается вопроса цены латентных изнасилований, то он ранее не был рассмотрен отечественными криминологами.

Целью и задачей статьи является анализ тех негативных последствий, которые причиняются латентными изнасилованиями жертвам этих преступлений, государству и обществу.

Изложение основного материала. Определим цену преступности как совокупный ущерб, нанесенный все-

ми преступлениями на определенной территории за определенный промежуток времени. Этот совокупный ущерб можно разделить на прямой и косвенный. К прямому ущербу принадлежат непосредственные убытки, причиненные преступлениями. К косвенному – расходы государственных правоохранительных органов, которые в рамках своей компетенции обеспечивают борьбу с преступностью, расходы на содержание этих органов, расходы, связанные с расследованием и рассмотрением уголовных производств, стоимостное выражение негативных социальных последствий преступности (наносимых социальным институтам, ценностям, отношениям).

Ущерб также разделяем на материальный и нематериальный (личного характера). Материальный ущерб имеет стоимость, в то время как нематериальный ущерб невозможно определить в денежном эквиваленте (сюда относим моральный и психологический ущерб, оскорбление чести и достоинства, потерю социальных связей, отчуждение от окружающего мира, общества и др.). В Постановлении Пленума Верховного Суда Украины «О судебной практике по делам о возмещении морального (неимущественного) ущерба» под моральным ущербом предлагается понимать «потери неимущественного характера вследствие моральных или физических страданий или других негативных

явлений, причиненных физическому или юридическому лицу незаконными действиями или бездействием других лиц», и состоит в унижении чести, достоинства, престижа или деловой репутации, моральных переживаниях в связи с повреждением здоровья, в нарушении нормальных жизненных связей из-за невозможности продолжения активной общественной жизни, нарушении отношений с окружающими людьми, при наступлении других негативных последствий [1, с. 101].

Каким является ущерб, причиненный латентными изнасилованиями? Это, оказывается, слишком острый и сложный вопрос. Как можно измерить человеческие страдания и боль? Как возместить чувство страха? Насколько более продуктивным было бы наше общество, если бы не влияние этого преступления?

Предлагаем условно разделить ущерб от латентных изнасилований на три основных блока: вред для жертв этого преступления, вред для государства и вред для общества. Целесообразным представляется рассмотреть в первую очередь «цену» латентных изнасилований непосредственно для жертв данного вида преступлений. Расходами потерпевшего, или так называемыми затратами виктимизации, является ущерб, причиненный потерпевшему от преступлений, они включают в себя причинение материального и мораль-

ного вреда. Материальным ущербом является такой, который легко перевести в денежное измерение, например стоимость предоставления первичной медицинской помощи и медицинских услуг (включая стоимость медикаментов, стоимость услуг врачей, оперативного вмешательства, если это необходимо, стоимость медицинской реабилитации и восстановления), стоимость имущества, которое в результате совершения преступления пришло в негодность (порванная одежда, белье, сломанные или потерянные украшения, мобильные телефоны и др.), выплаты по больничным листам по временной потере трудоспособности, потерянный доход, выплаты по страхованию жизни и здоровья, стоимость оказания психологической помощи и прочее. К нематериальным расходам относим моральные и физические страдания, потерю психического здоровья, стрессовые расстройства, заражение болезнями, передающимися половым путем, снижение качества жизни (отчуждение от окружающего мира, недоверие к людям, невозможность выполнять привычные социальные роли, потеря социальных связей), которые могут возникнуть для жертвы преступления и которые, как правило, очень трудно измерить финансово.

В докладе Совета Белого дома по делам женщин и девушек 2014 года отмечается, что одна из пяти женщин в США (или около 22 млн человек) и один из семидесяти одного мужчины (почти 1,6 млн) хоть раз за свою жизнь пережили изнасилование. При этом расходы за каждое изнасилование колеблются по разным данным в диапазоне от 87 тыс. долларов до 240 776 долларов [2, с. 2]. Всего, по подсчетам Национального института юстиции (NIJ) в 1996 г., изнасилования вызывают ежегодные минимальные расходы 127 млрд долларов, или около 508 долларов за каждого жителя США. В эту сумму входят материальные расходы (такие как: первичное реагирование полиции, медицинская помощь, психологическая помощь, материальный ущерб, потеря производительности труда) и нематериальные затраты (потеря качества жизни, боль и страдания). Указанная сумма не включает расходы на расследование, уголовное преследование, а также лишение свободы преступников. Данная цифра делает

изнасилования дорогим преступлением, даже дороже убийства [3, с. 6]. Предполагаем, что каждый последующий год ежегодные минимальные расходы только увеличивались. В Великобритании всякое изнасилования взрослого оценивается более чем 96 тыс. фунтов стерлингов. Эта сумма включает физическое и психологическое воздействие на жертв, потери экономического производства в результате выздоровления, расходы на лечение, а также расходы, понесенные в системе уголовного правосудия [4, с. 8].

Первое, с чем сталкиваются жертвы этого вида преступления, это нанесенный им физический вред. Непосредственные последствия изнасилования включают причинение телесных повреждений, травм половых органов, заболевания, передающиеся половым путем, а в некоторых случаях нежелательная беременность. Выводы о характере причиненного физического вреда предлагаем сделать по результатам выборочного обобщения судебной практики. По результатам нашего исследования уголовных дел 68,9% потерпевшим от изнасилования были причинены легкие телесные повреждения; 4,7% – легкие телесные повреждения, повлекшие кратковременное расстройство здоровья; 1,9% – тяжкие телесные повреждения; 0,9% – тяжкие телесные повреждения, повлекшие смерть потерпевшей; 0,9% – смерть потерпевшей; 22,6% – не причинено телесных повреждений. По сравнению с периодом до нападения, посещение жертвой врачей повышается на 18% в год совершения преступления, 56% в следующем году и 31% во второй год после нападения (Koss, 1993) [5, с. 69]. Средние расходы на медицинское обслуживание жертв изнасилования за один год в среднем на 89 – 239 долларов выше, чем у обычных граждан (Koss, 1991) [6, с. 343]. В 1998 году Министерством юстиции США было подсчитано, что женщины, которые стали жертвами сексуального насилия понесли в среднем за год 61 млн долларов расходов на медицинскую помощь [7, с. 10]. Отдел исследований Объединение против сексуального насилия обнаружил, что в течение года были получены 6 869 вызовов от жертв сексуального насилия в горячим линиям городов, в то время как только 841

пострадавший обратились в больницу [3, с. 14]. Не менее важными, и в большинстве случаев «более дорогостоящими», оказываются психологические последствия латентных изнасилований. Наши исследования показали, что в результате рассмотрения дела судом только 4% пострадавших был возмещен материальный ущерб (в размере от 1650 грн до 4000 грн) и лишь 8,8% пострадавших – моральный ущерб (из них 0,8% потерпевших возмещено 5000 грн, 0,8% – 10000 грн, 2,4% – 15000 грн, 0,8% – 25000 грн, 0,8% – 50000 грн, 0,8% – 60 000 грн, 1,6% – 70000 грн, 0,8% – 150 000 грн).

Основными психологическими последствиями изнасилования для жертвы могут быть посттравматическое стрессовое расстройство и синдром травмы изнасилования. Посттравматическое стрессовое расстройство возникает как эмоциональная и психологическая реакция на стрессовое событие или ситуацию (кратковременную или длительную) исключительно угрожающего или катастрофического характера. Выделяют четыре основных признака посттравматического стрессового расстройства для переживших изнасилование: повторное переживание травмы (у жертв могут возникнуть неконтролируемые навязчивые мысли об изнасиловании); социальная самоизоляция; избегание поведения (общая тенденция, чтобы не допустить каких-либо мыслей, чувств, которые могли бы привести к воспоминаниям о наиболее катастрофических и травмирующих психологических элементах изнасилования); раздражительность, враждебность, гнев и злость [8, с. 334-337].

Посттравматический синдром изнасилования – особый случай посттравматического стрессового расстройства, при котором жертва насилия страдает из-за симптомов, вызванных пережитым сексуальным насилием в отношении нее. Симптомами этого расстройства являются: переживание травмы через неприятные воспоминания, сны, навязчивые действия и чувства как будто бы событие повторяется; постоянное избегание стимулов, которые напоминают об изнасиловании; психогенная амнезия (вытеснение из памяти частично события изнасилования); уменьшение интереса к определенным видам деятельности, которые суще-

ствовавали до совершения преступления; дезадаптация в социальной, профессиональной и других сферах деятельности; раздражительность, вспышки гнева, проблемы с концентрацией внимания, гиперактивность и неадекватное реагирование.

Только 10% жертв насилия не проявляют никакого нарушения своего поведения после нападения, в то время как поведение 55% пострадавших существенно меняется, а жизнь 35% жертв сопровождается серьезной дезадаптацией. Через несколько месяцев после совершения преступления 45% женщин каким-то образом способны адаптироваться к жизни, а 55% жертв все еще подвергаются длительному воздействию травмы. Более 75% жертв изнасилования проявляют определенный уровень посттравматического синдрома изнасилования после сексуального насилия [9, с. 32]. Около 25-50% жертв изнасилования в США обращаются за помощью к психологам и психиатрам. Ежегодные расходы на восстановление психического здоровья пострадавших от изнасилования или покушения на изнасилование составляют 863 млн долларов [10, с. 11].

Общим для тех, кто пережил сексуальное насилие, является самообвинение (чувство вины и стыда). Из-за ложных представлений об изнасиловании некоторые жертвы обвиняют себя, сомневаются в собственной невиновности или чувствуют себя в какой-то степени ответственными за нападение. Чувство вины и самообвинения могут усиливаться реакцией окружения, которое, из-за распространения мифов об изнасиловании, может обвинять жертву или критиковать ее поведение. Вторым типом самообвинения является стыд. Он более вреден, поскольку сложнее обнаруживается. Некоторые жертвы чувствуют себя «грязными» и униженными в результате сексуального насилия. Все это приводит к чувству бессилия и беспомощности жертвы в дальнейшей жизни, во всех ее сферах и существенно влияет на качество жизни потерпевшего. Значительные негативные последствия латентных изнасилований сосредоточиваются в разных аспектах жизни, в том числе трудовой жизни, семейной жизни, самооценке, сексуальном функционировании, романтических отношениях.

Важным следствием является также вероятность повторной виктимизации. Картина повторной виктимизации в целом является следующей: треть женщин, которые были изнасилованы в несовершеннолетнем возрасте (35,2%) были изнасилованы повторно во взрослом возрасте [11, с. 26]. Многочисленные исследования в области детской и подростковой психологии и психиатрии убедительно свидетельствуют о том, что психологические травмы детства влияют на всю дальнейшую жизнь человека, формирование его характера, психическое и физическое здоровье, адаптацию в обществе.

Следующей составляющей «цены» латентных изнасилований является ущерб, причиненный государству в связи с существованием этого вида преступности. Сюда относим расходы государства на борьбу с преступностью, расходы на финансирование медицинских учреждений, социальных служб, а также подрыв авторитета государства в связи с неспособностью обеспечить базовые конституционные права граждан.

Конституция Украины в статье 3 определяет человека, его жизнь и здоровье, честь и достоинство, неприкосновенность и безопасность высочайшей социальной ценностью. Одним из важнейших конституционных прав человека является право на свободу и личную неприкосновенность, предусмотренное статьей 29 Конституции Украины, среди своих составляющих содержит и право на половую свободу и половую неприкосновенность личности [12]. В связи с количеством половых преступлений и тем фактом, что они вообще существуют, мы видим, что государство не в состоянии в полном объеме обеспечить базовые конституционные права своих граждан на половую свободу и половую неприкосновенность. Тем самым одним из последствий этого вида преступлений является то, что подрывается авторитет государства.

Ежегодно государство тратит огромные суммы на финансирование системы правоохранительных органов. В 2014 году в Украине только на финансирование Министерства внутренних дел Украины из государственного бюджета было выде-

лено 16554079,6 тыс. грн. Из них 10529888,6 тыс. грн – на обеспечение защиты прав и свобод граждан, общества и государства от противоправных посягательств, охрану общественного порядка и противодействия незаконной миграции. На деятельность Государственной судебной администрации было потрачено 3646340,8 тыс. грн, Генеральной прокуратуры Украины 3200529,2 тыс. грн, Государственной пенитенциарной службы Украины 2837133,4 тыс. грн. Расходы госбюджета на оказание медицинских услуг медицинскими учреждениями составили 355252,7 тыс. грн, на финансирование Государственной службы Украины по вопросам противодействия ВИЧ-инфекции/СПИДа и других социально опасных заболеваний потрачено 3220,0 тыс. грн, А Министерства социальной политики Украины 610630, 1 тыс. грн [13]. В.Е. Квашиш отмечает, что эти расходы постоянно растут, но при этом напрямую не зависят и не коррелируются ни с ростом преступности, ни с эффективностью борьбы с ней [14].

Для общества одним из негативных последствий является существование состояния незащищенности внутри общества в связи с невозможностью обеспечения социальной и общественной безопасности. В начале 2000-х годов британские ученые разработали методику оценки косвенных убытков от преступлений, вызванных страхом преступности (fear of crime). Они классифицировали эти негативные последствия от страха преступности на убытки без ущерба для здоровья и убытки с потерями для здоровья. Потеря качества жизни в связи с существованием этого феномена влияет на большое количество людей. Опросы общественности по качеству жизни в Великобритании в 2001 году показало, что 24% респондентов считают преступность важным фактором, который влияет на качество жизни, сделав его третьим после денег и здоровья [15, с. 124]. Попытки оценить нематериальные затраты, понесенные обществом сталкиваются с рядом практических и теоретических препятствий, поскольку не существует соответствующих точных данных. Когда люди чувствуют отсутствие (потерю) свободы, они не могут оценить значение этого, потому что

полностью адаптированы к ее отсутствию и не знали ничего, кроме ограничения в свободе. Тем не менее по-прежнему можно утверждать, что их благосостояние от этого уменьшается.

Как справедливо отмечает Б.Н. Головкин, сам факт существования латентной корыстной насильственной преступности нарушает основы социальной справедливости, нивелирует принцип неотвратимости наказания действительных преступных элементов, препятствует возмещению материального ущерба и морального вреда [16, с. 87].

Большой вред испытывают социальные институты, в частности социальный институт семьи. У женщин, переживших изнасилование, наблюдается нарушение нормальных жизненных связей – определенная часть из них не может полностью адаптироваться к социальной жизни и выполнять предназначенные женщине социальные роли: наладить отношения с мужчинами, личную жизнь, создать семью, родить детей. Рост количества сирот, семей социального риска, подростковой беременности – все это последствия существования рассматриваемого преступления. В описании беспрецедентного роста семей без отца в Америке David Popenoe, известный американский социолог, отмечает, что этот феномен является одним из самых ярких тенденций в обществе за последние годы. По его расчетам, один из четырех детей в Америке растет без отца [17]. Еще одним социальным последствием совершения данного вида преступления является существование детей-сирот и детей, лишенных родительской опеки, хотя по данным статистики в Украине ежегодно их численность снижается. Так, Государственная служба статистики Украины предоставляет следующие данные: за 2011 год количество детей-сирот и детей, лишенных родительской опеки, составляла 95956 человек, за 2012 год – 92 865, за 2013 год – 90 772, а в 2014 году – 83716 детей (без учета временно оккупированной территории Автономной Республики Крым и Севастополя) [18].

Изнасилование, несомненно, является фактором увеличения случаев подростковой беременности вне брака в течение последних тридцати лет.

В США около одного миллиона девушек в возрасте от 15 до 19 лет беременеют ежегодно. Около одной трети этих подростков прерывают беременность, в 14% случаев беременность заканчивается выкидышем, а 52% (или более полумиллиона подростков) рожают детей, из них 72% рожают вне брака [19]. Хотя проблему подростковой беременности следует измерять не только с финансовой точки зрения, важно отметить огромные расходы для общества с точки зрения социальных выплат матерям-подросткам. Доклады, опубликованные Robin Hood Foundation, обнаружили, что рождение ребенка подростком обходится в США налогоплательщикам примерно 6,9 млрд долларов в год [20, с. 19].

Выводы. Итак, на основании вышеизложенного приходим к следующим выводам. Ущерб, причиненный латентными изнасилованиями, условно разделяется на три основных блока: вред для жертв этого преступления, вред для государства и вред для общества. Расходами потерпевшего, или так называемыми затратами виктимизации, является ущерб, причиненный потерпевшему от преступлений, они включают в себя причинение материального и морального вреда. К ущербу, причиненному государству, относят расходы государства на борьбу с преступностью, расходы на финансирование медицинских учреждений, социальных служб, а также подрыв авторитета государства в связи с неспособностью обеспечить базовые конституционные права граждан. Для общества одним из основных негативных последствий является существование состояния незащищенности внутри общества в связи с невозможностью обеспечения социальной и общественной безопасности. Конечно, приведенные негативные последствия для жертв, государства и общества являются далеко не всем злом, наносимым латентными изнасилованиями. Однако приведенные последствия обязательно нужно учитывать при определении стратегий борьбы с этим видом преступлений, создании новых и улучшении существующих социальных программ, распределении финансовых ресурсов для борьбы с преступностью в целом и борьбы с изнасилованиями в частности.

Список использованной литературы:

1. Постанова Пленуму Верховного Суду України «Про судову практику в справах про відшкодування моральної (немайнової) шкоди» від 31 березня 1995 р. № 4 // Постанови Пленуму Верховного Суду України у цивільних справах. – К. : Видавничий дім «Скіф», 2005. – С. 100-109.
2. Rape and sexual assault: A renewed call to action, White House Council on Women and Girls, Washington, DC: White House Council on Women and Girls & Office of the Vice President, January 2014, Retrieved 10 June 2014, pp. 1-38.
3. Miller T. R., Cohen M. A., Wiersema B. (1996.) US Department of Justice, Victim Costs and Consequences: A New Look. Available at: <https://www.whitehouse.gov>.
4. HM Government, 2011b. The Government Response to the Stern Review: An independent review into how rape complaints are handled by public authorities in England and Wales, London: UK Home Office. Available at: <https://www.gov.uk>.
5. Koss, Mary P. (1993.) The Impact of Crime Victimization on Women's Medical Use. Journal of Women's Health, 2, 1, pp. 67-72.
6. Koss, Mary P. (1991.) Deleterious Effects of Criminal Victimization on Women's Health and Medical Utilization. Archives of Internal Medicine, Vol. 151, pp. 342-347.
7. Greenfield, Lawrence A., et al. (1998.) Violence by Intimates: Analysis of Data on Crimes by Current or Former Spouses, Boyfriends and Girlfriends. U.S. Department of Justice, Office of Justice Programs, Bureau of Justice Statistics. Available at: <http://bjs.gov/content/pub/pdf/vi.pdf>.
8. Hensley, L.G. (2002). Treatment of survivors of rape: Issue and interventions. Journal of Mental Health Counseling, 24, 330-347 (hereafter Hensley, «Treatment of survivors»).
9. Невярович Н.Е. Процессуальная психотерапия женщин-жертв сексуального насилия : дис. ... канд. психол. наук : 19.00.04. – СПб., 2004. – 186 с.
10. Miller, Ted R., et al. (1996.) Victim Costs and Consequences: A New Look. Washington, DC: U.S. Department

of Justice, Office of Justice Programs, National Institute of Justice. Available at: <https://www.ncjrs.gov/pdffiles/victcost.pdf>.

11. The National Intimate Partner and Sexual Violence Survey: 2010. Michele C. Black, Kathleen C. Basile, Matthew J. Breiding, Sharon G. Smith Mikel L. Walters, Melissa T. Merrick Jieru Chen and Mark R. Stevens. November 2011. Atlanta, Georgia. 124 p.

12. Конституція України від 28 червня 1996 року // Відомості Верховної Ради. – 1996. – № 30.

13. Про Державний бюджет України на 2014 рік : Закон України від 16 січня 2014 р. № 719-VII [Електронний ресурс]. – Режим доступу : <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/719-18>.

14. Квашин В.Е. «Цена» преступности как криминологическая проблема // Уголовное право. – 2008. – № 6. – С. 94-102.

15. Dolan P. and Peasgood T. Estimating the economic and social costs of the fear of crime // British Journal of Criminology, Vol. 47, 2007, pp. 121-132.

16. Головкін Б.М. Соціальні наслідки корисливої насильницької злочинності в Україні / Головкін Б.М. // Право і суспільство. – 2009. – № 2. – С. 81-88.

17. David Popenoe, Life Without Father: Compelling New Evidence that Fatherhood and Marriage Are Indispensable for the Good of Children and Society (New York: The Free Press, 1996). Available at: <http://www.hausvater.org/book-reviews/189-fatherhood-and-marriage-for-children-and-society.html>.

18. Державна служба статистики України. Чисельність дітей, усиновлених протягом року (2000–2014pp.) (<http://www.ukrstat.gov.ua>).

19. Rebecca Maynard ed. «Kids Having Kids: A Robin Hood Foundation Special Report on the Costs of Adolescent Childbearing.» The Robin Hood Foundation, New York, 1996. Available at: <http://www.uvm.edu/~nnfrvm/robnhood.html>.

20. Rebecca Maynard ed. «Kids Having Kids: A Robin Hood Foundation Special Report on the Costs of Adolescent Childbearing.» The Robin Hood Foundation, New York, 1996, pp. 18-20.

СИСТЕМА СОЦИАЛЬНО-ВОСПИТАТЕЛЬНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ, ПРИМЕНЯЕМЫХ К ОСУЖДЕННЫМ И ЛИЦАМ, ВЗЯТЫМ ПОД СТРАЖУ: ПРОБЛЕМЫ СОЗДАНИЯ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРОЦЕДУР

Виталий ОШОВСКИЙ,
соискатель

Межрегиональной Академии управления персоналом

Summary

The article deals with the problem of the formation of administrative procedures of organizing social and educational measures applied to convicts and persons taken into custody. On the basis of the analysis of current legislation and following the consideration of practical experience, the author suggests ideas to improve the regulatory framework and direction for improvement of activity of the institutions of the penitentiary system of Ukraine. Of the utmost importance are: the elimination of legal collisions; amendments to the existing legislation; improvement of institutional control of the central office and regional offices of the Penitentiary Service of Ukraine; reduction and elimination of unnecessary administrative units; improvement of the organization of specialists' training and retraining, improvement of professional training of employees interacting services; initiating the establishment of appropriate administrative procedures.

Key words: social and educational measures, social and psychological services, sports and recreational activities, education, use of literature and movies.

Аннотация

В статье рассмотрена проблема создания административных процедур по организации социально-воспитательных мероприятий, применяемых к осужденным и лицам, взятым под стражу. На основании анализа действующего законодательства и по итогам рассмотрения практического опыта автором предложены как идеи усовершенствования нормативно-правовой базы, так и направления улучшения практической деятельности учреждений пенитенциарной системы Украины. При этом первостепенным является: устранение правовых коллизий; внесение дополнений в действующее законодательство; совершенствование ведомственного контроля центрального аппарата и региональных управлений пенитенциарной службы Украины; сокращение и ликвидация лишних управленческих звеньев; улучшение организации подготовки работников и переподготовки специалистов, повышения профессиональной подготовки работников взаимодействующих служб; инициирование создания соответствующих административных процедур.

Ключевые слова: социально-воспитательные мероприятия, социально-психологическая служба, физкультурно-оздоровительные мероприятия, получение образования, пользование литературой, просмотр фильмов.

Постановка проблемы. Проблема исправления и дальнейшей ресоциализации осужденных и лиц, взятых под стражу, является важнейшим заданием пенитенциарной системы любого государства. Ресоциализация заключенного берет свое начало с социально-воспитательных мероприятий, проводимых в учреждениях пенитенциарной системы, начиная с СИЗО и заканчивая учреждениями исполнения наказаний. Важно создать и адаптировать систему административных процедур, которая бы обеспечивала надлежащие условия проведения социально-воспитательных мероприятий.

Состояние исследования. Озвученная проблема исследовалась с позиции уголовного, уголовно-исполнительного права, пенитенциарной педагогики и психологии в работах известных отечественных и зарубежных ученых, в том числе Л.В. Багрий-Шахматова, И.Г. Богатырева, В.В. Василевича, В.Г. Деева, И.В. Каретникова, А.В. Кирилюка, В.В. Коваленко, П.П. Козлова, Т.В. Кушнировой, Д.И. Никифорчука, Ю.В. Никитина, В.А. Носенко, Л.О. Стрелкова, И.В. Саженкова, Г.С. Саркисова, В.П. Севостьянова, С.В. Царюка и других исследователей.

Цель исследования. Основываясь на анализе системы социально-воспитательных мероприятий, применяемых к осужденным и лицам, взятым под стражу, и исходя из реалий ее применения, выявить недостатки существующей системы и предложить пути их устранения. В основе такого рода предложений должна быть идея создания административных процедур.

Методы и использованные материалы. В процессе исследования применены как эмпирические, так и теоретические методы научного познания. Материальной основой исследования послужили нормативно-правовые акты, регулирующие деятельность Государственной пенитенциарной службы Украины.

Изложение основного материала. В соответствии с законодательством Украины, (статья 6 Уголовно-исполнительного кодекса Украины (далее – УИК)), «исправление осужденного – это процесс положительных изменений, которые происходят в его личности и создают у него готовность к самоуправляемому правопослушному поведению; ресоциализация – это сознательное восстановление осужденного в социальном статусе полноправного члена общества, возвращение его к самостоятельной общепринятой социально-нормативной жизни в обществе. Основными средствами исправления и ресоциализации осужденных является установленный порядок исполнения и отбывания наказания (режим), общественно-полезный труд, социально-воспитательная работа, общеобразовательное и профессионально-техническое обучение, общественное влияние» [1, с. 4].

К сожалению, на практике, проблемам социально-воспитательной работы с осужденными в Государственной уголовно-исполнительной службе Украины (далее – ГУИС Украины) уделяется недостаточно внимания, по сравнению с подразделениями оперативно-режимного характера. Для этого есть как объективные, так и субъективные причины. В этой связи обосновано, что одним из главных направлений в реформировании ГУИС Украины, учитывая успешный опыт пенитенциарных систем развитых стран мира, является переориентация с оперативно-режимной работы (никто не призывает от нее отказываться, ее нужно только оптимизировать)

на социально-воспитательную. Это – концептуальное стратегическое направление, которое должно основываться на создании и внедрении системы административных процедур, которые, в свою очередь, будут способствовать большей степени унификации такого рода мероприятий.

Законодательное закрепление социально-воспитательной работы, как одного из основных средств исправления и ресоциализации осужденных, содержится в ч. 3 ст. 6 УИК Украины и подробно регламентировано гл. 19 УИК Украины, рр. 24-25 Правил внутреннего распорядка (далее – ПВР) ПВР УИН, р. 8 ПВР СИЗО, а также рядом других подзаконных нормативно-правовых документов [3-5]. В соответствии с ч. 1 ст. 123 УИК Украины, социально-воспитательная работа – целенаправленная деятельность персонала органов и учреждений исполнения наказаний и других социальных институтов для достижения цели исправления и ресоциализации осужденных. Социально-воспитательная работа направлена на формирование и закрепление у осужденных стремления к занятию общественно полезной деятельностью, добросовестного отношения к труду, соблюдение требований законов и других принятых в обществе правил поведения, повышение их общеобразовательного и культурного уровней [1, с. 72].

Основными ее направлениями, в соответствии с ч. 1 ст. 124 УИК Украины, признаются нравственное, правовое, трудовое, эстетическое, физическое, санитарно-гигиеническое воспитание осужденных, а также другие его виды, способствующие становлению их на жизненную позицию, соответствующую правовым нормам и требованиям общественно полезной деятельности. В ч. 2 ст. 124 УИК Украины закреплены формы социально-воспитательной работы. Критерием законодательной классификации является объект воздействия, а именно – осужденный. Согласно этой классификации, формы социально-воспитательной работы делятся на три группы: индивидуальные (объект – отдельная личность), групповые (объект – отделение осужденных), массовые (объект – осужденные всей колонии). Такого рода классификация может и должна быть использована для построения системы администра-

тивных процедур в деятельности Государственной пенитенциарной службы Украины, под которыми необходимо понимать урегулированный нормами законодательных и подзаконных нормативно-правовых актов порядок осуществления тех или иных управленческих процедур, целью которых является обеспечение прав, свобод и законных интересов человека и гражданина, а также упорядочения деятельности органов и учреждений исполнения наказаний.

Характер социально-воспитательной работы зависит от вида УИН и уровня безопасности. В отдельно взятом участке УИН формы и методы социально-воспитательной работы конкретизируются с учетом личности осужденного, тяжести совершенного преступления и других обстоятельств, имеющих существенное значение для исправления и ресоциализации объектов социально-воспитательного воздействия.

В соответствии с р.24 ПВР УИН «воспитательные мероприятия с осужденными проводятся на основании программ дифференцированного воспитательного воздействия в установленный распорядком дня время в рамках УИН и направлены на формирование и закрепление у осужденных стремления к занятию общественно полезной деятельностью, добросовестного отношения к труду, соблюдение требований законодательства и принятых в обществе правил поведения, повышение их общеобразовательного и культурного уровней» [2]. По нашему глубокому убеждению, данное направление работы требует значительной модернизации и ухода от формального заполнения бланков. Проводить совместные мероприятия с участием осужденных из разных УИН не допускается.

В УИН проводится бесплатная демонстрация художественных видео- и кинофильмов, которые оказывают положительное влияние на закрепление процесса исправления и ресоциализации осужденных. На практике толкование понятия «положительное влияние» могут различаться кардинально (иногда осужденным демонстрируют боевики со сценами насилия или фильмы ужасов). Поэтому следует, на наш взгляд, законодательно закрепить определение понятия «положительное влияние».

В исправительных колониях минимального уровня безопасности с общими условиями содержания, среднего и максимального уровней безопасности (для осужденных, содержащихся в обычных жилых помещениях, и осужденных, оставленных для работы по хозяйственному обслуживанию) художественные кино- и видеофильмы демонстрируются один раз в неделю. По нашему мнению, данная норма является устаревшей и требует пересмотра в контексте общественно-полезного труда. Если последний нельзя обеспечить в необходимом объеме, то и количество фильмов нуждается в определенной корректировке.

Количественные ограничения не касаются учебных, документальных и научно-популярных фильмов, которые имеют воспитательное значение. Дополнительно разрешается демонстрировать художественные кино- и видеофильмы в праздничные дни.

Лицам, содержащимся в ДИЗО, ПКТ (ОК), ПКТ исправительных колоний (секторов) максимального уровня безопасности и в карцерах учреждений исполнения наказаний, а также осужденным к аресту и пожизненному лишению свободы фильмы не демонстрируются. Возможно, со временем, с улучшением материально-технического обеспечения и состояния УИН, данная норма будет пересмотрена, поскольку всему цивилизованному человечеству хорошо известно о воспитательной силе кинематографа. Это также предмет для разработки административных процедур.

Жилые помещения, клубы, библиотеки, комнаты для воспитательной работы в отделениях социально-психологической службы, ДИЗО, ПКТ (ОК), карцеры, камеры для осужденных к пожизненному лишению свободы и ареста, палаты учреждений здравоохранения Государственной уголовно-исполнительной службы Украины радиофицируются. В жилых помещениях исправительных центров, исправительных колоний минимального, среднего, максимального уровня безопасности, воспитательных колониях, ПКТ исправительных колоний (секторов) максимального уровня безопасности могут устанавливаться телевизоры (при этом в г.3 ПВР УИН указано, что осужденные имеют право, в частности, приоб-

реть для общего пользования за свой счет или счет родственников телевизоры, DVD-проигрыватели – из расчета: телевизор и DVD-проигрыватель – по одному на отделение СПС или жилую секцию (камеру). Эту юридическую коллизию, на наш взгляд, следует устранить. Время радиотрансляции и просмотра телепередач определяется распорядком дня УИН.

Громкость радиопередач и телепередач не должна быть избыточной. По желанию осужденные могут отказаться прослушивать определенные радиопередачи, и на время их трансляции громкоговорители в определенных камерах могут выключаться. Радиотрансляции для осужденных осуществляются централизованно – из единого радиотрансляционного узла. При наличии технических возможностей в исправительных колониях обустраиваются кабельные телесети. Радиотрансляционные узлы и телецентры размещаются за пределами УИН или в помещениях, доступ к которым осужденным запрещен.

Осужденным разрешается пользоваться литературой, имеющейся в библиотеках УИН, а также газетами и журналами. Книжный фонд библиотек создается из расчета обеспечения каждого осужденного не менее 5 книгами. Обмен книг ПКТ (ОК) учреждений, в ПКТ исправительных колоний (секторов) максимального уровня безопасности, ареста и участках усиленного контроля проводится один раз в 10 дней. Осужденные, содержащиеся в общежитиях, обеспечиваются газетами из расчета одна газета на 50 осужденных. По одной газете выделяется на камеру. Если в камере содержится более 20 осужденных, дополнительно выделяется еще одна газета [2].

Индивидуальная подписка осужденных на периодические издания осуществляется в добровольном порядке. С разрешения администрации УИН подписка периодических изданий может быть осуществлена за счет родственников осужденного, что на практике имеет место чаще всего.

Осужденные могут иметь при себе не более 10 экземпляров книг, а те, кто учатся, – соответствующие учебники в необходимом количестве, без учета художественных книг. Остальную литературу осужденные сдают на хра-

нение на склад, или, по собственному желанию, передают в библиотеку учреждения исполнения наказаний, или отдают, с разрешения администрации, родственникам. При этом количество газет и журналов, которые осужденные могут иметь при себе, не ограничивается. Данная норма, как представляется, является несколько проблемной, поскольку ее выполнение может породить осложнения противопожарного, санитарного состояния в жилых секциях общежитий СПС. Осужденным запрещается иметь при себе книги, газеты и журналы, которые пропагандируют насилие, межнациональную рознь или имеют порнографическое содержание.

В УИН могут создаваться самостоятельные организации осужденных. Но и здесь существуют юридические коллизии. Например, УИК Украины как закон (ст. 127), согласно изменениям от 08.04.2014, позволяет создание самостоятельных организаций среди осужденных к пожизненному лишению свободы, а р.33 ПВР УИН от 29 декабря 2014 г. как подзаконный акт утверждает, что самостоятельные организации среди осужденных к пожизненному лишению свободы не создаются.

В УИН для осужденных могут организовываться кружки социально полезной направленности. Порядок и организация работы кружков определяются администрацией. Выступления кружков художественной самостоятельности могут проводиться в рамках УИН. В исправительных колониях (кроме исправительных колоний максимального уровня безопасности) разрешается проводить как бесплатные (благотворительные), так и оплаченные за счет средств осужденных, и с их согласия, выступления профессиональных творческих коллективов (театров, филармоний и т.п.), при согласовании этих мероприятий с руководством территориальных органов управления ГПС.

Физкультурно-оздоровительные мероприятия среди осужденных проводятся в установленное распорядком дня время и в пределах УИН. В исправительных колониях минимального уровня безопасности с облегченными условиями содержания, исправительных центрах, участках социальной реабилитации (адаптации) такие мероприятия могут проводиться за пределами

жилой зоны УИН в пределах дислокации учреждения [2].

Администрация УИН принимает меры по обеспечению осужденных спортивным оборудованием, инвентарем и настольными играми (шахматы, шашки, нарды, домино), пользоваться которыми осужденные могут в свободное от работы время. Термин «принимает меры», на наш взгляд, необходимо заменить термином «принимает действенные меры», поскольку написание какого-то соответствующего письма, даже без положительных результатов, уже подходит под определение понятия «принимает меры».

Для осужденных, содержащихся в ДИЗО, ПКТ (ОК), карцере и ПКТ исправительных колоний (секторов) максимального уровня безопасности, в прогулочных двориках устанавливаются перекладина и брусья.

Организация общеобразовательного обучения, профессионально-технического образования и профессионального обучения осужденных на производстве осуществляется в соответствии с Законами Украины «Об образовании», «Об общем среднем образовании», «О профессионально-техническом образовании» и в порядке, установленном законодательством. Время проведения занятий в общеобразовательных учебных заведениях определяется расписанием дня УИН. Для сдачи экзаменов учащиеся-осужденные освобождаются от работы на срок, предусмотренный Кодексом законов о труде Украины и Законом Украины «Об оплате труда». Заработная плата им за это время не начисляется, питание предоставляется бесплатно. Администрация УИН всемерно способствует общеобразовательному и профессионально-техническому обучению осужденных, в случае необходимости оказывает им помощь в получении консультаций, приобретении учебников и пособий. Во время учебного процесса осужденные могут иметь ограниченный доступ к сети Интернет под контролем администрации УИН для пользования учебными программами (ресурсами) [3; 4].

Здесь есть два важных аспекта. Во-первых, нуждается в дальнейшей проработке вопрос: что делать с теми осужденными, которые имеют лишь начальный уровень образования? Создавать ради них отдельный класс – нет

соответствующих ресурсов, а учебную программу старших классов они просто не в состоянии усвоить. К тому же, распространена ситуация, когда в УИН количество осужденных, не имеющих полного общего среднего образования, превышает количество мест в классах, а создать дополнительные классы нет возможности из-за отсутствия соответствующих ресурсов. В итоге, на практике, администрация УИН нередко сознательно занижает количество осужденных, не имеющих полного среднего образования.

В этой связи, чтобы избежать вышеупомянутых проблемных ситуаций, предлагаем дополнить ч.2 ст.125 УИК Украины: после слов «готовы повышать свой общеобразовательный уровень» словами «и соответствуют минимальным требованиям организации учебного процесса»; после слов «предоставляется возможность обучения в общеобразовательных учебных заведениях колоний» словами «при условии наличия достаточного количества учебных мест в учебных классах».

Выводы. Таким образом, рассмотрев отечественную систему социально-воспитательных мер, применяемых к осужденным и лицам, взятым под стражу, можно определить в качестве главных направлений повышения ее эффективности следующие:

- создание реальных материальных ресурсов деятельности уголовно-исполнительных учреждений, обеспечивающих их переобустройство и функционирование в соответствии с международными стандартами, основываясь на необходимости создания административных процедур;

- создание такой действенной управленческой, структурной модели УИН, где будет приветствоваться и поощряться коллективное сотрудничество и работа на реальный конечный результат;

- устранение противоречий и коллизий в действующем законодательстве;

- совершенствование действующего законодательства. Например, упразднение такой нормы, как предусмотренная ст. 130 УИК Украины «Меры поощрения, применяемые к лицам, лишенным свободы», которая «перекочевала» еще с советских времен, и предусматривает разрешение дополни-

тельно расходовать деньги на покупку продуктов питания и предметов первой необходимости в сумме до 15% минимального размера заработной платы;

- совершенствование ведомственного контроля центрального аппарата и региональных управлений ГПтСУ; сокращение и ликвидация лишних управленческих звеньев, инициирование создания соответствующих административных процедур;

- улучшение организации подготовки и переподготовки специалистов, повышения профессиональной подготовки работников взаимодействующих служб;

Список использованной литературы:

1. Кримінально-виконавчий кодекс України (станом на 16.06.2015 р.) – К. : Паливода А.В., 2015. – 104 с.

2. «Правила внутрішнього розпорядку установ виконання покарань» : затв. наказ. Мініюсту України від 29 грудня 2014 р. № 2186/5.

3. «Про організацію соціально-виховної та психологічної роботи із засудженими» : Наказ Міністерства юстиції України від 04.11.2013 № 2300/5.

4. «Про затвердження Порядку організації навчання у загальноосвітніх навчальних закладах при виправних колоніях та слідчих ізоляторах, що належать до сфери управління Державної пенітенціарної служби України» : Наказ Міністерства юстиції України від 10.06.2014 № 691/897/5.

5. «Про затвердження Положення про навчальний центр при кримінально-виконавчій установі закритого типу» : Наказ Міністерства юстиції України від 19.12.2013 р. № 1794/2691/5.

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СИМВОЛИКИ КРАСНОГО КРЕСТА, КРАСНОГО ПОЛУМЕСЯЦА, КРАСНОГО КРИСТАЛЛА

Вячеслав ПОПОВИЧУК,

соискатель кафедры уголовного права № 1
Национального юридического университета имени Ярослава Мудрого

Summary

In the article analysis the international regulations of the govern using symbols of the Red Cross, Red Crescent and Red Crystal. Substantiates the main international legal standards of the using the symbols of the Red Cross. Attention is accented on the national legal acts that determine the nature and using the symbols of the Red Cross, Red Crescent and Red Crystal.

Key words: legal regulation, symbols, title, marking plate, using.

Аннотация

В статье проанализированы международно-правовые акты, регулирующие порядок использования символики Красного Креста, Красного Полумесяца и Красного Кристалла. Определены основные международно-правовые стандарты правомерности использования символики Красного Креста. Акцентировано внимание на национальных правовых актах, которые определяют сущность и порядок использования символики Красного Креста, Красного Полумесяца и Красного Кристалла.

Ключевые слова: правовое регулирование, символика, эмблема, название, опознавательный знак, использования.

Постановка проблемы. За неправомерное использование символики Красного Креста, Красного Полумесяца и Красного Кристалла предусмотрена уголовная ответственность. Стандарты правомерности использования этой символики установлены как международными, так и национальными нормами. По нашему мнению, необходимо определить, что вообще представляет собой правовое регулирование символики Красного Креста, Красного Полумесяца и Красного Кристалла и как оно выражается в законодательстве Украины.

В современных условиях роста социально-экономической, публично-политической и даже военной напряженности в восточных регионах Украины особое место в контексте решения имеющихся проблем занимают международные организации и институты международного, прежде всего международного гуманитарного, права. Недопущения гуманитарной катастрофы и преодоления социального неравенства в регионах обострения военно-политического кризиса – это первоочередная задача, выполнить которую должно не только государство, но и мировое сообщество. Принципы демократии и базовые основы мирового порядка должны выполняться вне зависимости от сторон и характера конфликта, а их обеспечения со стороны мировых лидеров должно переходить из

плоскости прокламации намерений действия в плоскость реальных дипломатических, политических, социально-экономических действий. Правомерность использования символики Красного Креста, Красного Полумесяца и Красного Кристалла – важная составляющая этого процесса.

Отдельные аспекты правового обеспечения использования символики Красного Креста, Красного Полумесяца, Красного Кристалла освещали в своих работах такие ученые, как В.П. Базов, В.Г. Гончаренко, М.И. Мельник, А. Мицкис, А.В. Хворост и ряд других. Однако современная система национального регулирования использования символики Красного Креста, Красного Полумесяца, Красного Кристалла, к сожалению, осталась без внимания. Именно поэтому целью данной статьи является проанализировать современное состояние национального регулирования использования символики Красного Креста, Красного Полумесяца, Красного Кристалла и определить степень адекватности и полноты его законодательного обеспечения.

Изложение основного материала. Впервые символика Красного Креста, в частности эмблема с изображением красного креста на белом фоне, была использована в 1864 г. для защиты медицинского персонала и средств передвижения на поле боя. Впоследствии национальные органи-

зации по оказанию помощи начали использовать данную эмблему и получили название «сообщество Красного Креста». Вследствие национальных, политических или религиозных особенностей отдельными государствами используется эмблема с изображением красного льва или солнца на белом фоне. В 2005 г. было введено универсальный и нейтральный знак – красный кристалл [12].

В настоящее время существует система правового регулирования, которая определяет порядок использования символики Красного Креста, Красного Полумесяца и Красного Кристалла.

Разделом VII Конвенции ООН об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях определено, что эмблема Красного Креста, Красного Полумесяца, Красного Льва и Красного Солнца признаются как равноценные знаки защиты. Статья 44 рассматриваемой конвенции устанавливает такие правила использования символики:

– эмблему в виде Красного Креста на белом фоне и слова «Красный Крест» или «Женевский Крест» могут использоваться в мирное время или во время войны только для обозначения или защиты медицинских формирований и учреждений, персонала и снаряжения;

– национальные общества Красного Креста (Красного Полумесяца, Красного Льва и Солнца) в мирное

время могут использовать в соответствии с их национальным законодательством название и эмблему Красного Креста для других видов деятельности, которые соответствуют принципам, сформулированным международными конференциями Красного Креста (в данном случае изображение должно быть сравнительно небольшого размера и не может размещаться на нарукавных повязках и на крышах зданий)

– международным организациям Красного Креста и их надлежащим образом уполномоченному персоналу разрешается пользоваться в любое время эмблемой в виде красного креста на белом фоне;

– как исключительная мера в соответствии с национальным законодательством и с четко выраженного разрешения одного из национальных обществ Красного Креста (Красного Полумесяца, Красного Льва и Солнца) эмблемы, признанные указанной конвенцией, могут использоваться в мирное время для обозначения транспортных средств, которые используются как машины скорой помощи, и для обозначения пунктов медицинской помощи, предназначенных исключительно для предоставления бесплатной помощи раненым или больным.

Кроме того, в Конвенции ООН об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях определены международные стандарты использования символики Красного Креста, Красного Полумесяца, Красного Кристалла для обозначения медицинских формирований и учреждений, их персонала (включая приравненных к нему лиц), санитарных воздушных судов.

Так, медицинский персонал, который занимается исключительно разыскиванием, подбором, транспортировкой или лечением раненых либо больных, или который предотвращает заболевания, личный состав которых осуществляет исключительно управление медицинскими формированиями и учреждениями, а также духовный персонал, который находится при вооруженных силах, носит на левой руке влагостойкую нарукавную повязку с отличительной эмблемой, которую выдали военные власти

и на которой они поставили печать (к такому персоналу приравниваются работники национальных обществ Красного Креста и других добровольных обществ помощи, должным образом признанных и уполномоченных своими правительствами, при условии, что на работников таких обществ распространяется военное законодательство; медицинский персонал и формированием нейтральной страны только с предварительного согласия своего правительства и с разрешения соответствующей стороны конфликта) [1].

Конвенция ООН об улучшении участи раненых, больных и лиц, потерпевших кораблекрушение, из состава вооруженных сил на море определяет правила использования эмблемы Красного креста (включая эмблемы, приравненные к ней) госпитальными судами, стационарными береговыми сооружениями, корабельными лазаретами, санитарными воздушными судами и их персоналом при помощи пострадавшим от кораблекрушения. Термин «кораблекрушение» означает любое кораблекрушение, возникшее по любой причине, в том числе вследствие вынужденной посадки самолетов или высадки с самолетов на море. Статьей 36 рассматриваемой конвенции установлено, что духовный, медицинский и госпитальный персонал госпитальных судов и их экипажи оберегают и защищают; их нельзя захватывать тогда, когда они находятся на службе госпитального судна независимо от наличия или отсутствия на борту раненых и больных. После высадки на берег задержанный персонал подпадает под действие положений Конвенции об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях [2].

Статьей 125 Женевской конвенции об обращении с военнопленными установлено, что представители религиозных организаций, обществ помощи или любой другой организации, которая помогает военнопленным, получают все необходимые возможности для посещения военнопленных, распределения между ними помощи и материалов любого происхождения, предназначенных для религиозных, образовательных

или развлекательных целей, а также для оказания им помощи в организации досуга в пределах лагерей. Особое положение Международного комитета Красного Креста в этой области признают и уважают всегда. Кроме того, осуществление гуманитарной деятельности движения Красного Креста осуществляется в соответствии с общепринятыми стандартами [3].

В соответствии с Конвенцией о защите гражданского населения во время войны Международному комитету Красного Креста предлагается предоставлять услуги для облегчения создания и признания санитарных и безопасных зон и местностей. Кроме того, указанной конвенцией предусмотрено:

– обозначения гражданских больниц эмблемой Красного Креста, но только если на это есть разрешение государства;

– персонал, который занимается обслуживанием и администрированием гражданских больниц, в том числе персонал, предназначенный для поиска, подбора, транспортировки и лечения раненых и больных гражданских лиц, инвалидов и рожениц, распознается с помощью удостоверения личности, подтверждающего его статус, с фотографией владельца и рельефной печатью ответственного органа, а также с помощью прошемпелеванных водостойкой повязки, которую он носит на левой руке во время выполнения им служебных обязанностей. Эта повязка выдается с нанесением эмблемы, предусмотренной в ст. 38 Женевской конвенции об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях;

– персонал, занятый обслуживанием и администрированием гражданских больниц, имеет право на ношение повязки с соответствующей эмблемой во время выполнения им таких обязанностей. Администрация каждой больницы всегда предоставляет компетентным национальным или оккупационным властям обновленный список такого персонала;

– колонны автомобилей или санитарные поезда на суше или на специально оснащенных судах на море, которые перевозят раненых и боль-

ных гражданских лиц, инвалидов и роженцев, пользуются уважением и защищаются. Они обозначаются, с согласия государства, демонстрацией отличительной эмблемой;

– летательные аппараты, предназначенные исключительно для транспортировки раненых и больных гражданских лиц, инвалидов и роженцев или для транспортировки медицинского персонала и санитарного имущества могут быть обозначены соответствующей отличительной эмблемой и так далее [4].

Согласно Дополнительного протокола к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 г. относительно защиты жертв международных вооруженных конфликтов еще в мирное время Высокие Договаривающиеся Стороны с помощью национальных обществ Красного Креста (Красного Полумесяца, Красного Льва и Солнца) прилагают усилия для подготовки специального персонала с целью содействия применения Женевских конвенций. В данном протоколе отличительная эмблема определяется как отличительная эмблема Красного Креста, Красного Полумесяца или Красного Льва и Солнца на белом фоне, когда они используются для защиты медицинских формирований и санитарно-транспортных средств, медицинского и духовного персонала и оборудования или запасов. Под опознавательным сигналом понимается любой сигнал или сообщение, которые установлены исключительно для опознавания медицинских формирований или санитарно-транспортных средств. Статьей 18 определен порядок и правила распознавания символики Красного Креста [5].

Дополнительный протокол к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 г., касающийся защиты жертв вооруженных конфликтов немеждународного характера (Протокол II), развивает и дополняет ст. 3, общую для Женевских конвенций. В соответствии со ст. 12 под контролем соответствующих компетентных властей предусматривается ношение или размещение на видном месте отличительной эмблемы Красного Креста, Красного Полумесяца или Красного Льва и Солнца на белом фоне медицинским или духовным

персоналом, медицинскими формированиями и санитарно-транспортными средствами. Эмблема используется с уважением. Она не должна использоваться не по назначению [6].

Дополнительный протокол к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 г., касающийся принятия дополнительной отличительной эмблемы, был подписан в 2005 г. Этот протокол признает дополнительную отличительную эмблему наряду с отличительными эмблемами Женевских конвенций в тех же целях. Отличительные эмблемы пользуются одинаковым статусом. Эта дополнительная отличительная эмблема, состоящая из красной рамки в форме квадрата, стоящего на одной из своих вершин на белом фоне. Государства должны принимать меры, необходимые для предотвращения неправомерного использования отличительных эмблем и их наименований, а также для прекращения такого использования в любое время, в том числе вероломному использованию и использованию любых знаков и наименований, которые их воспроизводят, а также прекращения такого использования [11].

Законом Украины «О символике Красного Креста, Красного Полумесяца и Красного Кристалла в Украине» установлен порядок использования эмблем, контроль над правомочностью такого использования, привлечения к ответственности за нарушение правил использования рассматриваемой символики и так далее [8].

Использование эмблем Красного Креста, Красного Полумесяца и Красного Кристалла возможно в следующих целях:

1) во время войны или вооруженного конфликта в качестве защитного знака для медицинского персонала, медицинских формирований и санитарно-транспортных средств (эмблемы должны изображаться в как можно большем масштабе);

2) как опознавательный знак для обозначения принадлежности человека или объекта к Международному движению Красного Креста и Красного Полумесяца (эмблемы должны быть меньше по размерам по сравнению с эмблемами, которые использу-

ются в качестве защитного знака, и не могут наноситься на повязки или на крыши зданий).

Использование названий «Красный Крест», «Красный Полумесяц», «Красный Кристалл», комбинации этих названий используются исключительно для обозначения персонала и имущества организаций, входящих в Международное движение Красного Креста и Красного Полумесяца, при осуществлении ими своей деятельности в соответствии с принципами, определенными международными конференциями Красного Креста и Красного Полумесяца.

Конфликтующие стороны для распознавания медицинских формирований и санитарно-транспортных средств имеют право использовать опознавательные сигналы: световые, радиосигналы и вторичного радиолокационного распознавания наряду с общепризнанными международными кодами и сигналами.

В 2002 г. был принят Закон Украины «Об Обществе Красного Креста Украины» (далее – ОККУ), который регулирует отношения, связанные с деятельностью Общества Красного Креста Украины, определяет его правовой статус и правовые основы деятельности. Согласно ст. 1 этого закона ОККУ помогает государству в оказании медицинской и гуманитарной помощи во время вооруженных конфликтов и в мирное время, участвует в предоставлении международной помощи в случае катастроф и чрезвычайных ситуаций, обеспечивает медико-социальную помощь наименее социально защищенным слоям населения. В соответствии со ст. 4 этого же закона организация деятельности, масштабы и методы деятельности организаций ОККУ, процедура оформления членства в ОККУ и членов органов управления определяются его Уставом [10]. В ст. 4 Устава ОККУ отмечается, что ОККУ имеет исключительное право на использование эмблемы, флага, опознавательных знаков и наименования Красного Креста [7].

Статьи 435 и 445 Уголовного кодекса Украины определяют ответственность за незаконное использование символики Красного Креста, Красного Полумесяца, Красного

Кристалла [9]. Определения преступлений по этим статьям тождественны. Все формы нарушения использования символики Красного Креста, Красного Полумесяца, Красного Кристалла выходят из положений, которые устанавливают порядок использования указанной символики. Для установления незаконности использования символики в конкретном случае необходимо обращаться к другим нормативно-правовым актам, в частности к Закону Украины «О символике Красного Креста, Красного Полумесяца, Красного Кристалла в Украине» от 8 июля 1999 г., Женевским конвенциям о защите жертв войны от 12 августа 1949 г. и Дополнительным протоколам к ним (Протокол I и Протокол II от 8 июня 1977 г., Протокол III от 8 декабря 2005 г.), Правилам по использованию эмблем Красного Креста или Красного Полумесяца национальными обществами, принятым XX Венской Международной конференцией Красного Креста 1965 г. и пересмотренным Советом делегатов в Будапеште в 1991 г.

Выводы. Таким образом, национальное нормативно-правовое обеспечение использования символики Красного Креста, Красного Полумесяца, Красного Кристалла имеет производный характер от международно-правового. Впервые значение и режим использования символики Красного Креста и Красного Полумесяца было отражено в международных конвенциях, уже потом произошла их имплементация в национальные правовые системы. Эта имплементация повлияла на появление достаточно разветвленной системы нормативных актов, регулирующих использование символики Красного Креста, Красного Полумесяца, Красного Кристалла. Эти нормативно-правовые акты носят системный характер, а их содержание полностью соответствует требованиям международного гуманитарного права.

Вместе с тем сегодня вполне очевидна проблема недостаточности определения норм, регулирующих порядок привлечения к ответственности за неправомерное использование символики Красного Креста, Красного Полумесяца, Красного Кристалла в Украине.

Список использованной литературы:

1. Конвенція про поліпшення долі поранених і хворих у діючих арміях : Конвенція ООН від 12 квітня 1949 р. // Офіційний вісник України. – 2010. – № 62. – Ст. 177.

2. Конвенція про поліпшення долі поранених, хворих та осіб, які зазнали корабельної аварії, зі складу збройних сил на морі : Конвенція ООН від 12 серпня 1949 р. // Офіційний вісник України. – 2010. – № 62. – Ст. 193.

3. Женевська конвенція про поводження з військовополоненими : Конвенція ООН від 12 серпня 1949 р. // Офіційний вісник України. – 2010. – № 62. – Ст. 132.

4. Конвенція про захист цивільного населення під час війни : Конвенція ООН від 12 серпня 1949 р. // Офіційний вісник України. – 2013. – № 27 – Ст. 370.

5. Додатковий протокол до Женевських конвенцій від 12 серпня 1949 р., що стосується захисту жертв міжнародних збройних конфліктів : Міжнародний документ від 8 червня 1977 р. // Зібрання чинних міжнародних договорів України. – 1990. – № 1. – Ст. 25.

6. Додатковий протокол до Женевських конвенцій від 12 серпня 1949 р., що стосується захисту жертв збройних конфліктів неміжнародного характеру (Протокол II) [Електронний ресурс]. – Режим доступу : http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/995_200/card6#Public.

7. Статут Товариства Червоного Хреста України, затверджений XV з'їздом Товариства Червоного Хреста України 4 квітня 1991 р. – К., Товариство Червоного Хреста України – 2001. – 44 с.

8. Про символіку Червоного Хреста, Червоного Півмісяця, Червоного Кристалла в Україні : Закон України від 8 липня 1999 р. № 862-XIV // Офіційний вісник України. – 1999. – № 32. – Ст. 36.

9. Кримінальний кодекс України : Закон України від 5 квітня 2001 р. № 2341-III // Офіційний вісник України. – 2001. – № 21. – Ст. 1.

10. Про Товариство Червоного Хреста України : Закон України від 28 листопада 2002 р. № 330-IV [Електронний ресурс]. – Режим доступу :

<http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/330-15>.

11. Додатковий протокол до Женевських конвенцій від 12 серпня 1949 р., що стосується прийняття додаткової відмітної емблеми (Протокол III) // Офіційний вісник України. – 2010. – № 55/№ 88. – Ст. 2964.

12. The history of the emblems. International Committee of the Red Cross. – [Електронний ресурс]. – Режим доступу : <https://www.icrc.org/eng/war-and-law/emblem/overview-emblem.htm>.

УНИФИКАЦИЯ КАК ОДНО ИЗ НАПРАВЛЕНИЙ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ КОНЦЕССИОННОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА УКРАИНЫ

Галина ПУЗАНОВА,

кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного права и государственного управления
Международного гуманитарного университета

Summary

The article deals with the legal regulation of concession activities and its separate areas: the concession for the construction and operation of highways; lease or concession facilities Energy, which owned by the state; lease or concession facilities in the field of heating, water supply and drainage of communal property, and ways to improve concession legislation through its unification.

Key words: concession, concession law, direction of regulation of concession activities, concept of unification, unification of concession legislation.

Аннотация

В статье рассматриваются вопросы правового регулирования концессионной деятельности и отдельных его направлений: концессии на строительство и эксплуатацию автомобильных дорог; аренды или концессии объектов топливно-энергетического комплекса, которые находятся в государственной собственности; аренды или концессии объектов в сфере теплоснабжения, водоснабжения и водоотвода, находящихся в коммунальной собственности, а также пути совершенствования концессионного законодательства путем его унификации.

Ключевые слова: концессия, концессионное законодательство, направления регулирования концессионной деятельности, понятие унификации, унификация концессионного законодательства.

Постановка проблемы. Концессионное инвестирование как одна из экономико-правовых форм иностранного инвестирования позволяет привлечь иностранные инвестиции для повышения эффективности использования государственного и коммунального имущества и обеспечения потребностей граждан Украины в товарах, работах и услугах, как указано в Законе Украины «О концессиях» от 16 июля 1999 года [1] (далее – Закон). О. Гайдуцкий отмечает, что сегодня экономика Украины, её финансовая система очень нуждаются в притоке иностранного капитала. Иностраный капитал способен стабилизировать курс национальной валюты, снизить банковские ставки, наполнить золотовалютные резервы и выровнять платежный баланс страны... В Украине, казалось бы, все это понимают – и политики, и чиновники. Большинство избирательных лозунгов пестрят декларациями о наличии у кандидатов программ привлечения в страну крупных инвестиций. Периодически создаются специализированные ведомства, пишутся десятки инвестиционных программ, проводятся многочисленные форумы об инвестиционной привлекательности нашей экономики. Однако в реальности иностранные инвесторы практически не вкладывают средства

в Украину. Почему? Потому что в мире есть еще примерно 200 стран, во многих из которых инвестиционный климат намного лучше [2].

Актуальность проблемы. Указанное определяет необходимость анализа причин и факторов, влияющих на приток иностранных инвестиций в Украину, в том числе и научную обоснованность, целесообразность, эффективность концессионного законодательства Украины.

Состояние исследования. Различные аспекты правового регулирования иностранного инвестирования были объектом исследования ученых Украины и зарубежных стран: В.А. Бабенко, М.М. Бахуринской, Е.Р. Бодунова, Ю. Бурило, О.М. Винник, Н.Н. Вознесенской, Н.В. Воротиной, П.П. Гончарова, И.К. Дроздова, Д.В. Задыхайло, В.М. Коссака, Г.М. Костюнина, Т. Косянчук, Н.Н. Ливенцева, А.Н. Лощина, В.И. Любимова, А.В. Омельченко, Е.П. Рябенко, Н.А. Саниахметовой, Я.А. Сидорова, В.В. Соловарова, И.З. Фархутдинова, В.Г. Федоренко, В.Д. Чернадчук, Т.А. Чернадчук, Ю.Л. Яковенко и др.

Целью и задачей статьи является анализ законодательства Украины, регулирующего концессионную деятельность, связанную с передачей в концессию объектов права государственной и коммунальной собственности в раз-

личных сферах хозяйственной деятельности и выработка предложений по его усовершенствованию.

Изложение основного материала. Иностранное инвестирование как самостоятельная, инициативная, систематическая, на собственный риск предпринимательская деятельность иностранных инвесторов на территории принимающего государства осуществляется в видах и формах, не ограниченных законодательством [3, с. 66]. Одной из таких форм является концессия, которая, согласно Закону, определяется как предоставление с целью удовлетворения общественных потребностей уполномоченным органом исполнительной власти или органом местного самоуправления на основании концессионного договора на платной и срочной основе юридическому или физическому лицу (субъекту предпринимательской деятельности) права на создание (строительство) и (или) управление (эксплуатацию) объекта концессии (срочное платное владение) при условии взятия субъектом предпринимательской деятельности (концессионером) на себя обязательств по созданию (строительству) и (или) управлению (эксплуатации) объектом концессии, имущественной ответственности и возможного предпринимательского риска (ст. 1 Закона).

В концессию могут предоставляться объекты права государственной или коммунальной собственности, которые используются для осуществления деятельности в таких сферах хозяйственной деятельности как: теплоснабжение, водоснабжение, отвод и очистка сточных вод; оказание услуг городским общественным транспортом; сбор и утилизация мусора; строительство и эксплуатация автомобильных дорог, объектов дорожного хозяйства, иных дорожных сооружений; строительство и эксплуатация путей сообщения; строительство и эксплуатация грузовых и пассажирских портов; строительство и эксплуатация аэропортов и др. (ст. 3 Закона). Таким образом, в Законе определено 20 сфер хозяйственной деятельности, объекты которых могут быть предоставлены в концессию. Кроме того, в концессию могут быть предоставлены отдельные виды предпринимательской деятельности в сферах хозяйственной деятельности. В Законе определены принципы концессионной деятельности, ограничения на осуществление концессионной деятельности и иные организационно-правовые вопросы концессионной деятельности, что позволяет утверждать, что Закон достаточно всесторонне урегулировал концессионные отношения.

Кроме того, некоторые вопросы концессионных отношений урегулированы на уровне подзаконных актов. Например, Кабинет Министров Украины постановлением от 12 апреля 2000 г. утвердил «Положение о проведении концессионного конкурса и заключения концессионных договоров на объекты права государственной и коммунальной собственности, которые представляются в концессию» [4], а постановлением Кабинета Министров от 12 апреля 2000 г. был утвержден «Типовой концессионный договор» [5].

Однако, несмотря на наличие базового Закона и подзаконных актов, регламентирующих концессионные отношения, для развития действующего концессионного законодательства был принят ряд других законов, регулирующих осуществление некоторых видов концессионной деятельности.

Так, 14 декабря 1999 года был принят Закон Украины «О концессиях на строительство и эксплуатацию автомо-

бильных дорог» [6], действующий в редакции от 15 января 2009 года [7], определяющий особенности строительства и/или эксплуатации автомобильных дорог общего пользования на условиях концессии. В Законе дано определение некоторым терминам, например, «концессиедатель», «концессионный договор», «концессия», но вряд ли можно считать обоснованным дублирование в данном законе указанных правовых дефиниций, которые нашли свое закрепление в Законе Украины «О концессиях», что подчеркивает несовершенство законодательной техники.

Также вопросы данного направления концессионной деятельности регламентированы и подзаконными актами. Так, постановлением Кабинета Министров Украины от 4 октября 2000 г. утвержден «Порядок проведения концессионного конкурса на строительство и эксплуатацию автомобильных дорог» [8] (далее – Порядок), некоторые положения которого (например, п.п. 2, 5, 7 и др.) дословно повторяют нормы Положения о проведении концессионного конкурса и заключения концессионных договоров на объекты права государственной и коммунальной собственности, которые представляются в концессию, утвержденное постановлением КМУ от 12 апреля 2000 г. [4], что заставляет задуматься о целесообразности принятия данного нормативного акта. Кроме того, Порядок также содержит определения некоторых правовых категорий, например, «претендент», указывая, что претендент – юридическое лицо, концессионная заявка которого зарегистрирована согласно данного Порядка, что противоречит норме Закона Украины «О концессиях», определяющей что претендент – физическое или юридическое лицо (субъект предпринимательской деятельности), резидент или нерезидент, который подал заявку на участие в концессионном конкурсе (ст. 1 Закона).

Постановлением Кабинета Министров Украины от 11 июля 2013 года был утвержден Порядок проведения расчетов платы за эксплуатационную готовность автомобильной дороги, построенной на условиях концессии [9]. Кроме того, Министерство инфраструктуры Украины своим приказом от 28 января 2014 года утвердило «Поло-

жение о конкурсной комиссии по проведению концессионных конкурсов на строительство и эксплуатацию автомобильных дорог».

Также специальным законом урегулированы вопросы, связанные с передачей в аренду или концессию объектов в сфере теплоснабжения, водоснабжения и водоотвода, которые находятся в коммунальной собственности, особенности аренды и концессии таких объектов [10]. Кроме того, приказом Министерства по вопросам жилищно-коммунального хозяйства Украины от 8 декабря 2009 года был утвержден Порядок согласования Минрегионом условий конкурса относительно передачи в аренду или концессию объектов, которые используются для осуществления деятельности в сферах теплоснабжения, водоснабжения и водоотведения с последующими изменениями и дополнениями [11].

Министерство регионального развития, строительства и жилищно-коммунального хозяйства Украины приказом от 14 февраля 2012 года утвердило Порядок проведения уведомительной регистрации заключенных договоров аренды или концессии объектов централизованного водо-, теплоснабжения и водоотведения, которые находятся в коммунальной собственности [12].

Вместе с тем вряд ли можно признать обоснованным объединение в данном Законе норм, регулирующих гражданско-правовые арендные отношения и нормы, определяющие порядок заключения административного договора, каковым по своей юридической природе является концессионный договор. Е.О. Харитонов, Е.И. Харитонova, А.В. Старцев отмечают, что отношения, возникающие из передачи имущества в концессию, по своей юридической природе являются хозяйственно-правовыми, которые не регулируются Гражданским кодексом Украины [13, с. 577]. Отношения, связанные с передачей в аренду имущества, регулируются главами 58-60 Гражданского кодекса Украины от 16 января 2003 года [14], а также другими актами законодательства, например, Законом Украины «Об аренде государственного и коммунального имущества» в редакции от [15]. По нашему мнению, нормы, определяющие аренду объектов в сфере теплоснабжения,

водоснабжения и водоотвода, которые находятся в коммунальной собственности и объектов топливно-энергетического комплекса, которые находятся в государственной собственности, должны быть включены в Закон Украины «Об аренде государственного и коммунального имущества».

Следующим урегулированным на уровне закона направлением концессионной деятельности являются концессии на объекты топливно-энергетического комплекса, которые находятся в государственной собственности, регулируемые Законом Украины «Об особенностях аренды или концессии объектов топливно-энергетического комплекса, которые находятся в государственной собственности от 8 июля 2011 года [16]. Постановлением Кабинета Министров Украины от 11 января 2012 г. [17] был утвержден перечень объектов топливно-энергетического комплекса права государственной собственности, предоставляемых в концессию. Также, постановлением Кабинета Министров Украины от 12 ноября 2012 г. [18] была утверждена Методика, используемая при определении стоимости объектов топливно-энергетического комплекса, которые передаются в аренду или концессию. Приказом Министерства энергетики и угольной промышленности Украины от 27 марта 2012 г. были утверждены Требования к анализу эффективности и технико-экономического обоснования передачи в аренду или концессию объектов топливно-энергетического комплекса [19], которые являются обязательными при разработке анализа эффективности и технико-экономического обоснования передачи объектов топливно-энергетического комплекса – целостных имущественных комплексов или системы целостных имущественных комплексов предприятий, их структурных подразделений (филиалов, цехов, отделений, участков), которые обеспечивают (предназначены) для осуществления хозяйственной деятельности в сфере добычи каменного угля и лигнита (бурого угля) и его переработки, в аренду или концессию. Кроме того, Министерство энергетики и угольной промышленности Украины приказом от 18 ноября 2014 г. утвердило По-

рядок уведомительной регистрации заключенных договоров концессии объектов топливно-энергетического комплекса, которые находятся в государственной собственности [20].

Таким образом, в настоящее время существует достаточно расширенная нормативно-правовая база, регулирующая концессионные отношения. Вместе с тем, дублирование некоторых правовых категорий в нормативных актах, принятие нормативных актов, регулирующих однородные отношения, увеличение числа нормативных актов и т.п., подчеркивают необходимость его совершенствования.

В связи с этим отметим, что проводимые сегодня реформы в Украине затрагивают различные проблемы политического, национально-государственного, социально-экономического и правового развития общества. Особая роль в их решении отводится развитию законодательства с учетом таких тенденций как специализация и унификация и, как отмечает Н.И. Матузов, «они являются отражением реальной жизни, её сложности, динамичности, разнообразия [21, с. 387]. Специализация – это объективная тенденция развития законодательства, отражающая идентичный прогрессивный процесс в различных социальных сферах общества, направленный на учет особенностей, специфики и многогранности общественных отношений, урегулирование которых осуществляется определенным комплексом юридических предписаний и нормативных актов. Унификация же представляет собой совокупность способов единообразного регулирования тех или иных сторон социальных отношений.

С целью совершенствования действующего концессионного законодательства Украины считаем необходимым упорядочение норм концессионного законодательства путем его унификации. Н.И. Матузова, А.В. Малько указывают, что «унификация представляет собой совокупность способов единообразного регулирования тех или иных сторон социальных отношений. Её главное внутреннее свойство составляет единство. ... Унификация, во-первых, создает ряд выгод законодательного характера, например, уменьшает объем нормативного материала, исключает его дублирование,

а во-вторых, облегчает применение правовых предписаний на практике и устраняет неоправданные случаи специализации [21, с. 393-394].

Выводы. Проведенный анализ позволяет прийти к следующим выводам, что Законом Украины «О концессиях» урегулированы концессионные отношения и определены объекты 20 сфер хозяйственной деятельности, которые могут быть предоставлены в концессию. При этом Верховной Радой Украины приняты еще 3 Закона, регулирующие отдельные направления концессионной деятельности и в которых продублированы некоторые правовые термины и нормы, что нельзя признать обоснованным и что подчеркивает несовершенство законодательной техники, усложняет практику применения концессионного законодательства. Кроме того, использование специализации при регулировании концессионных правоотношений необоснованно увеличивает число нормативных актов, что негативно сказывается на практике применения законодательства и подчеркивает необходимость его совершенствования, одним из направлений которого может быть унификация концессионного законодательства.

Список использованной литературы:

1. Про концесії : Закон України від 16 липня 1999 р. // Відомості Верховної Ради України. – 1999. – № 41. – Ст. 372.
2. Гайдуцкий А. Не за крохи. Украине нужна качественно новая стратегия привлечения иностранного капитала / А. Гайдуцкий // Зеркало недели. Украина. – № 48-49. – 19 декабря 2014 г.
3. Пузанова Г.И. Поняття іноземного інвестування як правової категорії / Г.И. Пузанова // Матеріали VII Міжнародної науково-практичної конференції «Роль та місце ОВС у розбудові демократичної правової держави» 05 березня 2015 р. – С. 65-67 (260 с.).
4. Положение о проведении концессионного конкурса и заключения концессионных договоров на объекты права государственной и коммунальной собственности, которые представляются в концессию : постановление Кабинета Министров Украины от 12 апреля

2000 г. // Офіційний вісник України. – 2000. – №15. – Ст. 625.

5. Типовой концессионный договор : постановление Кабинета Министров от 12 апреля 2000 г. // Офіційний вісник України. – 2000. – №15. – Ст. 626.

6. Про концесію на будівництво та експлуатацію автомобільних доріг : Закон України від 14 грудня 1999 р. // Відомості Верховної Ради України. – 2000. – № 3. – Ст. 21.

7. Про концесію на будівництво та експлуатацію автомобільних доріг : Закон України від 14 грудня 1999 р. // Відомості Верховної Ради України. – 2009. – № 25. – Ст. 312.

8. Порядок проведення концесійного конкурсу на будівництво та експлуатацію автомобільних доріг : Постанова Кабінету Міністрів України «Про затвердження Порядку проведення концесійного конкурсу на будівництво та експлуатацію автомобільних доріг» від 4 жовтня 2000 р. // Офіційний вісник України. – 2000. – № 41. – Ст. 1750.

9. Про затвердження Порядку проведення розрахунку плати за експлуатаційну готовність автомобільної дороги, побудованої на умовах концесії : постанова Кабінету Міністрів України від 11 липня 2013 р. // Офіційний вісник України. – 2013. – № 53. – Ст. 1944.

10. Про особливості передачі в оренду чи концесію об'єктів у сферах теплопостачання, водопостачання та водовідведення, що перебувають у комунальній власності, особливості оренди та концесії таких об'єктів : Закон України від 21 жовтня 2010 р. // Офіційний вісник України. – 2010. – № 89. – Ст. 3153.

11. Про затвердження Порядку погодження Мінрегіоном умов конкурсу щодо передачі в оренду чи концесію об'єктів, що використовуються для здійснення діяльності у сферах теплопостачання, водопостачання та водовідведення : наказ Мінрегіону від 08 грудня 2009 р. // Офіційний вісник України. – 2010. – № 3. – Ст. 114; Про внесення змін до наказу Мінжитлокомунгоспу від 08.12.2009 № 386 «Порядку погодження Мінрегіоном умов конкурсу щодо передачі в оренду чи концесію об'єктів, що використовуються для здійснення діяльності у сферах те-

плопостачання, водопостачання та водовідведення : наказ Мінрегіону від 10.10.2011 р. // Офіційний вісник України. – 2011. – № 86. – Ст. 3153.

12. Про затвердження Порядку проведення повідомної реєстрації укладених договорів оренди чи концесії об'єктів централізованого водо-, теплопостачання і водовідведення, що перебувають у комунальній власності : наказ Міністерства регіонального розвитку, будівництва та житлово-комунального господарства України від 14 лютого 2012 р. // Офіційний вісник України. – 2012. – № 19. – Ст. 722.

13. Харитонов Є.О. Цивільне право України : підручник / Є.О. Харитонов, О.І. Харитонova, О.В. Старцев. – Вид. 3, перероб. і доп. – К. : Істина, 2013. – 808 с.

14. Цивільний кодекс України : Закон України від 16 січня 2003 р. // Відомості Верховної Ради України. – 2003. – №№ 40-44. – Ст. 356.

15. Про оренду державного та комунального майна : Закон України в редакції від 14 березня 1996 р. // Відомості Верховної Ради України. – 1995. – № 15. – Ст. 99.

16. Про особливості оренди чи концесії об'єктів паливно-енергетичного комплексу, що перебувають у державній власності : Закон України від 8 липня 2011 р. // Офіційний вісник України. – 2011. – № 60. – Ст. 2409.

17. Про затвердження переліку об'єктів паливно-енергетичного комплексу права державної власності, які можуть надаватися в концесію : постанова Кабінету Міністрів України від 11 січня 2012 р. // Офіційний вісник України. – 2012. – № 11. – Ст. 412.

18. Про затвердження Методики оцінки об'єктів паливно-енергетичного комплексу, що передаються в оренду чи концесію : постанова Кабінету Міністрів України від 12 листопада 2012 р. // Офіційний вісник України. – 2013. – № 76. – Ст. 2816.

19. Вимоги до аналізу ефективності та техніко-економічного обґрунтування передачі в оренду чи концесію об'єктів паливно-енергетичного комплексу : наказ Міністерства енергетики та вугільної промисловості України від 27 березня 2012 р. // Офіційний вісник України. – 2012. – № 41. – Ст. 1587.

20. Порядок повідомної реєстрації укладених договорів концесії об'єктів

паливно-енергетичного комплексу, що перебувають у державній власності, Порядок взяття на облік укладених договорів оренди об'єктів паливно-енергетичного комплексу, що перебувають у державній власності : наказ Міністерства енергетики та вугільної промисловості України від 18 листопада 2014 г. // Офіційний вісник України. – 2014. – № 99. – Ст. 2941.

21. Теория государства и права. Курс лекций / Под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. – М. : Юрист, 1997. – 672 с.

ПОНЯТИЕ ЧЕСТИ И ДОСТОИНСТВА В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ УКРАИНЫ

Валентина СВЕРДЛИЧЕНКО,

соискатель кафедры гражданско-правовых дисциплин
Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина

Summary

The article discusses the concept of „honor” and „dignity”, revealed their contents, analyzes current legislation regulating these concepts, explores the difference between the concepts of „honor” and „dignity”, as well as between the concepts of „honor” and „reputation”. Analyzes the legal nature of the legal categories of „honor” and „dignity” in the aspect of the implementation of personal non-property rights. The article focuses on the fact that the concept of „honor” and „dignity” are estimated and interpreted by scientists in different ways, and also notes that these concepts have different content and definition of the time. The article points out the absence of a legal definition of these terms in current legislation of Ukraine, which, according to the author, does not cause particular difficulties in the practical application, because the gap reimburse the general principles of civil law.

Key words: honor, dignity, reputation, personal non-property rights.

Аннотация

В статье рассматриваются понятия «честь» и «достоинство», раскрывается их содержание, анализируется действующее законодательство, регулирующее данные понятия, исследуется разница между понятиями «честь» и «достоинство», а также между понятиями «честь» и «репутация». Анализируется правовая природа юридических категорий «честь» и «достоинство» в аспекте реализации личных неимущественных прав. В статье акцентируется внимание на том, что понятия «честь» и «достоинство» являются оценочными и трактуются учеными по-разному, а также отмечается, что эти понятия имеют различные содержания и определения во времени. Статья указывает на факт отсутствия легального определения данных понятий в действующем законодательстве Украины, что, по мнению автора, не вызывает определенных трудностей в практическом их применении, поскольку этот пробел возмещают общие принципы гражданского права.

Ключевые слова: честь, достоинство, репутация, личные неимущественные права.

Постановка проблемы. В современных условиях защита прав человека становится все более актуальной, поскольку основой общественного прогресса является приоритет общечеловеческих ценностей. Без надлежащего обеспечения прав и свобод человека невозможно развитие и построение гражданского общества. Проблема защиты прав человека должна стать центральной в деятельности государства, поскольку без этого невозможно заложить нравственную и политическую основу нашего будущего.

В условиях нестабильной социально-политической обстановки в стране, при совершении террористических актов, существующей внешней вооруженной агрессии зачастую нарушаются законные права и свободы граждан, в том числе и личные неимущественные права. Центральное место среди них занимают честь и достоинство, которые присущи каждой личности и являются её неотъемлемой частью. Именно поэтому их охрана является одной из главных задач правового государства. Государство в лице уполномоченных органов обязуется охранять и защищать честь и достоинство своих граждан.

Целью статьи является анализ правовой природы юридических категорий «честь» и «достоинство» в аспекте реализации личных неимущественных прав.

Изложение основного материала. Конституция Украины в ст. 3 провозгласила человека, его жизнь и здоровье, честь и достоинство, неприкосновенность и безопасность наивысшей социальной ценностью. Все люди являются равными в своём достоинстве и правах. Права и свободы человека являются неотчуждаемыми и незыблемыми. Каждый имеет право на уважение его достоинства. Никто не может быть подвергнут пыткам, жестокому, бесчеловечному или унижающему его достоинство обращению или наказанию [1].

Гражданский кодекс Украины относит честь и достоинство к личным неимущественным благам и закрепляет право на уважение чести и достоинства как личное неимущественное право. В соответствии со ст. 297 Гражданского кодекса Украины, каждый имеет право на уважение его чести и достоинства. Достоинство и честь физического лица являются неприкосновенными. Физическое лицо имеет право обратиться в суд с иском о защите его достоинства и чести [2].

Соответствующие положения содержатся и в ряде международных актов. Так, Всеобщая декларация по правам человека 1948 года в статьях 5 и 12 содержит положения о том, что никто не должен подвергаться пыткам или жестокому, бесчеловечному или унижающему его достоинство обращению и наказанию. Никто не может подвергаться произвольному вмешательству в его личную и семейную жизнь, произвольным посягательствам на неприкосновенность его жилища, тайну его корреспонденции или на его честь и репутацию. Каждый человек имеет право на защиту закона от такого вмешательства или таких посягательств [3]. Схожие положения содержит и Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах 1966 года (ст. 13) [4], Международный пакт про гражданские и политические права 1966 года (ст.ст. 7, 17) [5], и Европейская конвенция о защите прав человека и основоположных свобод 1950 года (ст. 3) [6].

Для начала необходимо отметить, что содержания понятий «честь» и «достоинство» формировались на протяжении разных исторических периодов в зависимости от положения

конкретного человека в то или иное время. Как отмечает А. Штефан, «человечество не сразу дошло до понимания высокой человеческой чести. Представления о чести и достоинстве не могли сложиться ни в первобытном обществе с его примитивной организацией и высокой степенью зависимости человека от природы, ни в рабовладельческом и феодальном обществах, в которых основная масса людей была лишена элементарных человеческих прав и подвергалась жестокой эксплуатации и унижению, была не субъектом, а объектом права» [7, с. 24]. А.А. Церковная отмечает, что: «генезис идеи об этих ценностях человека происходил в далеком периоде развития человеческой цивилизации и отвечал первобытному строю. На его первой стадии, связанной с присваивающим хозяйством, еще продолжался процесс становления самого человека как биосоциального существа и только в XI–XXV тысячелетиях до н.э. сложился неантроп, т.е. человек современного типа. Представление о чести человека стали следствием родовой и сословной дифференциации человеческих сообществ, которая особенно проявилась в эпоху разложения родоплеменного строя военной демократии». В Древней Греции и Риме, а также в феодальных обществах понятие о чести и достоинстве человека не имели социального характера и не распространялись на крепостных и рабов [8, с. 51]. Понятие чести имело место в морали и обычаях средневекового рыцарства и феодального дворянства, честь отдавалась, прежде всего, за все титулы и звания, за состоятельность и родовитость, а уже потом за какие-то реальные заслуги и личные качества [7, с. 25].

Литература советского периода постоянно подчеркивала классовый характер многих социальных норм, и даже обычаи принято было рассматривать под таким углом зрения. В первые годы после революции многие полагали, что новое общество вообще обойдется без морали. В 30–50-е годы XX столетия мораль отождествлялась с политической целесообразностью, практическими нуждами советского государства. В 60–70-е годы она рассматривалась как относительно са-

мостоятельный духовный феномен, предопределяемый экономическими интересами и классовыми ценностями, хотя включающий иногда некоторые общечеловеческие элементы. Не были исключениями из этой тенденции такие этические категории, как честь и достоинство [9, с. 20]. Однако, следует отметить, что в конце XIX начале XX века многие юристы того времени не разделяли подобных взглядов, а утверждали, что и нормы морали, и нормы права имеют социальный характер. Как отмечает А.А. Церковная, «отход ученых от характеристики социальных норм, с точки зрения их классовости, замечен в правовой литературе уже в середине 90-х годов» [9, с. 23]. То же самое касается чести и достоинства.

В ст. 7 Основ гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик от 1961 года, а позднее и в ст. 7 Гражданского кодекса Украины 1963 года честь и достоинство были отнесены к объектам гражданской защиты и признаны личными неимущественными благами. [7, с. 25].

Логическое завершение признания чести и достоинства в качестве объектов правовой защиты и законодательное регулирование названных благ приобрело с принятием в 1996 году Конституции Украины. В Гражданском кодексе Украины, как уже было отмечено, честь и достоинство признаны личными неимущественными благами и отнесены к личным неимущественным правам. Правовому регулированию чести и достоинства, детальному порядку и способу их защиты посвящено Постановление Пленума Верховного Суда Украины «О судебной практике в делах о защите достоинства и чести физического лица, а также деловой репутации физического и юридического лица» № 1 от 27.02.2009 г. Также этот вопрос затронут и в законах Украины «О печатных средствах массовой информации (прессе) в Украине» № 2782-ХІІ от 16 ноября 1992 года, «О телевидении и радиовещании» № 3759-ХІІ от 21 декабря 1993 года, «Об информации» от 2 октября 1992 года, «Об авторском праве и смежных правах» от 23 декабря 1993 года.

Как отмечает Н. Марущак, необходимым условием реализации пра-

вовых норм является их осознание и толкование. В соответствии с правилами толкования слов и словосочетаний, которые используются в законе, следует предоставлять то значение, которое они имеют в литературном языке, если нет оснований для другой интерпретации. Если в законе не определяются юридические термины, то им следует предоставлять то значение, в котором они используются в юридической науке и практике [10, с. 3].

Для определения понятия «достоинство» следует отметить, что это слово является полисемантическим. В Большом толковом словаре современного украинского языка слово «достоинство» определяется как «совокупность черт, которые характеризуют позитивные моральные качества; осознание человеком своего гражданского веса, гражданской обязанности» [11, с. 180]. Словарь русского языка С. Ожегова трактует понятие «достоинство» как позитивное качество; совокупность высоких моральных качеств, а также уважение этих качеств в самом себе; стоимость, ценность денежного знака [12].

Сам термин «достоинство» имеет латинское происхождение и переводится как «ценный, соответствующий». Словарь по этике определяет «достоинство» как понятие морального сознания, выражающее представление о ценности всякого человека как нравственной личности, а также как категорию этики, которая означает особое моральное отношение человека к самому себе и отношению к нему со стороны общества, в котором признается ценность личности [13, с. 81].

Традиционно в отечественной науке выделяют объективную и субъективную сторону достоинства. Под объективной стороной достоинства понимают то, что достоинством, в одинаковой степени, наделен каждый человек, так как является биологическим существом. Как отмечает В.Д. Недыбалюк, когда мы говорим про достоинство в объективном понимании, то речь идет про характеристику, которая передается значением таких понятий, как «достойный, наделенный достоинством» [14, с. 181-182]. Р.А. Стефанчук утверждает, что под

объективной (социальной) стороной достоинства понимается моральная ценность и общественная значимость личности, она определяется существующим общественным или классовым отношением и не зависит от человека [15, с. 403]. Субъективная сторона достоинства проявляется в том, что человек сам осознает свое достоинство как личность, как человек, а также осознает свое место в жизни, свое значение в ней. Такое понимание достоинства некоторыми авторами определяется как индивидуальное (личное) достоинство.

Однако не все ученые придерживаются такой позиции. Например, Н.А. Придворов писал, что такая категория, как достоинство воспринимается как объективный факт, как признание ценности личности во всех урегулированных правом сферах общественной жизни: экономической, политической, личной, где у каждой личности субъекты права признают ценность человека в общем (человеческое достоинство); ценность каждой индивидуальной личности как совокупность неповторимых черт отдельной личности (личное достоинство); ценность представителя определенной общности людей, а также понимание и чувство собственного достоинства [16, с. 14].

Каждый ученый предлагает свои определения понятию «достоинство», но все сходятся в одном – это морально-этическая категория, которая означает высокую ценность личности, признанную как обществом, так и самой личностью. Так, О. Лукашева считает, что достоинство – это признание обществом социальной ценности, уникальности конкретного человека, значимости каждого лица как части человеческого сообщества [17, с. 144]. Г.Д. Бандзеладзе определяет достоинство человека как существенный признак и качество, которые выделяют человека из других существ и не просто выделяют, а составляют его чувство собственного превосходства, преимущество в определенной шкале ценностей и по определенным критериям прогресса [18, с. 11]. Как утверждает В.Д. Недыбалюк, достоинство – это моральное качество человека, которое заключается в неизменной внутренней

самооценке человеком своей индивидуальной ценности, собственных качеств и способностей, а также осознании человеком своего значения для общества и государства [14, с. 182]. Н. Марущак считает, что достоинство – моральное качество человека, которое отображает его уникальную, непревзойденную ценность [10, с. 4].

Такой подход, который характеризует понятие достоинства с объективной и субъективной сторон, применяется и в международном праве [15, с. 404]. М.Л. Гаскарова говорит о том, что достоинство лица является не только одним из основных прав, но и одним из наиболее важных конституционных принципов [21, с. 154]. А.В. Хованская приходит к выводу, что существуют две основные концепции достоинства человека. Первая концепция – эмпирическая, в понимании которой «достоинство» является характеристикой, родом комбинации самоуважения и самоуверенности в сравнении с другими положительными качествами, неотъемлемой чертой одних человеческих лиц в отличие от других. В свою очередь, вторая концепция несет в себе понимание «внутри присущего», и в этом смысле означает вид ценности, которая в равной степени принадлежат всем человеческим существам и утверждение базовыми ценностями бытия людей. Это как утверждает автор, необходимая, а не случайная черта всех людей [16, с. 404].

Понятие «честь» тесно связано с понятием «достоинство». Чувство чести является одной из главных социальных черт личности. Это именно то качество, то свойство, благодаря которому общество совершает моральное влияние на человека, либо на определенную группу людей. Человек проживает свою жизнь в постоянном выборе. Когда он выбирает определенный тип поведения, он, прежде всего, задумывается над тем, каким образом он повлияет на свою репутацию, как оценит его общество, коллектив и т.д., и всячески пытается избежать негативной оценки и негативного мнения окружающих.

Если мы говорим о чести, то подразумеваем общественную оценку моральных и интеллектуальных особенностей человека. Честь – это, пре-

жде всего, положительная оценка, положительная моральная репутация, которая складывается в определенной социальной общности, либо группе, в которой находится определенная личность. Поэтому можно говорить о том, что честь существует в сознании одних людей по отношению к другим людям, либо отдельному человеку.

Термин «честь» в научной гражданско-правовой литературе и периодических изданиях приобретает такие конкретные значения: позитивная моральная репутация, доброе имя отдельного человека или определенной общности людей; уважение и почет; внешнее проявление уважения и чести, либо принятые в определенном обществе знаки чествования и прославления; осознание и ощущение чести; синоним самых лучших духовных качеств личности (благородство, совесть); те качества личности или социальной общности, которые имеют общее признание, те, за которые отдают уважение; синоним достоинства [19, с. 80]. Как отмечает А. Штефан, честь имеет объективный и субъективный аспекты. С точки зрения объективного аспекта честь – это общественная оценка личности; а с субъективной стороны – это самооценка лицом своего поведения, своих действий. Также автор считает, что честь личности возникает и существует в общественном мнении тех социальных слоев и группировок, к которым принадлежит данная личность: «В этом понимании моя честь находится не у меня, а в сознании людей, которые меня знают, в общественном мнении коллектива. Но честь все-таки остается моей, поскольку она формируется как оценка общественным мнением моего поведения, всей общественно значимой деятельности» [7, с. 25]. Честь является понятием полисемантическим и имеет объективную и субъективную стороны. Последняя, в свою очередь, является самооценкой личности своего поведения, своих деяний на основе собственного внутреннего духовного мира, мировоззрения, ценностей и убеждений [15, с. 449].

Честь – это комплексное морально-этическое и социальное понятие, связанное с оценкой таких качеств индивида, как верность, справедли-

вость, правдивость, благородство, достоинство. Честь может восприниматься как относительное понятие, вызванное к жизни определенными культурными и социальными традициями, материальными причинами или персональными амбициями. С другой стороны, честь трактуется как первоочередное присущее человеку ощущение, неотъемлемая часть его личности [20, с. 15-16].

Следует отметить, что близким к понятию «честь» является понятие «репутация». К сожалению, в юридической науке нет четких разграничений данных понятий. К примеру, толковый словарь С. Ожегова дает определение чести как хорошей репутации и доброго имени, а под «репутацией» понимается приобретаемая общественная оценка, общее мнение о качествах, достоинствах, недостатках кого-нибудь, чего-нибудь [12]. Исходя из этих определений, можно сделать вывод, что существенной разницы между ними нет, однако некоторые авторы и ученые предлагают свои варианты разграничений этих понятий. Так Р.А. Стефанчук предлагает в качестве разграничительного критерия использовать, во-первых, сферу оценивания лица. То есть, когда мы говорим про оценку лица как такового (как человека), не касаясь её навыков, умений, знаний, занятий, профессии и т.д., то следует говорить о её чести. А когда же основным критерием выдвигается приведенная выше деятельность, то следует говорить о репутации лица. Во-вторых, честь может быть только позитивной, в то время как репутация – и позитивной, и негативной. В-третьих, субъектом носителем чести может быть только физическое лицо, а носителем репутации – и физическое, и юридическое [15, с. 451].

Действующее законодательство Украины не содержит легального определения чести и достоинства, так как эти категории являются морально-этическими, философскими и оценочными в каждой конкретной ситуации. Если норма права не содержит четкого механизма урегулирования гражданско-правовых отношений, объектом которых выступают честь и достоинство, ситуация разрешается с помощью общих

принципов гражданского права или положениями soft law. Постановлением Пленума Верховного Суда Украины «О судебной практике в делах о защите достоинства и чести физического лица, а также деловой репутации физического и юридического лица» № 1 от 27.02.2009 даёт такое определение чести и достоинства: «под достоинством следует понимать признание ценности каждого физического лица как уникальной биопсихосоциальной ценности; с честью связана позитивная социальная оценка лица в глазах окружающих, которая основана на соответствии её деяний (поведения) общепринятым представлениям про добро и зло». При этом, как уже было рассмотрено, доктрина гражданского права предусматривает довольно широкое толкование понятий «чести» и «достоинства».

Выводы. Понятия «честь» и «достоинство» являются морально-этическими, оценочными понятиями, которые широко используются в правовой сфере и поэтому приобретают большое значение, как в теоретическом, так и в практическом плане. Именно поэтому необходимо различать сущность этих понятий для правильного их толкования. Следует отметить, что данные понятия относятся к естественным правам человека. Честь и достоинство тесно связаны между собой, понятие «достоинство» является фактической основой для понятия чести. Если мы говорим о чести, то подразумеваем оценку обществом моральных и этических качеств человека, а когда мы говорим о достоинстве, то имеем в виду осознание самим человеком того факта, что он владеет определенными моральными и этическими качествами. Отсутствие в действующем законодательстве Украины легального определения чести и достоинства не вызывает определенных трудностей в практическом их применении, поскольку этот пробел возмещают общие принципы гражданского права.

Список использованной литературы:

1. Конституция Украины : Закон Украины от 28.06.1998 г. № 254к/96-ВР

[Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/254к/96-вр>.

2. Гражданский кодекс Украины: Кодекс Украины от 16.01.2003 г. № 435-IV [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://zakon1.rada.gov.ua/laws/show/435-15>.

3. Всеобщая декларация по правам человека от 10.12.1948 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml.

4. Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах от 16.12.1966 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactecon.shtml.

5. Международный пакт про гражданские и политические права от 16.12.1966 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml.

6. Европейская конвенция о защите прав человека и основоположных свобод 1950 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.echr.coe.int/Documents/Convention_RUS.pdf.

7. Штефан А. Честь, достоинство и деловая репутация как объекты защиты в гражданском судопроизводстве. – С. 24-26.

8. Церковная А.А. Достоинство и честь в гражданском праве Украины : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Киевский национальный ун-т им. Тараса Шевченко. – К., 2003.

9. Церковная А.А. Право на честь и достоинство как личные неимущественные права, обеспечивающие социальное бытие физического лица. – Ст. 19-32.

10. Марущак Н. К вопросу сути и содержания права лица на уважение её достоинства. – Ст. 3-6.

11. Великий толковый словарь современного украинского языка. – К., 2003. – 1440 с.

12. Ожегов С.И. Словарь русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.ozhegov.org/index.shtml>.

13. Словарь по этике / Под ред. И.С. Кона. – М., 1981. – 430 с.

14. Недыбалюк В.Д. / Конституционное право человека на уважение его достоинства: понятие, содержание и

его место в системе прав человека. – С. 181-187.

15. Стефанчук Р.А. Личные неимущественные права физических лиц (понятие, содержание, система, особенности осуществления и защиты) : монография / Отв. ред. Я.М. Шевченко. – К. : КНТ, 2007. – 626 с.

16. Придворов Н.А. Институт достоинства личности в советском праве : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.01 / Харьковский юрид. ин-т им. Ф.Э. Дзержинского. – Харьков, 1986. – С. 14.

17. Права человека. – М., 1999. – С. 573.

18. Бандзеладзе Г.Д. О понятии человеческого достоинства. – Тбилиси, 1979. – 108 с.

19. Волощенко О. Честь, достоинство и деловая репутация: понятие и порядок защиты. – С. 78-85.

20. Осипенко Н.А. Правовая характеристика категорий чести и достоинства в условиях развития административного законодательства. – С. 15-17.

21. Гаскарова М.Л. Концепция достоинства человека в немецком конституционном праве // Журнал российского права. – 2002. – № 4. – С. 154.

ПРАВО НА ПОЛУЧЕНИЕ ЧАСТИ ПРИБЫЛИ (ДИВИДЕНДОВ) ХОЗЯЙСТВЕННОГО ОБЩЕСТВА: ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Михаил СОКОЛОВСКИЙ,

аспирант Юридического института

Прикарпатского национального университета имени Василия Стефаника

Summary

In this article conducted, theoretical and practical research of realization of right for the participant of economic society on the receipt of share of profits in him and types of limits of this right. The mechanisms of influence of limits are analysed on realization of right in relation to the receipt of profit and state of their co-ordination in legislative acts that regulate corporate relations. Also, the theoretical analysis of separate normative positions that regulate the order of payment to the profit (dividends) is conducted, and the negative cells of their influence are found out on the legal adjusting of the investigated relations and the ways of improvement of legislation that regulates behavior of participant of society and activity of legal entity of corporate type in relation to payment to the profit (dividends) are certain.

Key words: limits of right, dividends, economic society, abuse of corporate law.

Аннотация

В статье проводится теоретическое и практическое исследование осуществления права участника хозяйственного общества на получение части прибыли в нем и виды пределов этого права. Проанализированы механизмы влияния пределов на осуществление права относительно получения прибыли и состояние их согласованности в законодательных актах, которые регулируют корпоративные отношения. Также проведен научно-теоретический анализ отдельных нормативных положений, которые регулируют порядок выплаты прибыли (дивидендов), и выяснены негативные ячейки их влияния на правовое регулирование исследуемых отношений и определены пути усовершенствования законодательства, которое регулирует поведение участника общества и деятельность юридического лица корпоративного типа относительно выплаты прибыли (дивидендов).

Ключевые слова: пределы права, дивиденды, хозяйственное общество, злоупотребление корпоративным правом.

Постановка проблемы. Получение части прибыли хозяйственного общества – это тот определяющий имущественный интерес, ради которого лицо инвестирует свое имущество в уставный капитал организации корпоративного типа. На его удовольствие направленное осуществление большинства корпоративных правомочностей участника общества, одним из которых есть право на получение части прибыли (дивидендов) юридического лица. Однако осуществление этого права усложняется через коллизии, которые возникают в действующем законодательстве Украины.

Состояние исследования. Над проблемой получения части прибыли (дивидендов АО) общества работали многие отечественные ученые, среди которых: В.А. Васильева, И.Б. Саракун, И.Р. Калаур, Е.Р. Кибенко, И.В. Спасько-Фатеева и остальные. Однако, не

взирая на многочисленные исследования, проблема права получения части прибыли общества не решена и остается актуальной.

Целью статьи является исследование пределов осуществления прав на получение части прибыли (дивидендов АО) общества и их ограничений, которые устанавливаются законодателем (в нормативных и ведомственных актах), а также самими участниками во внутренних документах общества.

Изложение основного материала. Во всех видах предпринимательских обществ предела осуществления корпоративных прав несколько отличаются по способу их урегулирования. Так, например, относительно акционерных обществ, которые имеют более сложную структуру, они прописываются детальнее законодателем на уровне специального нормативно-правового акта; тогда как в полных и коммандит-

ных обществах, ООО и ТДВ – участники сами определяют эти пределы на уровне учредительных документов, ссылаясь на соответствующие бланкетные нормы установленные законодательными актами. Однако это вовсе не значит, что наличие Закона «Об акционерных обществах» позволяет утверждать, что законодателем предусмотрены все правовые механизмы пределов осуществления корпоративных прав акционерами. Они также нуждаются своего локального регулирования. Речь идет лишь о необходимости принятия специальных Законов, которые детальнее бы регулировали правовой статус других видов (кроме АО) хозяйственных обществ.

Частью 1 ст. 30 Закона Украины «Об акционерных обществах» понятие «*дивиденд*» определяется как часть чистой прибыли АО, которое выплачивается акционеру в расчете на одну надлежащую ему акцию определенного типа та/или класса. За акциями одного типа и класса насчитывается одинаковый размер дивидендов.

В отмеченной статье Закона устанавливаются следующие пределы осуществления этого права: императивное требование относительно выплаты обществом дивидендов исключительно в денежной форме; их выплаты на акции отчет о результатах размещения которых зарегистрирован в установленном законодательством порядке; их выплаты (в одинаковом размере) акционеру в расчете на одну надлежащую ему акцию определенного типа та/или класса; относительно выплаты дивидендов по простым акциям осуществляется из чистой прибыли отчетного года и/или нераспределенной прибыли на основании решения общего собрания акционерного общества в срок, который не превышает шесть месяцев со дня принятия общим собранием решения о выплате дивидендов; относительно выплаты дивидендов по привилегированным акциям в срок, который не превышает шесть месяцев после окончания отчетного года; в случае принятия общим собранием решения относительно выплаты дивидендов в срок, меньше, чем предусмотрен, выплата дивидендов осуществляется в срок, определенный общим собранием [1]. Законом от 19.03.2015 г. № 272-VIII при условии, что срок предусмотрен в настоящей

статье меньший, у акционера возникает право обращения к нотариусу относительно совершения исполнительной надписи нотариуса на документах, за которыми взыскание задолженности осуществляется в бесспорном порядке согласно перечню, установленному Кабинету Министров Украины. Возможности выплаты дивидендов за счет резервного капитала общества или специального фонда для выплаты дивидендов по привилегированным акциям; относительно принятия решения о выплате дивидендов и их размере по простым акциям, которое принимается общим собранием акционерного общества; а также относительно того, что размер дивидендов за привилегированными акциями всех классов определяется в уставе акционерного общества.

Согласно Закону Украины «Об акционерных обществах» для каждой выплаты дивидендов наблюдательный совет акционерного общества устанавливает дату составления перечня лиц, которые имеют право на получение дивидендов, порядок и срок их выплаты. Дата составления перечня лиц, которые имеют право на получение дивидендов за простыми акциями, не может предшествовать дате принятия решения общим собранием о выплате дивидендов. Перечень лиц, которые имеют право на получение дивидендов по привилегированным акциям, должен быть составлен в течение одного месяца после окончания отчетного года.

Такой перечень лиц складывается в порядке, установленном законодательством о депозитарной системе Украины.

Общество в порядке, установленном уставом, сообщает лицам, которые имеют право на получение дивидендов, о дате, размере, порядке и сроке их выплаты. В течение 10 дней со дня принятия решения о выплате дивидендов по простым акциям публичное акционерное общество сообщает о дате, размере, порядке и сроке выплаты дивидендов за простыми акциями фондовую биржу (биржи), в биржевом реестре которой (каких) находится такое общество (ст. 30 ЗУАТ).

Поэтому можно заметить, что отмеченные пределы / предела осуществления устанавливаются в том числе в зависимости от вида акций – простые или привилегированные; в зависимости от источника выплаты – из чистой или нераспределенной прибыли, из резерв-

ного капитала, или специального фонда для выплаты дивидендов; в зависимости от их пребывания на фондовой бирже, и тому подобное.

Более детально способы осуществления этого права прописаны в уставе и законодательстве о депозитарной системе. Поэтому для детального освещения этого вопроса и выделения пределов осуществления этого права остановимся на наиболее важных его аспектах.

Для выплаты дивидендов по простым акциям необходимым является прежде всего принятие об этом решении общим собранием АО, поскольку при его отсутствии даже хозяйственный суд не сможет обязать общество к их выплате. Зато размер дивидендов по привилегированным акциям всех классов определяется в уставе акционерного общества.

Наглядным примером является справа НАК «Нефтегаз Украины» кПАТ «Укрнафта» относительно выплаты дивидендов, которые стали основанием для снижения уровня кворума общего собрания. Ведь без соответствующего решения общего собрания невозможно было оплатить дивиденды государству. На данный момент «ПАТ «Укрнафта» получило исковое заявление НАК «Нефтегаз Украины» с требованием обязать «Укрнафту» перечислить дивиденды, начисленные на надлежащие компании акции в уставном фонде ответчика за 2011–2013 годы, в сумме 1,779 млрд гривен в госбюджет. Зато подконтрольный ему менеджмент «Укрнафты» категорически отказывается выплачивать государству 1,8 миллиарда гривен дивидендов [2].

На сегодня все акции в Украине существуют исключительно в бездокументной форме, потому с целью определения перечня акционеров, которые имеют право на получение дивидендов, АО на начало выплаты дивидендов должно обеспечить складывание возведенного учетного реестра счетов владельцев ценных бумаг, составленного депозитарием на дату начала выплаты дивидендов (Глава 6 Положения об осуществлении депозитарной деятельности) [3].

Что касается способов выплаты дивидендов, то следует обратить внимание на грани осуществления, установленные в действующем законодательстве, поскольку его положения являются достаточно несогласованными.

В частности, сегодня согласования нуждаются следующие положения, которые регулируют возможность их выплаты:

– *через кассу общества* – для чего исполнительным органом должна быть подана платежная ведомость с указанием акционеров, которые имеют право на получение дивидендов;

– *через банки* – для осуществления выплат в пользу физических лиц, в том числе дивидендов, юридические лица могут *открывать текущие счета физическим лицам*, заключив с банком договор об открытии текущих счетов в пользу физических лиц (п. 6.7 Инструкции об открытии, использовании и закрытии счетов в национальной и иностранной валютах, утвержденной постановлением НБУ № 492 от 12.11.2003) [4];

– *путем внесения денежной суммы на депозит нотариуса*. В частности, ст. 537 ЦК Украины предусматривает возможность выполнения обязательств внесением долга на депозит нотариуса, в случае, например, уклонения кредитора или уполномоченного им лица от принятия выполнения или в случае другой просрочки с их стороны. Внесение денег в депозит нотариуса регулируется также главой 21 «Принятие в депозит денежных сумм и ценных бумаг» Порядка совершения нотариальных действий нотариусами Украины от 22.02.2012 № 296/5 [5];

Наряду с этим в п. 10.2. этого Порядка также отмечается, что не вытребованные из депозита денежные суммы и ценные бумаги, что подлежат передаче физическим и юридическим лицам, хранятся в депозите государственной нотариальной конторы или частного нотариуса *в течение трех лет* и после окончания установленных сроков их хранения подлежат перечислению в Государственный бюджет Украины в порядке, установленном действующим законодательством Украины.

При этом, как верно отмечают авторы монографии «Охрана прав субъектов корпоративных правоотношений», установленный в Порядке трехлетний срок для хранения на депозите нотариуса денежных сумм является несколько малым, поскольку иногда размер дивидендов может быть достаточно значительным и тогда есть смысл увеличить срок их содержания на депозите нотариуса. Следует поддержать мысль,

что перечисление в государственный бюджет денежных сумм не наилучший способ решения этого вопроса. Поэтому необходимость внесения соответствующих изменений к Порядку совершения нотариальных действий нотариусами Украины являются очевидной. Соответственно, в его п. 1.4. среди сведений, которые должны содержаться в заявлении должника, целесообразно установить также и срок, на который передаются на сохранение денежные суммы и ценные бумаги [6].

Приведенные нормативные положения не отвечают требованиям Закона Украины «Об акционерных обществах», согласно ч.5 ст.30 которого для выплаты дивидендов общество в порядке, установленном законодательством о депозитарной системе Украины, перечисляет дивиденды Центральному депозитарию ценных бумаг на счет, открытый в Расчетном центре из обслуживания договоров на финансовых рынках для зачисления на счета депозитарных учреждений и депозитариев-корреспондентов для их дальнейшего перевода депозитарными учреждениями на счета депонентов или уплаты депонентам иным способом, предусмотренным договором, а также для их дальнейшего перевода депозитариями-корреспондентами лицам, которые имеют права на получение доходов и других выплат в соответствии с законодательством другой страны.

После принятия Закона «О депозитарной системе Украины» [7] такая выплата должна осуществляться *через новообразованный Расчетный центр из обслуживания договоров на финансовых рынках*. По состоянию на сегодня целесообразность его создания также обсуждается среди круга специалистов [9].

В связи с этим 21 августа в 2014 г. было принято Решение НКЦПФР О внесении изменений к Положению об осуществлении депозитарной деятельности, согласно которого не позже 3 месяцев со дня вступления в им силу Центральный депозитарий ценных бумаг и депозитарные учреждения должны привести свои внутренние документы в соответствие с требованиями этого решения.

Процедура начисления дивидендов, согласно этому Положению, осуществляется в таком порядке:

1) эмитент перечисляет дивиденды на счет ЦД-ю, открытый в РЦ;

2) ЦД перечисляет эти средства из своего счета в РЦ (не больше 3 р.д.) на соответствующие денежные счета депозитарных учреждений и депозитариев-корреспондентов с одновременным предоставлением депозитарным учреждениям соответствующих распоряжений об их выплате (относительно суммы доходов и размера начисленных дивидендов);

3) депозитарные учреждения осуществляют выплату полученных от ЦД-ю средств своим депонентам в соответствии с договорами об обслуживании/открытия счета в ценных бумагах.

Если средства, которые пришли на счета депозитарных учреждений, не выплаченные владельцу ценных бумаг, – такие дивиденды возвращаются в течение 5 р.д. после окончания срока предусмотренного соответствующим договором или внутренними документами депозитарного учреждения должны быть перечислены на денежный счет ЦД-ю в РЦ с одновременным предоставлением ЦД информации относительно лиц, которые не получили эти доходы с указанием размера дивидендов, для дальнейшего возвращения в течение 5 р.д. средств из этого счета эмитенту. Такие же действия касаются и возвращение в случае прекращения действия договора об открытии/обслуживания счета в ЦП.

Следует отметить, что данный способ выплаты дивидендов вызывал оживленные дискуссии и обсуждения среди практиков [10], поскольку он достаточно усложнен и нуждается дополнительных расходов для АО. Это и стало основанием для внесения группой депутатов во ВРУ Проекта Закона Украины «О внесении изменений к ст. 30 Закона Украины «Об акционерных обществах» (относительно упрощения процедуры выплаты дивидендов акционерам)» от 04.12.2014 г. [11].

Наряду с этим НКЦПФР проанализировала отмеченный законопроект и на своем плановом заседании от 16.12.2014 г. одобрила справку с рекомендациями к нему. Проект Закона предлагает упразднить норму части 5 ст. 30; тогда как регулятор, проанализировав отечественное законодательство, считает необходимым предложить оставить эту норму, дополнив словами «или осуществляет выплату дивидендов владельцам акций самостоятельно» [12].

Зато Верховная Рада Украины не поддержала в первом чтении отмеченный проект, поскольку согласно вывода относительно результатов осуществления антикоррупционной экспертизы проекта нормативно-правового акта, – этот проект признан таким, который не отвечает требованиям антикоррупционного законодательства (решение Комитета от 22.04.2015 г., протокол № 22). При этом из вывода за подписью Е. Соболева оно мотивируется тем, что законодательством установлена обязательность выплаты дивидендов через депозитарную систему с целью защиты миноритариев от недобросовестной «непропорциональной» выплаты дивидендов в депозитарной системе Украины и внедрен порядок выплаты дивидендов путем перечисления эмитентом ценных бумаг соответствующей суммы дивидендов Центральному депозитарию ценных бумаг на счет, открытый депозитарию в Расчетном центре из обслуживания договоров [13].

По нашему мнению, содержание решения комитета является недостаточно обоснованным и еще больше снижает инвестиционную привлекательность для иностранных инвесторов.

Высказываясь в поддержку этого законопроекта, также считаем необходимым упразднить законодательное требование относительно такого способа выплаты дивидендов, как через Расчетный Центр и внести соответствующие изменения к действующему законодательству в связи с этим. Ведь ни одной ответственности за невыплату дивидендов исключительно через Расчетный Центр на уровне действующего законодательства не предусмотрено. Выходит, что отмечено, кроме расходов для АО и акционеров, вносит еще и лишнюю путаницу и в значительной степени зарегулирует и усложняет пределы осуществления акционером этого права в нормативно-правовых и ведомственных актах.

Кроме приведенных нами способов выплаты дивидендов, предела осуществления корпоративных прав устанавливаются в зависимости от правового статуса участников корпоративных отношений и в зависимости от процента принадлежащих акций (частей, паев). Они имеют свои особенности относительно предприятий с корпоратив-

ными правами государства. Да, в частности, согласно ст. 5 Закона Украины «Об управлении объектами государственной собственности», Кабинет Министров Украины определяет порядок отчисления в государственный бюджет части чистой прибыли (доходу) государственными унитарными предприятиями (ГУП) и их объединениями [14].

В случае выхода участника из АО стоимость части имущества общества, подлежащей к уплате участнику, который выходит (исключается) из общества, должна определяться из расчета стоимости всего имущества, которое положено обществу, в том числе основных средств, нематериальных активов, оборотных активов, имущества производственного назначения и тому подобное с учетом имущественных обязательств общества. Любой участник общества имеет право требовать проведения с ним расчетов исходя из действительной (рыночной) стоимости имущества общества.

В результате проведенного исследования можно сделать такие выводы.

Право на получение части прибыли предпринимательского общества является составляющей корпоративного права, а в то же время и основной целью участника этого общества. Законодательное закрепление прав участника общества на получение части прибыли является важным элементом в деятельности предпринимательских обществ, в частности в правоотношениях их участников, поскольку дает возможность четко определять пределы осуществления своих прав и предотвратить злоупотребление корпоративными правами другими участниками общества.

Список использованной литературы:

1. Законом Украины «О внесении изменений в Закон Украины «Об акционерных обществах» от 19.03.2015 г. № 272-VIII (272-19) // Ведомости Верховной рады Украины (ВВР). – 2015. – № 22. – Ст. 152 [Электронный ресурс] // Верховная Рада Украины : [сайт]. – Режим доступа : <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/272-19>.

2. Коломойский отказывается платить дивиденды в госбюджет // Украинская правда. Экономическая правда от 8 июня в 2015 г. [Электронный ресурс].

– Режим доступа : <http://www.epravda.com.ua/news/2015/06/8/545868/>.

3. Решение НКЦПФР «Об утверждении Положения об осуществлении депозитарной деятельности», от 23.04.2013 № 735 [зарегистрировано в Министерстве юстиции Украины 27 июня в 2013 г. за № 1084/23616] [Электронный ресурс] // Верховная рада Украины : [сайт]. – Режим доступа : <http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/z1084-13>.

4. Постановление Правления Национального Банка Украины 12.11.2003 Об утверждении Инструкции о порядке открытия, использования и закрытия счетов в национальной и иностранных валютах № 492 [зарегистрировано в Министерстве юстиции Украины 17 декабря в 2003 г. за № 1172/8493] [Электронный ресурс] // Верховная рада Украины : [сайт]. – Режим доступа : <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/z1172-03/print1433747566948681>.

5. Приказ Министерства юстиции Украины «Об утверждении Порядка совершения нотариальных действий нотариусами Украины» от 22.02.2012 № 296/5 [зарегистрировано в Министерстве юстиции Украины 22 февраля в 2012 г. за № 282/20595] [Электронный ресурс] // Верховная рада Украины : [сайт]. – Режим доступа : <http://zakon3.rada.gov.ua/laws/show/z0282-12>.

6. Охрана прав субъектов корпоративных отношений : монография / За заг. ред. академика НАПрН Украины В. В. Луця К. : НИИ частного права и предпринимательства НАПрН Украины, 2013. – 194 с. – С. 166.

7. Закон Украины «О депозитарной системе» от 16.10.2012р. № 5431-VI // Ведомости Верховной Рады (ВВР) рада, 2013, № 39, ст. 517 [Электронный ресурс] // Верховная рада Украины : [сайт]. – Режим доступа : <http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/5178-17>.

8. Решение НКЦПФР от 23.04.2013 № 735 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/z1084-13>.

9. НКЦПФР проанализировала законопроект народного депутата относительно урегулирования процедуры выплаты дивидендов акционерам // Официальный сайт НКЦПФР [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.nssmc.gov.ua/press/news/>

nkcpfr_proanalizuvalazakonoproekt_narodnogo_deputata_shhodo_vregulyuvannya_proceduri_viplati_dividendiv_akcioneram.

10. Гордович І.І., Саракун І.Б. Особенности правового регулирования выплаты дивидендов АО в Украине и Польше // Корпоративное право Украины и других европейских стран : сравнительно-правовая характеристика [текст] : сборник научных трудов, по материалам Международной научно-практической конференции (26-27 сентября 2014 г., м. Ивано-Франківськ) / НИИ частного права и предпринимательства им. Ф.Г. Бурчака НАПрН Украины ; под ред. д-ра юрид. наук, акад. НАПрН Украины В.В. Луця. – Ивано-Франковск, 2014. – 229 с. – С. 104-109.

11. Проект Закона о внесении изменений к статье 30 Закона Украины «Об акционерных обществах» (относительно упрощения процедуры дивидендов акционерам) от 0412.2014 № 1249 [Электронный ресурс] // Верховная рада Украины : [сайт]. – Режим доступа : http://w1.c1.rada.gov.ua/pls/zweb2/webproc4_2?id=&pf3516=1249&skl=9.

12. Официальный сайт НКЦПФР [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.nssmc.gov.ua/press/news/nkcpfr_proanalizuvala_zakonoproekt_narodnogo_deputata_shhodo_vregulyuvannya_proceduri_viplati_dividendiv_akcioneram.

13. Вывод относительно результатов осуществления антикоррупционной экспертизы проекта нормативно-правового акта от 13.05.2015 г. [Электронный ресурс] // Верховная рада Украины : [сайт]. – Режим доступа : http://w1.c1.rada.gov.ua/pls/zweb2/webproc4_1?pf3511=52703.

14. Закон Украины «Об управлении объектами государственной собственности» от 21.09.2006 // Ведомости Верховной рады Украины (ВВР). – 2006. – № 46. – Ст. 456 [Электронный ресурс] // Верховная рада Украины : [сайт]. – Режим доступа : <http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/185-16>.

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ИНСТИТУТА НЕГЛАСНЫХ СЛЕДСТВЕННЫХ (РОЗЫСКНЫХ) ДЕЙСТВИЙ В УГОЛОВНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ УКРАИНЫ

Садиг ТАГИЕВ,

кандидат юридических наук, председатель Апелляционного суда Черниговской области

Summary

The article proposes the concept of development of the institution of secret investigative (search) actions in criminal proceeding of Ukraine in XXI century, which is based on an ideal model of theoretical and applied cooperation between operative-investigative and criminal-procedural activity. At its core, the concept is based on the following assumptions: 1) the secret investigative (search) actions – is a kind of investigative (search) actions; 2) a key feature of such actions – is the secrecy; 3) a close relationship with the operative-investigative activity; 4) structural and logical construction of their system, depending on the severity of the crime and the fact that intervention into private communication; 5) polysubject of providing that means cooperation between the subjects of criminal proceeding; 6) mainly carrying out in criminal proceeding for serious or very serious crimes.

Key words: criminal justice, secret investigative (search) actions, operative-investigative activity, investigator, operational units.

Аннотация

В статье предлагается концепция развития института негласных (следственных) розыскных действий в уголовном производстве Украины в XXI веке, основу которой составляет идеальная модель теоретико-прикладного взаимодействия между оперативно-розыскной и уголовно-процессуальной деятельностью. В своей основе концепция опирается на следующие исходные положения: 1) негласные (следственные) розыскные действия – это разновидность следственных (розыскных) действий; 2) ключевой признак таких действий – негласность; 3) тесная связь с оперативно-розыскной деятельностью; 4) структурно-логическое построение их системы в зависимости от тяжести совершенного преступления и факта вмешательства в частное общение; 5) полисубъектность проведения, предусматривающая осуществление взаимодействия между участниками уголовного производства; 6) преимущественное проведение в уголовном производстве по тяжким или особо тяжким преступлениям.

Ключевые слова: уголовное производство, негласные следственные (розыскные) действия, оперативно-розыскная деятельность, следователь, оперативные подразделения.

Постановка проблемы. С принятием нового Уголовного процессуального кодекса (УПК) Украины, который наполнен интересными, часто даже нереальными, новеллами и идеями, проблема системы следственных действий, хотя и стала более непредсказуемой и проблематичной, но все же получила как новую окраску, так и новое дыхание. Так, одной из новелл УПК Украины, что привлекает к себе значительное внимание специалистов в области уголовного процесса, оперативно-розыскной деятельности (ОРД), криминалистики, а также практических работников правоохранительных органов и судей, является правовой институт негласных (следственных) розыскных действий (НСРД), нормы которого сконцентрированы в гл. 21 УПК Украины [1].

Актуальность темы исследования. Вместе с тем за два года применения указанного процессуального института вскрылись некоторые проблемы, связанные с как с общими пробелами в законодательстве при конструировании соответствующих норм УПК Украины, так и относительно НСРД в частности. Именно для эффективного развития института НСРД в уголовном производстве Украины в XXI веке перед учеными и практиками на повестку дня поставлен вопрос об оптимизации правового регулирования и практики проведения указанных действий.

Состояние исследования. Отдельные вопросы совершенствования, реформирования, реорганизации, модернизации, развития системы негласно-

го расследования в уголовно-процессуальном законодательстве Украины, а после 2012 г. – НСРД исследовали такие отечественные ученые: К.В. Антонов, А.М. Бандурка, В.Д. Берназ, Е.Н. Блаживский, И.Г. Богатырев, В.И. Василичук, М.П. Водько, А.Ф. Волобуев, В.А. Глушков, В.Г. Гончаренко, В.В. Городовенко, С.А. Гриненко, С.В. Кивалов, И.П. Козаченко, А.И. Козаченко, В.А. Колесник, В.П. Корж, С.С. Кудинов, Е.Д. Лукьянчиков, В.Т. Мальяренко, П. П. Михайленко, Д.И. Никифорчук, В.Т. Нор, Д.П. Письменный, Н.А. Погорецкий, И.В. Сервецкий, Д.Б. Сергеева, Е.Д. Скулиш, О.Ю. Татаров, В.М. Тертышник, В.Г. Уваров, Л.Д. Удалова, С.И. Халимон, В.Ю. Шепитько, Р.Н. Шехавцов, В.П. Шибико, Н.Е. Шумило и др.

Целью и задачей статьи является исследование наиболее актуальных проблем проведения НСРД, и на этой основе обоснование перспектив развития данного процессуального института в уголовном производстве Украины в XXI веке.

Изложение основного материала. Основу предлагаемой нами концепции развития института НСРД в уголовном производстве Украины в XXI веке составляет идеальная модель теоретико-прикладного взаимодействия между ОРД и уголовно-процессуальной деятельностью.

В своей основе концепция опирается на следующие исходные положения:

- 1) НСРД – это разновидность следственных (розыскных) действий;
- 2) ключевой признак таких действий – негласность;
- 3) тесная связь с ОРД;
- 4) структурно-логическое построение их системы в зависимости от тяжести совершенного преступления и факта вмешательства в частное общение;
- 5) полисубъектность проведения, предусматривающая осуществление взаимодействия между участниками уголовного производства;
- 6) преимущественное проведение в уголовном производстве по тяжким или особо тяжким преступлениям.

Качественная разработка концепции проведения НСРД немыслима без тщательного выяснения гносеологической, онтологической, правовой

и практической сущности этих действий на теоретическом уровне.

В концептуальном плане в понимании НСРД следует включать не только гносеологический, но и управленческий аспект, что обусловлено многосубъектным составом участников проведения таких действий. Причем акцентирование на управленческом аспекте не должно быть самоцелью, а призвано оптимизировать практику взаимодействия, прежде всего, двух главных субъектов проведения НСРД – следователя и уполномоченных оперативных подразделений.

Отметим, что отечественная наука уголовного процесса твердо стоит на позиции, что важная роль в обеспечении раскрытия и расследования преступлений на основании нового УПК Украины отводится вопросам организации взаимодействия следователя с оперативными работниками [2, с. 6-8; 3, с. 67]. В то же время, как отмечает В.И. Василичук, эффективное взаимодействие возможно при условии устранения недостатков в организационном, кадровом и нормативно-правовом регулировании [4, с. 39].

Право оперативных подразделений органов внутренних дел, органов безопасности, Национального антикоррупционного бюро Украины, Государственного бюро расследований, органов, осуществляющих контроль за соблюдением налогового и таможенного законодательства, органов Государственной пенитенциарной службы Украины, органов Государственной пограничной службы Украины осуществлять на основании ст. 5 Закона Украины «Об оперативно-розыскной деятельности» ОРД никоим образом не аннулирует их обязанность выполнять поручения следователя, прокурора о проведении следственных (розыскных) действий и НСРД, на что указывает ст. 41 УПК Украины. Подобные поручения, будучи обязательными для исполнения, требуют немедленного реагирования и отчета о проделанной работе.

Положительным и наиболее значимым ответом на поручение о проведении НСРД для его инициатора будет заявление ходатайства о принятии и использовании результатов таких действий. Вместе с тем об отсутствии

таких результатов или о невозможности их предоставления авторы поручения должны быть уведомлены в письменной форме.

Считаем необходимым остановиться на содержании и сроках выполнения поручения о проведении НСРД. В поручении, по нашему мнению, должны найти отражение следующие моменты: кому оно адресовано; основания направления (номер уголовного производства, обстоятельства преступления); что следует установить; срок выполнения; какие материалы необходимо предоставить следователю, прокурору. В то же время в поручении не должна определяться тактика проведения НСРД, поскольку выбор способов и тактических приемов решения поставленных следователем или прокурором задач является прерогативой оперативных подразделений [5, с. 4].

Вместе с тем в законе не указывается срок выполнения такого поручения. Относительно срочности выполнения поручений в уголовном производстве, УПК Украины вспоминает о таких только касательно проведения допроса, опознания в режиме видеоконференции во время досудебного расследования (ст. 232). Так, в ч. 6 этой статьи указано, что «служебное лицо органа, получившего поручение, по согласованию со следователем, прокурором, давшим поручение, обязано в кратчайший срок организовать выполнение указанного поручения» (курсив наш. – С. Т.).

Считаем, что временные параметры получения необходимой для уголовного производства информации от проведения НСРД зависят: а) от обстоятельств расследуемого преступления; б) срочности получения результатов НСРД, которая определяется лицом, осуществляющим уголовное производство. В связи с этим оправдано предусмотреть в законе возможность определения срока исполнения поручения лицом, которое его дало. Вместе с тем необходимо допустить возможность его продления, если оперативные подразделения сообщат о невозможности предоставления необходимых результатов в определенный в поручении срок.

На основании изложенного, с целью оптимизации взаимодействия

следователя, прокурора с оперативными подразделениями по раскрытию преступлений, нами предлагается конструирование самостоятельной статьи УПК Украины относительно урегулирования порядка дачи следователем, прокурором поручения оперативному подразделению по проведению следственных (розыскных) действий и НСРД такого содержания:

«Статья 41-1. Поручение о проведении следственных (розыскных) действий и негласных следственных (розыскных) действий»

1. Поручение следователя, прокурора о проведении следственных (розыскных) действий и негласных следственных (розыскных) действий, данное в порядке, установленном этим Кодексом, направляется уполномоченным оперативным подразделениям органов внутренних дел, органов безопасности, Национального антикоррупционного бюро Украины, Государственного бюро расследований, органов, осуществляющих контроль за соблюдением налогового и таможенного законодательства, органов Государственной пенитенциарной службы Украины, органов Государственной пограничной службы Украины, и является обязательным для выполнения ими. В поручении указывается:

- 1) кому оно адресовано;
- 2) основания направления поручения, в том числе обстоятельства преступления и номер уголовного производства;
- 3) что следует установить;
- 4) срок исполнения;
- 5) какие материалы необходимо предоставить.

2. О проведенных по поручению следователя, прокурора следственных (розыскных) действий и негласных следственных (розыскных) действий оперативное подразделение обязано не позднее указанного в поручении срока сообщить в письменной форме инициатору их проведения и, по возможности, предоставить их результаты. Лицо, давшее поручение, вправе продлить срок на его выполнение по ходатайству оперативного подразделения.

3. При невозможности выполнить поручение и предоставить результаты проведения следственных

(розыскных) действий и негласных следственных (розыскных) действий оперативное подразделение обязано немедленно уведомить об этом лицо, которое дало такое поручение. В сообщении должна указываться причина, по которой поручение не может быть выполнено или по которой отказывается в предоставлении результатов проведения следственных (розыскных) действий и негласных следственных (розыскных) действий».

Способы обеспечения эффективности рассматриваемого взаимодействия различны. Не последнее место занимают уровень и характер взаимосвязей между оперативными и следственными подразделениями. Обоюдная задача оперативных и следственных подразделений – дружба на основе профессиональных интересов [6, с. 8–41]. Это то, что можно назвать принципом корпоративности при проведении НСРД.

НСРД проводятся исключительно субъектами, уполномоченными на проведение соответствующих действий, – следователем, осуществляющим досудебное расследование преступления, или по его поручению (а также по поручению прокурора) – уполномоченными оперативными подразделениями, перечень которых определен ч. 6 ст. 246 УПК Украины. По решению следователя или прокурора к проведению НСРД могут привлекаться также другие лица.

Здесь тоже не обходится без сложностей. Хотя трудности эти касаются скорее теоретической сферы, нежели практики. Речь идет о розыскных (оперативно-розыскных) полномочиях следователя. Напомним, что до принятия нового УПК Украины подобной проблемы не существовало. Следователь проводил следственные действия, а орган дознания и оперативные подразделения осуществляли ОРД, результаты которой через институт «легализации оперативно-розыскной информации» передавались в следственные аппараты для соответствующего использования в доказывании по уголовному делу и в последующих стадиях уголовного процесса.

Поэтому, учитывая загруженность следователя, считаем возложение на него законом обязанности проводить

НСРД противоречащим дифференциации деятельности по противодействию преступности на следственную (гласную) и оперативно-розыскную (негласную). Тем более, непонятными остаются критерии, по которым следователь или самостоятельно должен проводить согласно ч. 6 ст. 246 УПК Украины НСРД, или поручать их проведение соответствующим оперативным подразделениям.

В контексте изложенного отметим, что мы не претендуем на первенство в критике положений нового УПК Украины, однако хотим отметить, что наша позиция не является одиночной в отечественной науке уголовного процесса, по которой обосновывается целесообразность возложения на следователя исключительно следственных функций и лишения его розыскных, а исключительно право проведения негласных действий (или негласных (розыскных), или просто розыскных, а более правильно – оперативно-розыскных действий) оставить за соответствующими оперативными подразделениями, круг которых определен законом. А то возникает парадокс: оперативные подразделения проводят следственные действия (курсив наш. – С. Т.).

Таким образом, рекомендуется отделить розыскную функцию от следователя, так же как она когда-то была отделена от суда. Следователю предлагается стать чистым интеллектуалом, аналитиком, интерпретатором. Идея, скажем прямо, интересная. Правда, она связана с вопросом: а зачем тогда нужен следователь, если он «мышей перестанет ловить». Оценить данные, полученные оперативно-розыскным путем, сможет и судья (без интерпретационного посредничества следователя), ведь он тоже представитель класса интеллектуалов.

В определенной степени подобие схемы непосредственного информационного общения судьи и оперативного работника существует в США; это так называемая концепция проактивных расследований. Вместе с тем отечественное судопроизводство для прямого использования результатов ОРД, по мнению представителей науки ОРД, пока еще не созрело. Именно поэтому и был введен институт НСРД.

При существующем положении дел (когда в УПК Украины оперативным подразделениям однозначно запрещается осуществлять НСРД по собственной инициативе или, еще больше, обращаться с ходатайствами к следственному судье или прокурору) о каком взаимодействии в сфере противодействия преступности можно говорить. В подобной ситуации оперативные подразделения станут «безынициативным, безмолвным, карманным инструментом» в руках следователя, прокурора.

Оперативные подразделения – очень специфический процессуальный субъект. Благодаря своей полифункциональности он вовлечен и в процессуальную, и во внепроцессуальную сферы одновременно. Именно эта особенность оперативных подразделений генерирует тенденцию их увеличения, что подтверждается изменениями в ст. 5 Закона Украины «Об оперативно-розыскной деятельности».

Следует отметить, что тенденция полисубъектности в сфере уголовного процесса и ОРД наблюдается и сегодня. При этом даже невооруженным глазом можно заметить, что новые субъекты уголовно-процессуальной деятельности, например, таможенная и налоговая милиция попутно наделяются и оперативно-розыскными полномочиями.

На основании изложенного массива информации о концептуальных и одновременно полисубъектных основах проведения НСРД в уголовном производстве, можем констатировать, что усеченная информационная самостоятельность оперативных подразделений, в том числе и в части проведения НСРД, сегодня обусловлена не столько объективными обстоятельствами, сколько устойчивым стереотипом критического восприятия оперативно-розыскного метода.

Вполне очевидно, что от этого историко-идеологического препятствия следует последовательно освобождаться. Представляется, что слову этого «клише» может способствовать последовательная (в том числе и научная) работа по повышению авторитета оперативных подразделений. Принцип свободной оценки доказательственной информации (по-

лученной на основании самостоятельно инициированных и проведенных НСРД), по нашему мнению, не противоречит идее, согласно которой доверие к информационному продукту напрямую зависит от авторитетности его производителя.

По нашему мнению, учитывая практический опыт, констатируем, что повышение доверия к негласной (оперативно-розыскной) деятельности и лицам, ее осуществляющим, возможно через открытую популяризацию как негласного компонента уголовно-процессуальной деятельности (в рамках института НСРД), так и ОРД как основной функциональной составляющей оперативных подразделений.

Выводы. Таким образом, основу концепции развития института НСРД в уголовном производстве Украины в XXI веке составляет идеальная модель теоретико-прикладного взаимодействия между ОРД и уголовно-процессуальной деятельностью. В своей основе концепция опирается на следующие исходные положения: 1) НСРД – это разновидность следственных (розыскных) действий; 2) ключевой признак таких действий – негласность; 3) тесная связь с ОРД; 4) структурно-логическое построение их системы в зависимости от тяжести совершенного преступления и факта вмешательства в частное общение; 5) полисубъектность проведения, предусматривающая осуществление взаимодействия между участниками уголовного производства; 6) преимущественное проведение в уголовном производстве по тяжким или особо тяжким преступлениям.

Список использованной литературы:

1. Кримінальний процесуальний кодекс України від 13 квіт. 2012 р. № 4651-VI // Відомості Верховної Ради України. – 2013. – № 9-10, № 11-12, № 13. – Ст. 88.
2. Бесчастный В.М. Правила взаємодії слідчого з оперативними підрозділами з розкриття злочинів за новим Кримінальним процесуальним кодексом України / В.М. Бесчастний // Розкриття злочинів за новим Кримінальним процесуальним кодексом України : зб. матеріалів наук.-практ. конф. (Київ, 8

листоп. 2012 р.). – К. : Нац. акад. внутр. справ, 2012. – С. 6-8.

3. Штанько О.Ф. Теоретичні й практичні проблеми організації розкриття та розслідування злочинів органами внутрішніх справ України за новим Кримінальним процесуальним кодексом України / О.Ф. Штанько // Розкриття злочинів за новим Кримінальним процесуальним кодексом України : зб. матеріалів наук.-практ. конф. (Київ, 8 листоп. 2012 р.). – К. : Нац. акад. внутр. справ, 2012. – С. 67-70.

4. Василичук В.І. Взаємодія оперативних підрозділів з органами Державного казначейства та Державної фінансової інспекції України у процесі виявлення та припинення злочинів у бюджетній сфері / В.І. Василичук // Розкриття злочинів за новим Кримінальним процесуальним кодексом України : зб. матеріалів наук.-практ. конф. (Київ, 8 листоп. 2012 р.). – К. : Нац. акад. внутр. справ, 2012. – С. 39-41.

5. Семенцов В.А. Розыскные действия следователя / В.А. Семенцов // Российский следователь. – 2004. – № 12. – С. 2-5.

6. Быков В.М. Психологические аспекты взаимодействия следователя и органа дознания / В.М. Быков. – Омск : ОВШ МВД СССР, 1976. – 42 с.

ПОЛНОМОЧИЯ ПРОКУРОРА В УГОЛОВНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ В СУДЕ ПЕРВОЙ ИНСТАНЦИИ В УКРАИНЕ

Михаил ТВЕРДОХЛЕБ,
соискатель

Национальной академии прокуратуры Украины

Summary

The article is dedicated to the peculiarities of the powers of the prosecutor in criminal proceedings in the court of first instance in Ukraine. It was given the current stage of development of criminal procedure science and the reform of the criminal procedural legislation of the country, which occurred in 2012. A study of the relevant regulatory framework, there was justified that in Ukraine the prosecutor was one of the key participants in court proceedings, and to carry out its activities in this area had a wide discretion, based on the realization that incorporated mechanisms to ensure these important principles of criminal proceedings as the competitiveness and optionality.

Key words: powers of the prosecutor, court of first instance, maintenance of the prosecution in court.

Аннотация

Статья посвящена особенностям полномочий прокурора в уголовном производстве в суде первой инстанции в Украине, учитывая современный этап развития уголовно-процессуальной науки и реформы уголовного процессуального законодательства страны, которая произошла в 2012 году. В результате изучения соответствующей нормативно-правовой базы обосновано, что в Украине прокурор является одним из центральных участников судебного производства и для осуществления своей деятельности в этой сфере наделен широкими полномочиями, в основе реализации которых заложены механизмы обеспечения таких важных принципов уголовного производства как состязательность и диспозитивность.

Ключевые слова: полномочия прокурора, суд первой инстанции, поддержание государственного обвинения в суде.

Постановка проблемы. Уголовный процессуальный кодекс Украины (далее – УПК Украины) в 2012 году [1] внес существенные изменения в систему национального судопроизводства, ввел новую концепцию уголовного процесса Украины. Были реформированы все стадии уголовного процесса, а новации коснулись практически каждого звена уголовного производства [2, с. 238]. Введен новый подход к определению статуса и полномочий субъектов уголовного процесса, взаимоотношений между ними, что обусловило внесение изменений и в ряд законов, регламентирующих деятельность правоохранительных органов, с целью ее оптимизации в новых условиях [3].

Актуальность темы исследования. Существенные изменения в связи с принятием нового УПК Украины претерпел и процессуальный статус прокурора – одного из наиболее важных участников уголовного производства, на всех его стадиях, вследствие чего проблема реализации процессуальных полномочий прокурора в уголовном производстве вернула былую актуальность, как в научных кругах, так и среди практиков. В периодических

украинских изданиях данная тематика стала предметом активного обсуждения в исследованиях В.Ф. Гаевого, А.В. Геселева, Е.В. Ени, Н.С. Карпова, И.Н. Козьякова, В.В. Колодчина, О.Б. Комарницкой, А.Н. Толочко, Н.С. Туркота, Н.К. Якимчука, а также других правоведов и действующих сотрудников органов прокуратуры.

Цель статьи. В рамках этой статьи поставлена цель осветить особенности полномочий прокурора в уголовном производстве в суде первой инстанции в Украине, учитывая современный этап развития уголовно-процессуальной науки и реформы уголовного процессуального законодательства страны. При этом исходим из того, что полномочиями прокурора в уголовном судопроизводстве являются предусмотренные уголовными процессуальными нормами его конкретные права и обязанности, применяемые в конкретных правоотношениях при реализации им своих функций [4, с. 12]. Полномочия являются средством, обеспечивающим исполнение той либо иной функции, составной частью функции и должны предоставляться в объеме, необходимом для ее исполнения [5, с. 13].

Изложение основного материала.

Как известно, характерной чертой правового положения прокурора в уголовном производстве является прямая зависимость его статуса от стадии производства, в которой он участвует. Поэтому целесообразно указать, что в свете положений УПК Украины 2012 года были пересмотрены теоретические положения стадийности уголовного процесса. Не вдаваясь в подробности (ибо этот вопрос всегда вызывает отдельные противоречия и дискуссии в науке) укажем, что фактически существующие в УПК Украины 2012 года процессуальные стадии, образовали две подсистемы – досудебное производство и судебное производство [2, с. 240]. Судебное производство в первой инстанции включает три этапа: подготовительное производство, судебное рассмотрение и вынесение судебного решения. Глава 30 УПК Украины предусматривает особые порядки производства в суде первой инстанции: 1) упрощенное производство по уголовным проступкам; 2) производство в суде присяжных. Кроме того, по ходатайству прокурора, предусматривается возможность осуществления так называемого специального судебного производства в отношении обвиняемого (кроме не-

совершеннолетнего) в совершении отдельных преступлений (исчерпывающий перечень которых содержится в ст. 297-1 УПК Украины), если он скрывается от органов следствия и суда с целью уклонения от уголовной ответственности и объявлен в межгосударственный и/или международный розыск (ч. 3 ст. 323 УПК Украины). Закон также допускает проведение процессуальных действий во время судебного производства в режиме видеоконференции (дистанционное судебное производство) (ст. 336 УПК Украины).

Правовую основу деятельности прокурора при производстве в суде первой инстанции составляют две группы нормативно-правовых актов. Во-первых, это законодательные акты, в которых полномочия прокурора нашли свое непосредственное закрепление: Конституция Украины (1996 года), Закон Украины «Про прокуратуру» (от 14.10.2014 года № 1697-VII) и УПК Украины. И, во-вторых, это подзаконные нормативные правовые акты, которые прокурор применяет в ходе реализации своих полномочий, которыми руководствуется в сфере уголовного судопроизводства: указы Генерального прокурора Украины и Кодекс профессиональной этики и поведения работников прокуратуры.

В соответствии со ст. 121 Конституции Украины и ст. 121 Закона Украины «Про прокуратуру», одной из функций прокуратуры является поддержание государственного обвинения в суде.

Статья 22 Закона Украины «Про прокуратуру» в части определения полномочий прокурора, участвующего в судебном производстве, указывает, что прокурор поддерживает государственное обвинение в судебном производстве по уголовным преступлениям, пользуясь при этом правами и выполняя обязанности, предусмотренные УПК Украины. Таким образом, УПК Украины является основным законодательным актом, определяющим как полномочия прокурора, так и порядок их реализации в суде.

Определение термина «государственное обвинение» содержится в п. 3 ч. 1 ст. 3 УПК Украины. Это

процессуальная деятельность прокурора, заключается в доказывании перед судом обвинения в целях обеспечения уголовной ответственности лица, совершившего уголовное преступление. Вместе с тем следует признать, что такое определение государственного обвинения не является удачным и требует совершенствования. Например, Н.С. Карпов справедливо утверждает, что если буквально толковать это положение УПК Украины, то можно прийти к выводу, что не является государственным обвинением процессуальная деятельность прокурора, которая заключается в доказывании перед судом обстоятельств совершения лицом, которое не является субъектом преступления, общественно опасного деяния в целях обеспечения применения к нему принудительных мер воспитательного и медицинского характера [7].

В соответствии с предписаниями ч. 3 ст. 36, п.п. 1, 2 ч. 2 ст. 52, ч. 2 ст. 314, ч. 1 ст. 324, ч. 1 ст. 500 УПК Украины участие прокурора в судебном производстве на всех его этапах является обязательным.

Согласно п. 15 ч. 2 ст. 36 УПК Украины, прокурор уполномочен поддерживать государственное обвинение в суде, отказаться от поддержания государственного обвинения, менять его или выдвигать дополнительное обвинение в порядке, установленном этим Кодексом. Данный вопрос регулируется п. 2 ч. 2 ст. 284, п. 1 ч. 3 ст. 314, ч. 2 ст. 337, ч.ч. 1, 2 ст. 338, ч. 1 ст. 339, ч. 1 ст. 340, ст. 341 УПК Украины. Решения об отказе от поддержания государственного обвинения, изменении обвинения или выдвигании нового прокурор должен согласовывать с руководителем органа прокуратуры, в котором он работает, или вышестоящем прокурором (ст. 341 УПК Украины). Указанное объясняется тем, что прокурор в уголовном производстве отстаивает в суде не свой собственный интерес, а является представителем государственного органа, действующего как единая (централизованная) система, и выполняет конституционные полномочия по поддержанию обвинения в суде.

Характеризуя полномочия прокурора во время подготовительного

производства, следует подчеркнуть, что это первый важный этап судебного производства в суде первой инстанции и прокурор должен тщательно готовиться к участию в нем. На этом этапе решаются два важных блока вопросов: по проверке процессуальных оснований для назначения судебного разбирательства (ч. 2 ст. 314 УПК Украины), а также по подготовке уголовного производства к судебному разбирательству (ст. 315 УПК Украины).

Процессуальный порядок подготовительного производства предусмотрен гл. 27 УПК Украины (ст. ст. 314-317). Оно осуществляется в форме судебного заседания и происходит согласно правилам, предусмотренным для судебного рассмотрения (ч. 2 ст. 314 УПК Украины).

Подготовительное производство завершается принятием определенного итогового процессуального решения. В соответствии с ч. 3 ст. 314 УПК Украины в подготовительном судебном заседании суд вправе принимать следующие решения:

1) утвердить соглашение или отказать в утверждении соглашения и вернуть уголовное производство прокурору для продолжения досудебного расследования в порядке, предусмотренном ст.ст. 468-475 УПК Украины;

2) прекратить производство в случаях, установленных законом (п.п. 4-8 ч. 1 или ч. 2 ст. 284 УПК Украины);

3) вернуть обвинительный акт, ходатайство о применении принудительных мер медицинского или воспитательного характера прокурору, если они не соответствуют требованиям УПК Украины;

4) направить обвинительный акт, ходатайство о применении принудительных мер медицинского или воспитательного характера в соответствующий суд для определения подсудности в случае установления неподсудности уголовного производства;

5) назначить судебное разбирательство на основании обвинительного акта, ходатайство о применении принудительных мер медицинского или воспитательного характера.

Прокурор должен высказать мнение по первым четырем из пяти

вышеуказанных вопросов и при отсутствии оснований для приостановления уголовного производства предлагать суду назначить судебное рассмотрение. В соответствии с п. 16 приказа Генерального прокурора Украины от 19.12.2012 года, № 4гн «Об организации деятельности прокуроров в уголовном производстве» (далее – приказ № 4гн) мнение прокурора по этим вопросам должно быть объективным, основываться на материалах производства и нормах закона.

Суд, заслушав мнение прокурора, а также объяснения участников подготовительного судебного заседания, переходит к решению вопросов, связанных с подготовкой уголовного производства к судебному рассмотрению, а именно: 1) определяет дату и место проведения судебного рассмотрения; 2) выясняет в открытом или закрытом судебном заседании необходимо осуществлять судебное рассмотрение; 3) выясняет вопрос о составе лиц, участвующих в судебном рассмотрении; 4) рассматривает ходатайства участников судебного производства об: осуществлении судебного вызова определенных лиц в суд для допроса; истребовании определенных вещей или документов; 5) совершает другие действия, необходимые для подготовки к судебному разбирательству (ч. 3 ст. 315 УПК Украины).

При решении судом указанных вопросов, связанных с подготовкой к судебному рассмотрению, прокурор уполномочен заявлять ходатайства, в частности об осуществлении судебных вызовов лиц в суд для допроса и истребовании вещей или документов, приобщении документов и материалов, имеющих значение для уголовного производства. При наличии оснований он также должен ходатайствовать об избрании, изменении или отмене мер обеспечения уголовного производства, в том числе меры пресечения, избранной в отношении обвиняемого, высказывать мнение относительно ходатайств других участников судебного производства (п. 16.1 приказа № 4гн).

После разъяснения обвиняемому сути обвинения на этапе судеб-

ного рассмотрения прокурор уполномочен высказывать суду мнение об объеме доказательств (т.е. о том, какие доказательства нужно исследовать) и о порядке их исследования (ст. 349 УПК Украины). При наличии оснований и в порядке, предусмотренном УПК Украины прокурор, в частности, обязан ходатайствовать о признании доказательств недопустимыми; возражать против необоснованных ходатайств стороны защиты и потерпевшего по этому вопросу (п. 18.1 приказа №14гн).

Особенностью полномочий прокурора на этапе судебного рассмотрения, на которую следует обратить особое внимание, является то, что при необходимости сбора дополнительных доказательств прокурор уполномочен заявлять ходатайства в порядке ст. 332 УПК Украины – о проведении экспертизы по определению суда; а в порядке ст. 333 УПК Украины – о предоставлении временного доступа к вещам и документам или о проведении следственных (розыскных) действий по поручению суда.

В случае ходатайства о проведении следственных (розыскных) действий во время судебного рассмотрения прокурор должен доказать, что есть необходимость в установлении или проверке обстоятельств, которые имеют существенное значение для уголовного производства, и они не могут быть установлены или проверены другим путем, а также то, что следственные (розыскные) действия, о проведении которых он просит, не могли быть проведены во время досудебного расследования из-за того, что не были, и не могли быть известны обстоятельства, которые свидетельствуют о необходимости их проведения (ч. 8 ст. 223, ч.ч. 3, 4 ст. 333 УПК Украины). Следует заметить, что прокурор обязан предоставить доступ к материалам, полученных в результате проведения следственных (розыскных) действий по поручению суда, участникам судебного производства в порядке, предусмотренном законом, и предоставить их суду в установленный срок (ч. 6 ст. 334 УПК Украины).

Во время судебного рассмотрения прокурор имеет право первым

допрашивать обвиняемого, потерпевшего, свидетеля обвинения, эксперта (который проводил экспертизу по обращению стороны обвинения), а также протестовать против вопросов потерпевшему и свидетелю, которые не касаются сути уголовного производства (ст.ст. 351, 352, 353, 354, 356 УПК Украины).

В исключительных случаях для обеспечения безопасности свидетеля, подлежащего допросу, прокурор имеет право ходатайствовать о проведении допроса свидетеля с использованием технических средств из другого помещения (ст. 352 УПК Украины).

Важным также является то, что при решении вопроса об окончании выяснения обстоятельств и проверки их доказательствами прокурор может заявить ходатайство о дополнении судебного рассмотрения (ст. 363 УПК Украины). При отсутствии ходатайств или после решения ходатайств, если они были заявлены, суд выносит определение об окончании выяснения обстоятельств и проверки их доказательствами, переходит к судебным прениям.

Говоря о выступлении прокурора в судебных прениях (после выяснения обстоятельств, установленных в ходе уголовного производства и проверки их доказательствами) нужно отметить, что, если в судебном рассмотрении участвовало несколько прокуроров, в судебных прениях по их усмотрению вправе выступить один прокурор или каждый из них должен обосновывать в речи свою позицию в определенной части обвинения (ст. 364 УПК Украины). Приказ № 4гн также обязывает прокурора при подготовке к судебным прениям составлять письменные речи или их тезисы, в которых высказывать соображения относительно объема доказанного обвинения, оценки доказательств, применения уголовного закона, назначения наказания и решения других вопросов, которые решаются судом при вынесении приговора.

По завершению судебного производства в суде первой инстанции прокурор обязан своевременно изучать законность судебных решений по уголовным производствам и при

наличии оснований инициировать их пересмотр (п. 20 ч. 2 ст. 36 УПК Украины). Ему законодательно гарантируется право на пересмотр приговора, определения суда, касающиеся прав, свобод или интересов лица, судом высшего уровня в порядке, предусмотренном УПК Украины (ч. 2 ст. 24 УПК Украины).

В целом, во время судебного производства, как и на других стадиях уголовного производства, прокурор обязан неукоснительно следовать положениям законодательства и обеспечивать принятие законных и беспристрастных процессуальных решений (ч.ч. 1, 2 ст. 9 УПК Украины). Прокурор обязан соблюдать порядок в судебном заседании и беспрекословно подчиняться соответствующим распоряжениям председательствующего в судебном заседании (ч. 2 ст. 329 УПК Украины). При выполнении процессуальных функций он должен реагировать на любые нарушения закона, ограничивающие права участников судебного производства (п. 18.2 приказа № 4гн). Прокурор также должен придерживаться общепринятых норм морали и поведения, быть образцом добропорядочности, воспитанности и культуры (ст. 15 Кодекса профессиональной этики и поведения работников прокуратуры), соблюдать прокурорскую этику, способствовать повышению авторитета и положительного имиджа органов прокуратуры, взаимоотношения с судами выстраивать в пределах

определенных полномочий в соответствии с действующим законодательством, приоритета уважения к независимости суда при осуществлении правосудия (п. 14.2, п. 37 приказа № 4 гн).

Выводы. В завершение данного исследования подчеркнем, что в Украине прокурор является одним из центральных участников судебного производства. Для осуществления своей деятельности в сфере уголовного судопроизводства прокурор наделен широкими полномочиями, в основе реализации которых заложены механизмы обеспечения таких важных принципов уголовного производства как состязательность и диспозитивность. Будучи закрепленными на законодательном уровне, такие полномочия создают надежную основу для активной, целенаправленной позиции прокурора в суде по каждому уголовному производству.

Список использованной литературы:

1. Кримінальний процесуальний кодекс України : Закон України от 13.04.2012 года № 4651-VI [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/4651-17/print1434215242057054>.
2. Леоненко М.І. Особливості стадійної побудови кримінального провадження за новим кримінальним процесуальним кодексом України / М.І. Леоненко // Ученые записки Тав-

рического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Юридические науки». – Том 26(65). – 2013. – № 1. – С. 238-242.

3. Бабіков О. Проблемні питання у визначенні повноважень прокурора при здійсненні нагляду за додержання законів при проведенні досудового розслідування / О. Бабіков // Офіційний сайт Генеральної прокуратури України. – 2015 [Електронний ресурс]. – Режим доступа : http://khar.gov.ua/ua/intervu_ta_komentari?_m=publications&_t=rec&id=157625.

4. Тушев А.А. Прокурор в уголовном процессе РФ: система функций и полномочий : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.09 / А.А. Тушев. – Краснодар, 2006. – 46 с.

5. Тугутов Б.А. Функции прокурора на судебных стадиях уголовного процесса : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Б.А. Тугутов. – М., 2014. – 186 с.

6. Колодчин В.В. Повноваження прокурора в судовому провадженні у першій інстанції : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / В.В. Колодчин. – Харків, 2015. – 20 с.

7. Карпов Н.С. Актуальні питання функцій прокуратури за новим КПК України / Н.С. Карпов // Офіційний сайт «Международные научно-практические интернет-конференции за разными юридическими направлениями». – 2012 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.lex-line.com.ua/?language=ru&go=full_article&id=1241.

ОСОБЕННОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ СРОКОВ ОБРАЩЕНИЯ В СУД ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА В АДМИНИСТРАТИВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Виталий ТОПОЛЬНИЦКИЙ,

адъюнкт научно-организационного отделения
Военного института Киевского национального
университета имени Тараса Шевченко

Summary

The article analyzes the use of terms going to court during the representation in administrative proceedings that determined the theoretical-legal principles of functioning of the institution of representation, which is now largely governed by the courts, which is a kind of control at the time of the gaps and legal conflicts in the legislation. Features of actions representative of authority, which is involved in the trial as a defendant, the time limit on the use of going to court in cases of passage and the release of public (military) service.

Key words: administrative proceedings, period of access to a court, statute of limitations, representation in administrative proceedings, procedural term jurisprudence.

Аннотация

В статье проведен анализ применения сроков обращения в суд при осуществлении представительства в административном судопроизводстве, которые определены теоретико-правовыми принципами функционирования института представительства, который сегодня в основном руководствуется решениями суда, что является определенным регулятором при возникновении пробелов и юридических коллизий в законодательстве. Исследуются особенности действий представителя субъекта властных полномочий, который принимает участие в судебном процессе в качестве ответчика по применению стороной сроков обращения в суд по делам о прохождении и увольнении с публичной (военной) службы.

Ключевые слова: административное судопроизводство, срок обращения в суд, исковая давность, представительство в административном судопроизводстве, процессуальный срок, судебная практика.

Постановка проблемы. На эффективность защиты нарушенных или оспариваемых прав и законных интересов физических и юридических лиц как в Украине, так и в других государствах в порядке административного судопроизводства существенное влияние оказывает фактор времени с точки зрения скорости рассмотрения спора и предоставления заинтересованным лицам возможности максимально результативно участвовать в процессе решения дела.

Одним из таких средств обеспечения своевременного рассмотрения дел в административном судопроизводстве Украины является процессуальный срок, который можно определить, как промежуток времени, установленный действующим процессуальным законодательством – Кодексом административного судопроизводства Украины (далее КАС Украины) или судом, в течение которого должно или может быть осуществлено то или иное процессуальное действие или закончена определенная часть производства по делу.

Исходя из анализа действующего законодательства, можно утверждать, что в порядке применения стороной срока для обращения в административный суд существует немало проблем.

Одной из них можно назвать вопрос применения сроков по делам о принятии граждан на публичную службу, ее прохождении и увольнении с публичной службы.

Актуальность темы. Как уже отмечалось, при применении сроков обращения в административный суд существует немало вопросов, которые требуют немедленного решения. Например, в настоящее время так и не существует научной работы, предметом изучения которой были бы особенности действий представителя субъекта властных полномочий в судебных инстанциях по делам о прохождении и увольнении с публичной службы с применением сроков обращения в суд.

Целью статьи является анализ норм действующего законодательства и актов правосудия (решений, постановлений, определений, писем, разъяснений), регулирующих вопросы применения сроков обращения в суд по делам о принятии граждан на публичную службу, ее прохождении и увольнении с публичной службы, а также исследования особенности действий представителя субъекта властных полномочий, который принимает участие в данных делах в качестве ответчика.

Изложение основного материала. По общему правилу, для обращения

в административный суд за защитой прав, свобод и интересов лица устанавливается шестимесячный срок, который, если не установлено иное, исчисляется со дня, когда лицо узнало или должно было узнать о нарушении своих прав, свобод или интересов.

К предпосылкам защиты прав, свобод или интересов в сфере публично-правовых отношений принадлежит, среди прочего, соблюдение процедуры обращения в суд (ст. 106 КАС Украины) и соблюдение сроков предъявления административного иска (ст. 99 КАС Украины).

Согласно статье 100 КАС Украины, в редакции, действовавшей до 07 июля 2010 года, пропуск срока обращения в административный суд является основанием для отказа в удовлетворении административного иска при условии, если на этом настаивает одна из сторон. Если суд признает причину пропуска срока обращения в суд уважительной, административное дело рассматривается и разрешается в порядке, установленном настоящим Кодексом.

Последствия пропуска этих сроков установленные ст. 100 КАС Украины, согласно которой административный иск, поданный после окончания сроков, установленных законом, остается без рассмотрения, если суд на основа-

нии искового заявления и приложений к нему материалов не найдет оснований для признания причин пропуска срока обращения в административный суд уважительными, о чем выносится определение. Исковое заявление может быть оставлено без рассмотрения как на стадии решения вопроса об открытии производства по административному делу без проведения судебного заседания, так и в ходе подготовительного производства или судебного рассмотрения дела.

Такая редакция ст. 100 КАС Украины характеризует ее как норму процессуального права.

Однако между законодательной и судебной ветвью власти в настоящее время существует противоречие по определению понятия – срока обращения в суд. Законодатель определяет его как норму процессуального права, а некоторые ученые и Верховный Суд Украины к нормам материального права, что, к сожалению, никак не решено в правовом поле [1].

В судебной практике административных судов и в правовой науке возникло множество недоразумений, соображений, доводов, обоснований, которые были различными по применению законодательства о сроке обращения в суд при решении административных споров. Понятно, что в случае несовершенства закона в правовом регулировании отношений начинают господствовать выводы судебной практики, а ее правовые предписания набирают юридической силы [2].

Так, некоторые ученые, на наш взгляд, имеют ошибочное мнение о том, что срок обращения в суд относится к материально-правовому сроку и он является аналогом исковой давности, поскольку считаем этот срок процессуальным сроком по тем мотивам, что понятие о сроке содержится в решениях Высшего административного суда Украины, а также в процессуальном законе [3; 4].

Решение суда в сегодняшнее время выполняет не только функцию «акта правосудия» (процессуальный документ на основе норм материального и процессуального права), но и является определенным регулятором при возникновении пробелов и юридических коллизий в законодательстве.

Так, в судебных делах, где ответчиком по делу являются органы военного управления, в большинстве случаев имеет место обжалование действий субъекта властных полномочий, по признанию противоправным и отмене приказа соответствующих командиров (начальников), стороной (истец по делу), которая считает, что нарушены его права и интересы при прохождении военной службы.

В основном в данной категории дел истцами нарушаются сроки обращения в административный суд, что обжалуют неправомерные действия субъекта властных полномочий, в результате чего суд отказывает им в удовлетворении исковых требований [5].

Представителю субъекта властных полномочий (в данном случае представителю по доверенности соответствующего командира военной организации) во время собрания доказательств, с целью подготовки к судебному заседанию, необходимо выполнить письменное возражение, в котором акцентируется внимание на том, что нормами специального Закона – Кодексом административного судопроизводства Украины – определен срок обращения в суд, а именно в один месяц.

Следует отметить, что до 07.07.2010 к данным правоотношениям применялись положения статьи 233 Кодекса законов о труде Украины, согласно которой истец мог обратиться с заявлением о разрешении трудового спора непосредственно в районный (городской) суд по делам об увольнении в месячный срок со дня вручения копии приказа об увольнении либо со дня вручения трудовой книжки.

Правовая позиция относительно соблюдения сроков обращения в суд также 06.03.2008 была отмечена п.13 Постановления Пленума Высшего административного суда Украины № 2 «О практике применения административными судами отдельных положений Кодекса административного судопроизводства Украины во время рассмотрения административных дел» [6].

Так, в ст. 100 предыдущей редакции КАС Украины отмечалось, что административный иск, поданный после окончания сроков, установленных законом, остается без рассмотрения, если суд по заявлению лица, которое его подало, не найдет оснований для

возобновления срока, о чем выносится определение.

Данная редакция статьи определяла негативные последствия для стороны (истца) в случае обращения в административный суд с административным иском с пропуском установленного статьей 99 КАСУ срока обращения с целью дисциплинирования участников публично-правовых отношений. Одновременно статья давала возможность не применять эти последствия, если другая сторона (понятно, что в подавляющем большинстве случаев это был ответчик) не настаивает на этом или в случае пропуска срока по уважительным причинам.

Следовательно, в данном случае могло иметь место негативные последствия – не настаивание ответчиков на пропуск срока обращения истца с административным иском, что привело бы к рассмотрению дела и возможного удовлетворения иска истца, не в пользу органа военного управления (военной части).

Но такой пропуск сроков обычно является основанием для отказа в удовлетворении административного иска, если на этом настаивает одна из сторон относительно пропуска срока обращения в суд, как условие для отказа в удовлетворении иска в связи с пропуском срока обращения в суд.

Действующий в настоящее время КАС Украины не предусматривает ходатайство ответчика, по пропуску установленного статьей 99 КАСУ срока обращения в суд, но имеет место для применения условия о пропуске исковой давности.

Вопрос о применении последствий пропуска срока обращения с административным иском будет решать административный суд, а поэтому есть необходимость ответчику – представителю субъекта властных полномочий представить письменное ходатайство о пропуске установленного статьей 99 КАСУ срока обращения истца в суд. С данным выводом по делу согласился суд II инстанции [7].

Следует также отметить, что законодатель не дает определения терминов – ходатайство и возражения, а потому представителю субъекта властных полномочий целесообразно будет вместе совместить именно ходатайство о пропуске установленного ста-

тьей 99 КАСУ срока обращения в суд с письменным возражением на административный иск. Раскрывая содержание понятия самого отрицания мы имеем в виду, что это – вид объяснения, в котором отрицаются факты, приведенные другими лицами, участвующими в деле.

В случае отсутствия прямого отрицания о пропуске срока обращения в административный суд от представителя субъекта властных полномочий в судебной практике имеют место случаи, когда суд, руководствуясь собственным убеждением, принимает иск к рассмотрению (открывает производство по делу) и удовлетворяет требования истца. При этом решение, вынесенное судом в отсутствие необходимых доказательств, то есть с нарушением норм процессуального права, может быть в дальнейшем отменено судом апелляционной инстанции.

В КАС Украины законодатель только 17.11.2011 часть первую статьи 155 дополнил пунктом 9, в соответствии с Законом № 4054-VI, в котором отметил, что исковое заявление, поданное с пропуском установленного законом срока обращения в административный суд и если суд не нашел оснований для признания причин пропуска срока обращения в административный суд уважительными, он оставляет без рассмотрения.

Также в ст. 138 КАС Украины указано, что факты, входящие в предмет доказывания, это обстоятельства, которыми обосновываются исковые требования или возражения или которые имеют иное значение для разрешения дела (причины пропуска срока для обращения в суд и т.д.) и которые предстоит установить при принятии решения в деле.

В настоящее время в практике административного судопроизводства Украины сложилась довольно разнообразная практика по применению сроков для обращения с административным иском в суд, в котором органы военного управления (военные части) являются ответчиком по делу. В большинстве случаев по данной категории дел суды различных инстанций принимают решения в пользу истцов, возобновляя им сроки на обращение в административный суд.

Следует отметить, что суды удовлетворяют ходатайства истцов о вос-

становлении сроков обращения в суд, основном в тех случаях, когда ответчики – представители субъекта властных полномочий по делу не возражают против данных ходатайств о применении их в судебном процессе.

Так, в статье 49 КАС Украины указано, что лица, участвующие в деле, обязаны добросовестно пользоваться принадлежащим им процессуальными правами и неукоснительно выполнять процессуальные обязанности.

В то же время конечный результат процесса судебного заседания во многих случаях зависит от надлежащего представительства субъекта властных полномочий в судебном процессе, который поддерживает или возражает против удовлетворения административного иска.

Итак, важнейшая и приоритетная роль в защите интересов воинской части в судебных инстанциях возлагается на представителя субъекта властных полномочий (помощника командира по правовой работе и юрисконсульта военной части) в соответствии с требованиями «Инструкции по организации представительства интересов Министерства обороны Украины, органов военного управления, армейских корпусов, воздушных командований, объединений, соединений, воинских частей, военных учебных заведений, учреждений и организаций Вооруженных Сил Украины во время рассмотрения дел судами общей юрисдикции, ведение претензионно-исковой работы и исполнения решений судов», утвержденной приказом Министра обороны Украины от 14.12.2007 № 686.

В связи с отсутствием в судебной практике вопросов, связанных с применением сроков обращения в административный суд по делам, возникающим при прохождении военной службы, на основании пункта 4 части первой статьи 32 Закона Украины «О судостроительстве и статусе судей», Высший административный суд Украины рекомендательных разъяснений по вопросам применения законодательства по решению дел данной категории специализированным судам низшего уровня не предоставил.

Так, только 05.07.2011 Высший административный суд Украины в своем письме за № 945/11/13-11 представил Председателям апелляционных

административных судов разъяснения относительно возникновением в судебной практике вопросов, связанных с применением сроков обращения в административный суд по делам, возникающие из налоговых отношений [8].

Также Высший административный суд Украины в данном письме отметил, что пунктом 3.7 Заключительных положений Закона Украины от 7 июля 2010 года № 2453-VI (2453-17) «О судостроительстве и статусе судей» были внесены изменения в статьи 99 КАС Украины, которые вступили в силу с 30 июля 2010 года. Согласно указанным изменениям, общий срок обращения в административный суд за защитой прав, свобод и интересов лица, определенный частью второй статьи 99 КАС Украины, уменьшен с одного года до шести месяцев.

Кроме того, статья 99 КАС Украины была дополнена частью пятой, которой был предусмотрен специальный сокращенный срок в один месяц для обращения лица в административный суд с иском об обжаловании решения субъекта властных полномочий, на основании которого им может быть заявлено требование о взыскании денежных средств [8].

Указанная норма подлежала применению также и по обжалованию действий субъекта властных полномочий, о признании противоправными и отмене приказов соответствующих командиров (начальников) во время прохождения военной службы.

Таким образом, с момента вступления в силу изменений в КАС Украины, внесенными Законом Украины от 7 июля 2010 года № 2453-VI (2453-17) «О судостроительстве и статусе судей», с 30 июля 2010 сроки для обращения лица с иском о признании противоправным и отмене приказов соответствующих командиров (начальников) во время прохождения военной службы составляет один месяц.

Следует отметить, что решением Конституционного Суда Украины от 15 октября 2013 № 9-рп / 2013 предоставлено официальное толкование положения ч. 2 ст. 233 КЗоТ Украины в аспекте того, что распространяется неограниченный срок обращения работника в суд с иском о взыскании причитающейся ему заработной платы на требования о взыскания неначисленных работо-

дателем сумм индексации заработной платы и компенсации работникам потери части заработной платы в связи с нарушением сроков ее выплаты. При этом Конституционным Судом Украины никаких официальных разъяснений по распространению указанной нормы на публичные правоотношения представлено не было [9].

Таким образом, решая вопрос об определении срока обращения лиц, находящихся (находившихся) на публичной службе, в административный суд по делам о взыскании причитающейся им заработной платы (судейского вознаграждения, денежного обеспечения), суды должны исходить из требований специального законодательства, то есть ч. 3 ст. 99 КАС Украины, которая имеет приоритетное значение по сравнению с ч. 2 ст. 233 КЗоТ Украины, поскольку является специальной нормой.

Однако для кардинального решения указанного вопроса необходимо его урегулирование на законодательном уровне, например путем внесения соответствующих изменений положений КАС Украины, в частности дополнение ч. 3 ст. 99 КАС Украины следующим образом: «... Для обращения в суд по делам о принятии граждан на публичную службу, ее прохождения, увольнения с публичной службы» [10].

Но, несмотря на беспокойство ученых и высказывании правовой позиции в научном выводе о применении норм процессуального права при решении вопроса об определении срока обращения лиц, находящихся (находившихся) на публичной службе, в административный суд по делам о взыскании причитающейся им заработной платы (денежного обеспечения), научно-консультативным советом при Высшем административном суде Украины начиная с 2011 года никаких попыток в решении разъяснения данного вопроса Высшим административным судом Украины не было сделано.

Итак, в настоящее время сложилась несколько странная ситуация: изменения в действующее законодательство по данной проблематике не вносятся и не иницируются, а разъяснения высших судебных инстанций в виде постановления Пленума Высшего административного суда Украины или Верховного Суда Украины не существует.

Более того, 16 мая 2011 года Верховный Суд Украины на основании неодинакового применения норм материального права пересмотрев решение судов кассационной инстанции, положений статьи 99 КАС Украины и статьи 268 ГК Украины в своем постановлении юридически определил, что срок обращения в суд, установленный статьей 99 КАС Украины, является материально-правовым [1].

Кроме того, следует обратить внимание на то, что Верховный Суд Украины пересматривает решения судов кассационной инстанции на основании неодинакового применения норм материального права.

То есть в данном случае, в связи с важностью вопроса единообразия правоприменения, в соответствии со ст. 94 Закона Украины «О Конституционном Суде Украины», имеются основания для конституционного обращения относительно официального толкования Конституции Украины и законов Украины в связи с наличием неоднозначного применения положений Конституции Украины или законов Украины судами Украины, другими органами государственной власти, если субъект права на конституционное обращение считает, что это может привести или привело к нарушению его конституционных прав и свобод.

В данном случае представителю субъекта властных полномочий, защищая интересы военных организаций, следует действовать, опираясь на судебную практику, что включает в себя достаточно объемный правовой массив, который содержит в себе различные как по происхождению, так и по юридической силе акты правосудия: решения, постановления, определения, письма, разъяснения, приказы. Решение суда ныне выполняют не только функцию «акта правосудия» (процессуальный документ на основе норм материального и процессуального права), но и являются определенным регулятором при возникновении пробелов и юридических коллизий в законодательстве.

Выводы. Проанализировав изложенное, следует прийти к выводу о том, что в случае несовершенства закона в правовом регулировании отношений относительно сроков обращения в административный суд по делам о про-

хождения и увольнения с публичной (военной службы) начинают господствовать выводы судебной практики, а ее правовые предписания набирают юридической силы, что приводит к неодинаковому применению норм административного законодательства, а представителю субъекта властных полномочий, защищая интересы военных организаций, до момента внесения изменений в КАС Украины и принятия соответствующего постановления Пленума Высшего административного суда Украины, Верховного суда Украины и официального толкования Конституционным Судом КАС Украины по поводу применения сроков обращения в суд следует действовать, применяя судебную практику.

Список использованной литературы:

1. Постанова Верховного Суду України від 16 травня 2011 року [Електронний ресурс]. – Режим доступу : <http://www.scourt.gov.ua/clients/vs.nsf/0/29F783EBFA27EC3FC2257909004AD77F>.
2. Смокович М.І. Строк звернення до суду в адміністративному судочинстві / М.І. Смокович // Часопис Національного університету «Острозька академія». Серія «Право». – 2011. – № 2(4) [Електронний ресурс]. – Режим доступу : <http://lj.oa.edu.ua/articles/2011/n2/1smivas.pdf>.
3. Ухвала Вищого адміністративного суду України від 09 квітня 2015 року (Справа № К/800/67838/14) // Єдиний державний реєстр судових рішень України : офіційний веб-сайт [Електронний ресурс]. – Режим доступу : <http://reyestr.court.gov.ua/Review/43765663>.
4. Ухвала Вищого адміністративного суду України від 22 січня 2015 року (Справа № К/800/28452/14) // Єдиний державний реєстр судових рішень України : офіційний веб-сайт [Електронний ресурс]. – Режим доступу : <http://reyestr.court.gov.ua/Review/42476729>.
5. Постанова Вінницького окружного адміністративного суду від 18 березня 2010 року (Справа № 2-а-4919/09/0270) // Єдиний державний реєстр судових рішень України : офіційний веб-сайт [Електронний ресурс]. –

ДОГОВОР КАК ОСНОВАНИЕ ВОЗНИКНОВЕНИЯ СУПЕРФИЦИЯ И ЭМФИТЕВЗИСА

Татьяна ХАРИТОНОВА,

кандидат юридических наук, доцент, докторант кафедры аграрного,
земельного и экологического права
Национального университета «Одесская юридическая академия»

Summary

This article examines the issues surrounding these grounds of superficies and emphyteusis, as a contract. The last conclusion is seen from the perspective of belonging of the land, the right to which is alienated, the subjects of the state, municipal and private property. On the basis of the current legislation of Ukraine provides the procedure for concluding agreements, superficies and emphyteusis, depending on specified forms of ownership. Conclusions about the improvement and promotion of these types of contracts in practice.

Key words: right to use land, land auction, superficies, emphyteusis, superficies contract, contract of emphyteusis.

Аннотация

В статье исследуются вопросы, касающиеся такого основания возникновения superficies и эмфитевзиса, как договор. Заключение последнего рассматривается с позиции принадлежности земельного участка, права на который отчуждаются, субъектам государственной, коммунальной и частной собственности. На основании норм действующего законодательства Украины приводится порядок заключения договоров superficies и эмфитевзиса в зависимости от указанных форм собственности. Обосновываются выводы об усовершенствовании и популяризации данных видов договоров в практике.

Ключевые слова: право пользования земельным участком, земельные торги, superficies, эмфитевзис, договор superficies, договор эмфитевзиса.

Постановка проблемы. Нормы Земельного кодекса Украины (далее – ЗК) не разделяют на отдельные главы эмфитевзис и superficies, поэтому основаниям возникновения этих двух институтов посвящена одна статья ЗК – 1021, которая содержит основания возникновения, но в отношении порядка и формы отсылает к Гражданскому кодексу Украины (далее – ГК).

Так, согласно ч. 1 ст. 1021 ЗК, право пользования чужим земельным участком для сельскохозяйственных нужд (эмфитевзис) и право пользования чужим земельным участком для застройки (superficies) возникают на основании договора между собственником земельного участка и лицом, изъявившим желание пользоваться этим земельным участком для таких нужд, согласно Гражданскому кодексу Украины.

Глава 33 ГК посвящена эмфитевзису и содержит отдельную норму (ч. 1 ст. 407 ГК) об основаниях его возникновения. Основания возникновения superficies содержатся в ч. 1 ст. 413 ГК (глава 34 ГК). То есть, проанализировав указанные статьи, можно увидеть,

что одним из оснований возникновения эмфитевзиса и superficies является договор, который заключается между собственником и землепользователем.

Но, несмотря на формулировки, которые содержатся в 3 статьях 2 основных кодексов, возникает вопрос, как заключить такие договора, в какой форме, какие условия заключения предусмотрены законодательством. Кроме того, земельный участок, который передается в пользование, может находиться в государственной, коммунальной и частной собственности. В связи с этим необходимым является рассмотрение заключения договоров superficies и эмфитевзиса между субъектами, основанными на различных формах собственности, поскольку такое заключение содержит определенные особенности.

Актуальность темы исследования подтверждается тем, что вопросы, которые затрагиваются в данной статье, не исследованы полностью. О данном факте свидетельствует разбросанность норм в законодательстве, регулирующих вопросы, составляющие

Режим доступа : <http://reyestr.court.gov.ua/Review/8828319>.

6. Постанова Пленума Вищого адміністративного суду України від 06 березня 2008 року №2 «Про практику застосування адміністративними судами окремих положень Кодексу адміністративного судочинства України під час розгляду адміністративних справ» [Електронний ресурс]. – Режим доступу : <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/v0002760-08>.

7. Ухвала Київського апеляційного адміністративного суду від 11 квітня 2012 року (Справа № 2а-4919/09/0270) // Єдиний державний реєстр судових рішень України : офіційний веб-сайт [Електронний ресурс]. – Режим доступу : <http://reyestr.court.gov.ua/Review/24345767>.

8. Лист Вищого адміністративного суду України від 05.07.2011 року № 945/11/13-11 [Електронний ресурс]. – Режим доступу : <http://reyestr.court.gov.ua/Review/24345767> <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/v0945760-11>.

9. Рішення Конституційного Суду України від 15 жовтня 2013 року (Справа № 1-13/2013) [Електронний ресурс]. – Режим доступу : <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/v008p710-13>.

10. Саприкіна І.В. Науковий висновок з приводу висловлення правової позиції стосовно застосування норм процесуального права при вирішенні питання щодо визначення строку звернення осіб, які перебувають (перебували) на публічній службі, до адміністративного суду у справах про стягнення належної заробітної плати // Науково-консультативна рада при Вищому адміністративному суду України [Електронний ресурс]. – Режим доступу : http://www.vasu.gov.ua/nkr/pravovi_vusnovky/styagnenna_zarplaty/.

шие проблематику статьи, что приводит к игнорированию заключения данных договоров, либо их неправильному составлению.

Состояние исследования. Отдельные аспекты исследования проблематики темы были затронуты такими учеными, как: Бусуйок Д.В., Кулинич П.Ф. Каракаш И.И., А.Н. Мирошниченко, Е.О. Мичурин, В.В. Носик, Н.И. Титова, В.И. Федорович, М.В. Шульга и другими, но в данном контексте вопрос не исследовался.

Целью и задачей статьи является рассмотрение вопроса заключения договоров суперфиция и эмфитевзиса на земельных участках, находящихся в разных формах собственности, а также порядка заключения данных договоров.

Изложение основного материала. В соответствии со ст. 80 ЗК субъектами права собственности на землю являются: а) граждане и юридические лица – на земли частной собственности; б) территориальные громады, реализующие это право непосредственно или через органы местного самоуправления, – на земли коммунальной собственности; в) государство, реализующее это право через соответствующие органы государственной власти, – на земли государственной собственности.

Согласно ст. 127 ЗК, органы государственной власти, Совет министров Автономной Республики Крым и органы местного самоуправления согласно их полномочиям, осуществляют продажу земельных участков государственной или коммунальной собственности или прав на них (суперфиций, эмфитевзис) гражданам, юридическим лицам и иностранным государствам на основаниях и в порядке, установленном ЗК. Такая продажа осуществляется на конкурентных началах в форме аукциона в случаях и порядке, установленных главой 21 ЗК.

Статья 134 ЗК закрепляет, что права на земельные участки государственной или коммунальной собственности (суперфиций, эмфитевзис), в том числе с расположенными на них объектами недвижимого имущества государственной или коммунальной собственности, подлежат продаже отдельными лотами на конкурентных началах (земельных торгах), кроме случаев, предусмотренных данной статьей. Например, это

могут быть случаи: использования земельных участков для потребностей, связанных с использованием недрами, и специального водопользования согласно полученных разрешений [1]; предоставления земельного участка, выкупленного для общественных нужд или по мотивам общественной необходимости для обеспечения таких нужд [2]; предоставления земельных участков государственной или коммунальной собственности для нужд частного партнера в рамках государственно-частного партнерства в соответствии с законом [3]; использования земельных участков для осуществления концессионной деятельности [4]; передачи в аренду, концессию имущественных комплексов и недвижимого имущества, расположенного на земельных участках государственной, коммунальной собственности [5]; предоставления в аренду земельных участков индустриальных парков управляющим компаниям этих индустриальных парков [6]; предоставления земельных участков в других случаях, определенных законом [7].

Земельные торги не проводятся при предоставлении (передачи) земельных участков гражданам в случаях, предусмотренных ст. 34 ЗК (земли для сенокосения и выпаса скота), ст. 36 ЗК (земельные участки для огородничества), ст. 121 ЗК (в пределах норм бесплатной передачи земельных участков гражданам), а также передачи земель общего пользования садоводческому товариществу и дачному кооперативу.

Земельные торги проводятся в форме аукциона, по результатам проведения которого заключается договор суперфиция, эмфитевзиса земельного участка с участником (победителем) земельных торгов, который предложил наивысшую плату за пользование ею, зафиксированную в ходе проведения земельных торгов.

На земельных торгах не может быть использовано преимущественное право покупки.

Продажа суперфиция и эмфитевзиса может осуществляться на земельных торгах исключительно по инициативе владельцев земельного участка. В таком случае земельные торги регулируются положениями ЗК, если иное не предусмотрено законом или договором с исполнителем земельных торгов.

Обращение взыскания на суперфиций и эмфитевзис осуществляется государственным исполнителем при выполнении решений, подлежащих принудительному исполнению в порядке, установленном Законом Украины «Об исполнительном производстве», с учетом особенностей подготовки к проведению и проведения земельных торгов, определенных ЗК. В этих случаях государственный исполнитель может быть организатором земельных торгов.

Участником земельных торгов является физическое или юридическое лицо, подавшее исполнителю земельных торгов необходимые документы, которое оплатило регистрационный и гарантийный взносы, зарегистрированный в книге регистрации участников земельных торгов и в соответствии с законом может приобретать право собственности или пользования земельным участком, который выставляется на земельные торги.

Проведение земельных торгов в отношении прав на земельные участки государственной или коммунальной собственности осуществляется по решению организатора земельных торгов, в котором указываются: а) перечень прав на земельные участки, которые выставляются на земельные торги отдельными лотами; б) стартовая цена лота; в) срок и другие условия пользования земельным участком; г) лицо, уполномоченное организатором земельных торгов на заключение договора суперфиция, эмфитевзиса земельного участка, в зависимости от того права, которое выставляется на земельные торги.

Земельные торги проводятся в соответствии с договором между организатором земельных торгов и исполнителем земельных торгов за счет средств, уплачиваемых организатором как вознаграждение исполнителю, и регистрационных взносов участников торгов. Вознаграждение исполнителя земельных торгов устанавливается в размере 50 процентов годовой платы за пользование земельным участком (в случае продажи прав на земельный участок (суперфиция, эмфитевзиса), но не более 2000 необлагаемых минимумов доходов граждан за каждый лот [8].

Размер регистрационного взноса определяется исполнителем и не может превышать 50 процентов размера ми-

нимальной заработной платы на дату публикации объявления о проведении земельных торгов. Размер гарантийного взноса по лоту составляет 5 процентов стартового размера годовой платы за пользование земельным участком (в случае продажи суперфиция, эфитевзиса).

Условия, объявленные перед проведением земельных торгов, не подлежат изменению во время заключения договора суперфиция, эфитевзиса земельного участка.

Статья 136 ЗК регулирует порядок подготовки лотов для продажи на земельных торгах. Так, организатор земельных торгов определяет перечень прав на земельные участки государственной или коммунальной собственности, которые выставляются на земельные торги отдельными лотами. Запрещается вносить в указанный перечень предназначенные под застройку земельные участки без учета в случаях, предусмотренных законом, результатов общественного обсуждения.

Подбор земельных участков государственной или коммунальной собственности, в том числе вместе с расположенными на них объектами недвижимого имущества (зданиями, сооружениями) государственной или коммунальной собственности или права на которые выставляются на земельные торги, осуществляется с учетом утвержденных градостроительной документации и документации по землеустройству, а также маркетинговых исследований, инвестиционной привлекательности, обращений граждан и юридических лиц относительно намерений застройки.

Земельные участки, включенные в перечень земельных участков государственной или коммунальной собственности или прав на них, которые выставлены на земельные торги, не могут отчуждаться, передаваться в залог, предоставляться в пользование до завершения торгов.

Если выделить из общего порядка подготовки проведения земельных торгов, права, являющиеся объектом исследования данной статьи, то можно отметить следующие этапы: а) изготовление, согласование и утверждение в установленном законодательством порядке проекта землеустройства по отводу земельного участка (в случае изменения целевого назначения земель-

ного участка и в случае, если границы земельного участка не установлены в натуре (на местности); б) государственную регистрацию земельного участка (в случае, предусмотренном законодательством); в) государственную регистрацию вещного права на земельный участок; г) проведение экспертной денежной оценки земельного участка в соответствии с Законом Украины «Об оценке земель»; д) установление стартовой цены продажи прав эфитевзиса, суперфиция земельного участка, которая в отношении земель государственной или коммунальной собственности не может быть ниже рыночной стоимости соответствующего права, определенной путем проведения экспертной денежной оценки земельных участков; д) определение исполнителя земельных торгов, даты и места проведения земельных торгов.

Закупка услуг по выполнению работ по землеустройству, оценке земель в процессе подготовки лотов к продаже прав на земельные участки государственной или коммунальной собственности (суперфиций, эфитевзис) на земельных торгах и определение исполнителя земельных торгов организатором земельных торгов осуществляется в порядке, определенном законодательством об осуществлении государственных закупок, а в случае, если законодательство об осуществлении государственных закупок не применяется, на конкурентных началах в порядке, который определяется центральным органом исполнительной власти, обеспечивающим формирование государственной политики в сфере земельных отношений. В процессе проведения торгов исполнитель ведет протокол, в котором указываются номер лота, стартовая цена и цена продажи лота, сведения о победителе, номера счетов, на которые победитель должен внести средства за приобретенный лот. В случае необходимости в протокол может вноситься и другая информация. Протокол подписывается победителем, лицом и организатором земельных торгов или его представителем немедленно после окончания торгов по лоту в двух экземплярах.

Один экземпляр протокола выдается победителю. Лицитатор объявляет о завершении земельных торгов после подписания протокола торгов.

Договор суперфиция, эфитевзиса земельного участка между организатором земельных торгов и победителем торгов заключается непосредственно в день проведения торгов. С этого момента земельные торги по лоту считаются состоявшимися.

В случае приобретения победителем нескольких лотов договор заключается отдельно на каждый из них.

Право на земельный участок, приобретенное по результатам проведения торгов, подлежит государственной регистрации в порядке, определенном законом.

На торгах обязан присутствовать организатор земельных торгов или его представитель, уполномоченный заключать от имени организатора земельных торгов договор суперфиция, эфитевзиса земельного участка.

Плата за пользование земельным участком, право пользования которым приобретено на торгах, подлежит уплате победителем не позднее трех банковских дней со дня заключения соответствующего договора.

Земельные торги могут быть отменены или признаны такими, что не состоялись или их результаты могут быть аннулированы. Земельные торги до их проведения отменяются организатором земельных торгов в случае поступления к нему документов, которые влекут за собой внесение изменений в землеустроительную и землеоценочную документацию на земельный участок или установление запрета на ее отчуждение или передачу в пользование.

Земельные торги признаются несостоявшимися в случае: а) отсутствия участников или наличия только одного участника (кроме проведения повторных торгов); б) если ни один из участников не предложил цену, выше стартовой цены лота; в) отказа победителя от подписания протокола с указанием результатов торгов. Решение о признании торгов несостоявшимися, принимается исполнителем земельных торгов в день их проведения.

Результаты торгов аннулируются организатором земельных торгов в случае отказа победителя от заключения договора суперфиция, эфитевзиса земельного участка, а также в случае неуплаты победителем в установленный срок надлежащей суммы за приобретенный лот.

Решение об аннулировании торгов принимается организатором земельных торгов в пятидневный срок после возникновения основания для аннулирования.

Таким образом, основанием возникновения суперфиция и эмпитевзиса на земельных участках государственной и коммунальной собственности является договор, который заключается после продажи соответствующего права на земельных торгах, проводимых в форме аукциона.

Согласно ст. 408 ГК, ст. 413 ГК и ст. 1021 ЗК срок договора о предоставлении права пользования чужим земельным участком для сельскохозяйственных нужд и для застройки устанавливается договором и для земельных участков государственной или коммунальной собственности не может превышать 50 лет.

Также определенные ограничения относительно оснований приобретения права пользования земельным участком государственной или коммунальной собственности установлены ч. 3 ст. 102¹ ЗК, ч. 3 ст. 407 ГК и ч. 3 ст. 413 ГК, согласно которым эмпитевзис и суперфиций не могут быть отчуждены ее землепользователем другим лицам (кроме случаев перехода права собственности на здания и сооружения), внесены в уставный капитал, переданы в залог.

Рассмотрим случаи возникновения эмпитевзиса и суперфиция, когда земельный участок принадлежит собственнику на праве частной собственности. ГК не уделяет много внимания правовому регулированию договора об установлении эмпитевзиса или суперфиция. В частности, ничего не сказано о форме такого договора. Учитывая статьи 206, 208, 209 ГК, следует сделать вывод, что это должна быть простая письменная форма. Однако, ч. 3 ст. 209 ГК устанавливает, что по требованию физического или юридического лица любая сделка с его участием может быть нотариально удостоверена. Срок договора эмпитевзиса устанавливается договором (ст. 408 ГК) и может быть как определенный, так и неопределенный. Дополнительным при заключении договора эмпитевзиса на неопределенный срок, является условие, что каждая из сторон может отказаться от договора, предварительно пред-

упредив об этом вторую сторону не менее чем за один год. Такое условие является необходимостью, поскольку земельные участки используются для сельскохозяйственных нужд и поэтому момент ее передачи без предупреждения может повлиять на посевные работы или сбор урожая. Если преимущественные права собственника земельного участка на приобретение эмпитевзиса нарушены, он наделяется правом обратиться в суд с иском о переводе на него прав и обязанностей покупателя эмпитевзиса. В этом случае он должен внести на депозитный счет суда денежную сумму, которую по договору должен уплатить покупатель. Землепользователь может произвести отчуждение эмпитевзиса другому лицу, если собственник в течение одного месяца не пришлет письменного согласия на покупку эмпитевзиса. Но в случае продажи землепользователем права пользования земельным участком для сельскохозяйственных нужд другому лицу, собственник земельного участка имеет право на получение процентов от цены продажи, размер которых устанавливается договором. Что касается суперфиция, то такое право не содержит дополнительных условий и может быть установлено на определенный или на неопределенный срок.

Согласно ст. 182 ГК эти вещные права подлежат государственной регистрации, а потому землепользователю необходимо будет обратиться в соответствующий орган с заявлением о регистрации его права. Порядок регистрации предусмотрен Законами Украины «О государственной регистрации вещных прав на недвижимое имущество и их отягощений» и Законом Украины «О внесении изменений в некоторые законы Украины относительно уточнения полномочий нотариусов и особенностей регистрации производных вещных прав на земельные участки сельскохозяйственного назначения».

Выводы. Таким образом, можно сделать выводы, что процедура заключения договора суперфиция и эмпитевзиса зависит от того, какому субъекту принадлежит земельный участок, право пользования которым подлежит отчуждению. Если такой земельный участок находится в государственной или коммунальной собственности, то

сначала проводятся земельные торги в форме аукциона, где суперфиций или эмпитевзис выставляются отдельным лотом. По результатам торгов составляется протокол, который является основанием для заключения договора суперфиция или эмпитевзиса. Данный договор подлежит нотариальному удостоверению, а само право – государственной регистрации. Что касается земельных участков, находящихся в частной собственности, то договор суперфиция или эмпитевзиса может быть заключен в простой письменной форме. По просьбе сторон договор может подлежать нотариальному удостоверению. Право суперфиция и эмпитевзиса также подлежит государственной регистрации в Государственном реестре вещных прав на недвижимое имущество. С целью практического применения данных договоров и их популяризации, необходимым является создание типовых договоров суперфиция и эмпитевзиса, либо закрепления в ЗК или ЦК тех существенных условий, при которых указанные договора будут действительными.

Список использованной литературы:

1. Про ліцензування видів господарської діяльності : Закон України від 02.03.2015 № 222-VIII // Відомості Верховної Ради. – 2015. – № 23. – Ст. 158.
2. Про відчуження земельних ділянок, інших об'єктів нерухомого майна, що на них розміщені, які перебувають у приватній власності, для суспільних потреб чи з мотивів суспільної необхідності : Закон України від 17 листопада 2009 року // Відомості Верховної Ради України. – 2010. – № 1. – Ст. 2.
3. Про державно-приватне партнерство : Закон України від 01.07.2010 року № 2404-VI // Відомості Верховної Ради України. – 2010. – № 40. – Ст. 524.
4. Про внесення змін до деяких законодавчих актів України щодо гарантування прав концесіонерів : Закон України від 23.12.2010 № 2880-VI // Відомості Верховної Ради України. – 2011. – № 30. – Ст. 275
5. Про особливості оренди чи концесії об'єктів паливно-енергетичного комплексу, що перебувають у

державній власності : Закон України 08.07.2011 № 3687-VI // Відомості Верховної Ради України. – 2012. – № 18. – Ст. 157

6. Про індустріальні парки : Закон України від 21.06.2012 № 5018-VI // Відомості Верховної Ради. – 2013. – № 22. – Ст. 212.

7. Земельний кодекс України від 25.10.2001 № 2768-III // Відомості Верховної Ради України. – 2002. – № 3-4. – Ст. 27.

8. Про внесення змін до Земельного кодексу України щодо здешевлення вартості робіт з підготовки та проведення земельних торгів : Закон України від 24.10.2013 № 661-VII // Відомості Верховної Ради. – 2014. – № 22. – Ст. 780.

ЛИЧНЫЙ СОСТАВ КИЕВСКОЙ СЫСКНОЙ ПОЛИЦИИ НАКАНУНЕ РЕФОРМИРОВАНИЯ РОССИЙСКОГО УГОЛОВНОГО СЫСКА (1908 Г.)

Владимир ЧИСНИКОВ,

кандидат юридических наук, доцент, ведущий научный сотрудник
Государственного научно-исследовательского института МВД Украины

Summary

In the paper for the first time in the historical and legal literature is given personal characteristics of the staff of Kiev branch of detective service as of April 1908, before the adoption of the Bill „About Organization of the Detective Subvision” on July 6, 1908, according to which in the Russian Empire on the basis of police departments 89 detective departments of four ranges have been established. The age, social and marital status, educational level, detective work stage, position, salary, professional qualities and shortcomings, former employments of 37 employees of the Kiev Detective Police have been analyzed. It was found out that the staff consisted of the Head of the department, divisional inspectors, agents (officials), civil service, free hiring service and amateurs whose legal status had been in line with current freelancers of the Criminal Investigation.

Key words: Kiev detective department, personnel, agent, secret police, history of criminal investigation.

Аннотация

В статье впервые в историко-правовой литературе дается персональная характеристика личного состава Киевского сыскного отделения состоянием на апрель 1908 г., накануне принятия Закона «Об организации сыскной части» от 6 июля 1908 г., согласно которому на территории Российской империи при полицейских управлениях учреждались 89 сыскных отделений четырех разрядов. Проанализированы возраст, социальное и семейное положение, образовательный уровень, стаж сыскной работы, занимаемая должность, получаемое жалование, деловые качества и недостатки, прежние места работы 37 служащих Киевской сыскной полиции. Установлено, что личный состав состоял из заведующего отделением, околоточных надзирателей, агентов (чиновников), состоящих на государственной службе, агентов, служащих по вольному найму и агентов-любителей, правовой статус которых соответствовал нынешним внештатным сотрудникам уголовного розыска.

Ключевые слова: Киевское сыскное отделение, личный состав, агент, сыскная полиция, история уголовного сыска.

Постановка проблемы. История организации борьбы с уголовной преступностью в Российской империи неразрывно связана с вопросами кадровой политики, с состоянием личного состава сыскной полиции. Эффективность розыскной деятельности в значительной степени зависела от уровня профессиональной подготовки, морально-нравственных и других индивидуальных качеств сыщика [1, с. 64-65]. Как отмечают исследователи, деловые качества чиновников и оперативных сотрудников (агентов) этого ведомства оставляли желать лучшего. Причиной тому являлись: малые должностные оклады, что порождало текучесть кадров; отсутствие сыскного опыта у агентов; ограниченность штатов и поручение агентам к исполнению

не свойственных им функций, что приводило к большой загруженности служебными делами и т.д.

Актуальность темы исследования объясняется значимостью изучения и обобщения опыта организации борьбы органов уголовного сыска дореволюционной России с уголовной преступностью на Украине. В настоящее время в историко-правовой литературе практически нет ни одной специальной работы, в которой бы давалась характеристика сотрудникам Киевского сыскного отделения накануне принятия Закона «Об организации сыскной части» от 6 июля 1908 г.

Анализ степени исследования проблемы. Научный анализ проблем кадрового состава сыскной полиции дореволюционной России освеща-

ли многие исследователи. Среди них следует назвать российских ученых Т.Н. Брестовскую, Д.С. Рыжова, Р.С. Мулукаева, А.Ю. Шаламова, Д.И. Шинджикашвили и др., а также украинских – А.М. Бандурку, В.А. Греченко, А.М. Пиджаренко, Е.А. Самойленко, А.Н. Ярмыш и др. Однако в работах указанных авторов проблемы кадрового состава Киевского сыскного отделения или вообще не рассматривались, или освещались фрагментарно.

Целью статьи является исследование личного состава Киевского сыскного отделения накануне организации общегосударственной системы органов уголовного сыска, в котором акцентируется главное внимание на характеристике его 37 служащих: их возраст, социальное и семейное положение, образование, стаж сыскной работы, занимаемая должность, получаемое жалование, деловые качества и недостатки, прежние места работы.

Изложение основного материала. Первая попытка организовать в г. Киеве специализированное подразделение полиции для предупреждения и раскрытия уголовных преступлений была осуществлена в марте 1873 г. Именно тогда в качестве эксперимента при городской полиции была учреждена сыскная часть, личный состав которой состоял из четырех сыщиков во главе с приставом Матковским. Финансировалось новое подразделение за счет средств, выделяемых городской думой. К сожалению, через год сыскную часть пришлось ликвидировать, несмотря на положительные результаты ее деятельности. Причина такого решения – отказ городской думы выделять из городской казны средства на содержание сыскной полиции [2, с. 245].

Возобновила свою деятельность сыскная часть через шесть лет, согласно распоряжению Киевского губернатора № 2754 от 14 июня 1880 г. Перед новым подразделением ставились следующие задачи: 1) принятие мер по предотвращению в Киеве убийств, грабежей, краж, поджогов и других преступлений; 2) сбор оперативной информации и проверка доносов; 3) наблюдение за лицами, находящимися под надзором полиции, а также мошенниками и лицами, занимающимися азартными играми; 4) розыск лиц, уклоняющихся от воинской повинности, дезертиров;

5) розыск похищенного и похитителей и хозяев найденных или потерянных ими вещей; 6) розыск по делам политического характера и т.д.» [3, л.д. 5.]

Сыскная часть начала функционировать с 25 июня того же года в составе 17 человек: заведующего, его помощника, семи агентов и восьми городских, командированных в сыскную часть от полицейских участков города. Архивы сохранили для истории фамилии первых киевских сыщиков и размеры их должностных окладов. Так, согласно штатному расписанию на декабрь 1881 г., заведующий сыскной частью (он же помощник полицмейстера по наружной части) Мастецкий получал ежемесячно дополнительно к своему основному окладу 50 руб., его помощник – 85 руб., агенты: Битнер Евгений – 70 руб., Углицкий Евгений – 45 руб., Коган Александр – 30 руб. и Николай Новиков – 15 руб. Первой киевской женщиной-сыщиком была Эстер Беренфельд, должностной оклад которой составлял 30 руб. Городовым к их основному жалованию доплачивали 6 руб. [4, л.д. 1-2].

А теперь рассмотрим, что представляло собой Киевское сыскное отделение спустя более четверти века накануне принятия Закона «Об организации сыскной части» от 6 июля 1908 г. Размещалось оно в здании городской полиции на 3 этаже и занимало 4 комнаты. Одна из комнат была кабинетом заведующего, а в остальных размещались канцелярия и антропометрический кабинет. Кроме того, в общем коридоре для сторожа и хранения вещественных доказательств были «...устроены два дощатых чулана» [5, с. 2].

Следует также отметить, что с 1901 г. руководство сыскной частью было передано от помощника полицмейстера к помощнику пристава Г.М. Рудому, назначенному распоряжением Киевского губернатора Ф.Ф. Трепова. В связи с тем, что должность заведующего сыскной частью штатами полиции не была предусмотрена, руководитель сыскной полиции состоял в должности помощника пристава одного из полицейских участков Киева. Его должностной оклад составлял 1000 руб. в год, а за руководство сыскной частью ему дополнительно доплачивали 600 руб. (50 руб. в месяц).

Численность сотрудников сыскного отделения на апрель 1908 г. составляла 37 человек: заведующий отделением, 2 околоточных надзирателя; 6 агентов (чиновников), состоящих в штате городской полиции, и 28 агентов, служащих по вольному найму, среди которых было 3 агента-любителя. Кроме того, на связи у агентов состояли тайные агенты (осведомители), число которых не было постоянным, а периодически изменялось.

Согласно «Инструкции чинам Киевской сыскной полиции» (1905 г.), деятельность сотрудников сыскного отделения делилась на две части: внутреннюю и наружную [6, с. 7].

Выполнение функций *внутренней* части службы были возложены на: заведующего сыскным отделением, делопроизводителя, заведующего столом происшествий, заведующего столом личного задержания, заведующего антропометрическим кабинетом, фотографа, регистратора, двух писцов и сторожа. *Наружная* часть службы возлагалась на оперативный состав сыскного отделения – агентов, служащих по вольному найму и некоторых штатных агентов (чиновников). Следует также напомнить, что утвержденный законом от 6 июля 1908 г. штат Киевского сыскного отделения (1 разряд) был взят в качестве образца, по которому определялся разряд и штаты того или иного сыскного отделения. По такому же штату были сформированы сыскные отделения 1 разряда в Харькове и Тифлисе [7, с. 77–78].

Для того, чтобы иметь представление о личном составе Киевского сыскного отделения, приведем краткие характеристики его сотрудников, составленные на основании Отчета особой комиссии, назначенной Киевским губернатором в апреле 1908 г. с целью расследования злоупотреблений по службе чинов и агентов городской сыскной полиции.

Уместно будет сказать, что по результатам ревизии Киевского сыскного отделения комиссия, характеризуя личный состав по степени их причастности к злоупотреблениям по службе, распределила сотрудников на пять категорий:

К первой категории были причислены: 1. **Асланов** Спиридон Федорович, 36 лет, православный, сын священни-

ка, окончил уездное училище, коллежский регистратор, заведовал сыскной частью с 29 мая 1907 г. после отставки Г.М. Рудого, жалованья получал 1600 руб. в год (1000 р.+ 600 р.). На государственной службе с 1 января 1900 г. Занимал должности канцелярского служащего, околоточного надзирателя, и.о. помощника пристава г. Симферополя. С декабря 1903 г. – околоточный надзиратель, и.о. помощника тюрьмы г. Севастополя. В феврале 1906 г. был уволен со службы, а спустя год назначен помощником пристава г. Киева с откомандированием для заведывания сыскной частью. 25 апреля 1908 г. приказом киевского губернатора отстранен от должности за злоупотребления по службе, арестован и предан суду [8, с. 30–31].

2). **Зелло** Сергей Дмитриевич, чиновник, состоящий в штате городской полиции, 34 года; православный, из мещан, женат, образование получил домашнее. На службе в сыскной части с 1900 г., на государственную службу зачислен 29 июля 1907 г. Состоял агентом в Киевском отделении столичного ломбарда; получая жалованья 50 руб. из сумм ломбарда. До поступления на службу в сыскную часть служил в имени Терещенко и в Рубежовской колонии для малолетних преступников. После проведенной ревизии губернаторской комиссией был отстранен от должности и заключен под стражу «...за злоупотребления по службе».

3) **Кунцевич** Иосиф Павлович, мещанин, 41 год, православный, грамотен, в сыскной части с перерывами служил с начала 1898 г., получал жалованья 30 руб. До поступления в сыскную часть служил в частных банках копировальщиком. В мае 1908 г. уволен со службы за злоупотребления служебным положением.

4) **Голлендер** Александр Васильевич, киевский мещанин, 32 лет, православный, холост, малограмотен, слесарь, состоял агентом в сыскной части с 1 августа 1903 г. (с перерывами), получал жалованья 30 руб. До поступления в сыскную часть занимался слесарным ремеслом, а затем был пожарным служителем в г. Киеве. В мае 1908 г. уволен из полиции за злоупотребления по службе.

Члены губернаторской комиссии характеризовали этих бывших сотруд-

ников сыского отделения, как лиц «...которые явно выказали предосудительные нравственные качества и деятельность которых направлена была не к раскрытию преступлений, а исключительно к личной наживе. Преследуя одну лишь эту цель, они забыли и о долге службы и о святости присяги и сами укрывали преступников, пользуясь для этого своим служебным положением» [5, с. 45].

Ко второй категории относились: 5) **Горчинский** Павел Мартынович, из крестьян, православный, 27 лет; окончил 2-х классное городское училище; в сыскной части служил с 1 мая 1903 г.; заведовал антропометрическим кабинетом; получал жалованья 45 руб. До поступления в сыскную часть служил в различных учреждениях: помощником волостного писаря, счетоводом вагонов, старшим телеграфистом на железнодорожной станции, конторщиком. Последняя должность – телеграфист ст. Калиновка.

6) **Воскобойников** Владимир, 30 лет; православный, холост, сын надворного советника; учился в Прилуцкой гимназии, выбыл из 5 класса. В сыскной части служил с 1906 г., обслуживал территорию Бульварного полицейского участка, получая жалованья 35 руб. До поступления в сыскную часть служил в канцелярии Прилуцкого казначейства, дворянской опеке, а в 1904 г. зачислен в штат городской полиции г. Киева, откуда перешел в сыскную часть.

7) **Дедюра** Михаил Григорьевич, 28 лет, православный, из мещан, чиновник, состоящий в штате городской полиции. Обслуживал территорию Подольского полицейского участка, получая жалованья 35 руб. На службе в сыскной части с 1 ноября 1906 г., а на государственной службе с февраля 1903 г. До поступления в сыскную часть служил околоточным надзирателем в Киевской полиции, но был уволен с должности «... за пьянство, лень и небрежность». По заключению комиссии, «...в сыском деле имеет опыт и мог бы быть оставлен, но замечается в нерадивости, равнодушном отношении к делу и в нравственной неустойчивости» [5, с. 3].

8) **Ткачев** Василий Алексеевич, из крестьян, 46 лет, православный, малограмотен; в сыскной части служил с октября 1898 г., жалованья получал 20

руб. До поступления в сыскную часть служил городовым в Киеве с 1889 г., а до того отбывал воинскую повинность.

9) **Хомко** Матвей Степанович, из крестьян, 39 лет, православный, малограмотен; в сыскной части служил с 14 августа 1906 г., получая жалованья 20 руб. До поступления в сыскную часть служил: объездчиком в лесу, конным провожатым на мельнице, ремонтником паровозов, открывал собственную торговлю, работал упаковщиком мануфактурного товара в магазине. Последняя должность – городской Плоского полицейского участка.

10) **Галковский** Порфирий Леонович, мещанин, 29 лет, православный, окончил 2-х классное училище; в сыскной части служил с февраля 1906 г., получал жалованья 30 руб. До поступления в сыскную часть служил на Московско-Брестской железной дороге и отбывал воинскую повинность.

11) **Ивлев** Константин Филиппович, отставной канцелярский служитель, 23 года; мещанин, православный, грамотен; в сыскной части служил с 1907 г., получал жалованья 20 руб. До поступления в сыскную часть служил с 1904 г. в канцеляриях Минского и Киевского губернаторов, а до того служил на паровозных пристанях.

По мнению членов комиссии, вышеуказанные чиновники и агенты сыского отделения, хотя и не были изблечены в совершении уголовных преступлений для предания их суду, однако, по имеющимся данным, они «...не вселяют к себе никакого доверия, как люди способные на неблагоприятные поступки, а потому не могут оставаться на службе» [5, с. 45].

Третью категорию служащих составляли агенты: 12) **Иваненко** Петр Еремеевич, из крестьян, 27 лет, православный, холост, весьма малограмотен; в сыскной части служил с апреля 1902 г.; жалованья получал 30 руб. До 1907 г. был сторожем в сыскной части. До перехода на службу в сыскную часть служил десятским при становой квартире в Васильевском уезде, затем дворником в Киеве и в пожарной команде.

13) **Падалка** Сергей Кириллович, казак Полтавской губ., 41 год, православный, малограмотен; в сыскной части служил с 8 мая 1898 г., получал жалованья 35 руб. До поступления на службу в сыскную часть занимался

хлебопашеством, потом отбывал воинскую повинность, а после увольнения в запас пять лет служил городовым в г. Киеве.

14) **Цирюта** Иван Кондратьевич, из крестьян, 31 год; православный, малограмотен; в сыскной части служил с августа 1907 г., жалованья получал 20 руб. До поступления в сыскную часть служил городовым Плоского полицейского участка, а до того отбывал воинскую повинность.

15) **Шушерин** Иван Романович, 39 лет, православный, дворянин, малограмотен; в сыскной части служил с сентября 1907 г.; получал жалованья 30 руб. До поступления на службу в сыскную часть состоял на службе у частных лиц: был управляющим домами в г. Киеве, арендовал имение в г. Чернобыле, Радомышльского уезда, Киевской губ. Последнее место работы – управляющий пивоваренного завода Штейна в г. Ромнах Полтавской губ.

16) **Савилов** Дмитрий Антонович, из крестьян, 45 лет, православный, малограмотен; в сыскную часть поступил в августе 1901 г., жалованья получал 20 руб. До этого служил городовым в Плоском полицейском участке.

17) **Смоловик** Савелий Иванович, 30 лет, из крестьян, православный, малограмотен; в сыскной части служил с февраля 1904 г.; получал жалованья 30 руб. До поступления в сыскную часть служил городовым в Подольском полицейском участке с 1898 г., а до того отбывал воинскую повинность.

Сотрудники данной категории комиссией характеризовались, как люди, «...хотя и не окончательно испорченные, но недостаточно развитые и малограмотные, для которых явно не доступна борьба со сколько-нибудь выдающимися преступниками, часто обладающими высоким интеллектом и нередко пользующимися самыми усовершенствованными способами для совершения преступлений». При этом оговаривалось, что агенты Падалка и Хомко «имеют за собою продолжительный опыт и некоторые способности» [5, с. 45].

К четвертой категории относились агенты, которые по заключению комиссии, «...представляют собою лиц, неспособных к сыскному делу и поэтому совершенно бесполезных, по-

ступивших в сыскную часть, очевидно, лишь ради каких-то своих личных целей» [5, с. 45]. Такими лицами являлись:

18) **Павлов** Владимир Александрович, мещанин, 43 года, православный, грамотен; в сыскной части служил с перерывами 11 лет, а с 1 августа 1907 г. непрерывно; получал жалованья 25 руб. До поступления в сыскную часть служил актером в различных труппах.

19) **Картамышев** Петр Павлович, 26 лет, православный; состоял в штате Киевского губернского правления с марта 1908 г. На службу в сыскную часть поступил в мае 1907 г., жалованья получал 16 руб. До поступления в сыскную часть был служащим на железной дороге.

20) **Кулаковский** Михаил Иванович, студент Киевского университета, 22 лет, в сыскной части служил с сентября 1907 г. Денежное содержание получал за каждое дело.

20) **Галкин** Владимир Дмитриевич, 21 год, ученик Киевского реального училища; в число агентов сыскной полиции поступил в январе 1908 г., как любитель, и имел удостоверение от заведующего сыскной частью.

22) **Иванов** Николай Георгиевич, киевский мещанин, 18 лет, получил домашнее образование, в сыскной части служил в качестве агента-любителя с марта 1908 г., жалованья не получал. До поступления в сыскную часть воспитывался в Киевской гимназии [5, с. 6].

Заметим, что в историко-правовой литературе никто из исследователей не упоминал о существовании в составе сыскных отделений агентов-любителей. Следует предположить, что их правовой статус соответствовал нынешним *внештатным* сотрудникам уголовного розыска.

К пятой категории комиссия относилась всех остальных чинов и агентов сыскного отделения, среди которых указывались:

23) **Красовский** Николай Александрович, коллежский секретарь, околоточный надзиратель, 37 лет; православный, сын священника; на службе в сыскной части состоял с 2 января 1908 г.; временно исполнял обязанности заведующего сыскной частью после отстранения Асланова, жалованья полу-

чал 50 руб. в месяц. До поступления в сыскную часть служил на различных должностях в полиции Черниговской губ., последняя должность – становой пристав Козелецкого уезда. В отчете комиссии отмечалось, что Красовский «ни в чем предосудительном замечен не был, ...а после устранения Асланова, проявил усердие и способности к сыскному делу, почему и мог бы, с пользою для дела, оставаться на службе» [5, с. 45].

24) **Мышевский** Каллистрат Кириллович, чиновник, состоящий в штате городской полиции, 38 лет, православный, личный почетный гражданин, семейный, образование домашнее; на государственной службе с 8 января 1897 г. В сыскной части служил около четырех лет; обслуживая территорию Старокиевского полицейского участка, жалованья получал 40 руб. Характеризовался, как агент, который «с делом сыска знаком».

25) **Новиков** Георгий Андреевич, потомственный почетный гражданин, 43 года, православный, образование получил домашнее, агент сыскной части с 15 марта 1908 г. Обслуживал территорию Плоского полицейского участка г. Киева, жалованья получал 30 руб. До поступления в сыскную часть служил сверхштатным околоточным надзирателем в Подольском, Бульварном, Лыбедском и Дворцовом полицейских участках. В 1890 г. уволился со службы по болезни. Служил в Киевском губернском по крестьянским делам присутствии; конторщиком на железнодорожной станции, в канцелярии Лукьяновского полицейского участка; полицейским урядником в Переяславском и Козелецком уездах.

26) **Афанасьев** Михаил Яковлевич, сын капитана, 43 года, православный, образование получил в 3-й Московской военной гимназии; в сыскной части служил с 20 сентября 1907 г., занимался производством розысков и получал жалованья 35 руб. До поступления на службу в сыскную часть занимался бакалейной и табачною торговлею, а затем служил конторщиком на станции Киев П.

27) **Зедлицкий** Иван Андреевич, мещанин, 30 лет; православный, образование получил домашнее, состоял агентом сыскной части с декабря 1904 г.,

обслуживал территорию Дворцового полицейского участка; получая жалованья 35 руб. До поступления в сыскную часть служил в канцелярии Каменец-Подольской духовной консистории, а затем в городском отделении государственного банка.

Характеризуя указанных сотрудников, комиссия отмечала, что в их деятельности «ничего предосудительного не замечено» и они, «как опытные агенты, могут приносить пользу в сыском деле» [5, с. 45].

К этой категории также причислялись сотрудники канцелярии и некоторые агенты, пригодность которых к службе должен был в дальнейшем определить и.о. заведующего сыскной частью Красовский [9, с. 282–310]. Среди них указывались:

28) **Кричевцов**, околоточный надзиратель, чина не имел, 27 лет, православный; из мещан; в сыскной части служил с 1 января 1906 г.; заведовал делопроизводством, получал жалованья 80 руб. До поступления в сыскную часть служил в Васильковском уездном полицейском управлении с 1900 г. по вольному найму.

29) **Шереметинский** Арсений Павлович, потомственный почетный гражданин, 48 лет, православный; окончил духовное училище. В сыскной части служил с января 1905 г., заведовал регистратурой; жалованья получал 35 руб. До поступления в сыскную часть служил писцом у мирового судьи и в почтовом ведомстве. Был регистратором, а затем внештатным околоточным надзирателем в Лукьяновском полицейском участке г. Киева, писцом в городской управе, столоначальником в мещанской управе. Последнее место службы – Киевское уездное полицейское управление.

30) **Корженевский** Николай Авксентьевич, из крестьян, 32 лет, православный; окончил 2-х классное училище; в сыскной части служил с августа 1907 г.; регистратор антропометрического кабинета; жалованья получал 35 руб. До поступления в сыскную часть служил на железной дороге, занимал должность письмоводителя у станového пристава, судебного следователя и мировых судей Васильковского уезда.

31) **Менциц** Яков Владимирович, сын коллежского секретаря, 19 лет, православный; в сыскной части посту-

пил в октябре 1907 г. после окончания Васильковского городского 2-х классного училища, сотрудник антропометрического кабинета; получал жалованья 10 руб.

32) **Здеховский** Ипполит Исидорович, из крестьян, 31 год, православный, окончил 2-х классное училище; в сыскной части служил с 15 августа 1907 г.; заведовал делопроизводством по столу происшествий, жалованья получал 40 руб. До поступления в сыскную часть служил помощником волостного писаря, вел бухгалтерские учеты, был надсмотрщиком Рудненского почтово-телеграфного отделения, занимался хлебопашеством. Последнее место службы – письмоводитель в Васильковской мещанской управе.

33) **Полищук** Адам Капитонович, мещанин, 27 лет, православный; учился в 2-х классном городском училище; в сыскной части служил с 12 июля 1906 г., заведовал столом личного задержания, получал жалованья 40 руб. До поступления в сыскную часть отбывал воинскую повинность, а до этого служил почтальоном в Киеве и учителем церковно-приходской школы в Житомирском уезде.

34) **Лескевич** Франц Иосифович, мещанин, 25 лет, вероисповедания римско-католического; в сыскной части служил фотографом с июня 1906 г.; получал жалованья 55 руб. До поступления в сыскную часть занимался по своей специальности – фотографией.

35) **Дидыкало** Семен Ильич, из крестьян, 42 года, православный, достаточно грамотен; в сыскной части служил с ноября 1907 г., обслуживал территорию Лыбедского полицейского участка; жалованья получал 35 руб. До поступления на службу в сыскную часть служил письмоводителем, помощником волостного писаря, объездчиком в лесничестве. С 1903 г. по июль 1905 г. служил агентом Киевского сыского отделения, а затем перешел полицейским урядником в Киевский уезд. Спустя два года снова возвратился на службу в сыское отделение.

36) **Дема** Федор Леонтьевич, 32 лет, православный, из крестьян, малограмотен; служил в сыскной части с октября 1904 г., обслуживал террито-

рию Киево-Печерской лавры, получая зарплату 25 руб. в месяц из казны этого учреждения. До поступления в сыскную часть служил городовым в Киеве, а до того отбывал воинскую повинность.

37) **Остриков** Михаил Иванович, чиновник Киевского губернского правления, 28 лет, сын отставного полковника; воспитывался в Киевском реальном училище, но курса не окончил; в сыскной части состоял агентом-любителем; жалованья не получал [5, с. 4–7].

Выводы. Таким образом, анализ личного состава Киевского сыского отделения свидетельствует, что на апрель 1908 г. в штате числилось 37 сотрудников, возраст которых в среднем составлял 30-40 лет, но ни один из них не имел высшего образования. Среднее образование было лишь у бывшего заведующего сыским отделением С.Ф. Асланова и нескольких чиновников. Меньше половины сотрудников имели начальное и домашнее образование, а подавляющее большинство оперативного состава (агенты) являлись малограмотными и происходили из крестьянского сословия. Средний стаж сыской работы агентов составлял примерно 1-5 лет, хотя в отделении были новички (стаж работы – до 1 года) и ветераны, прослужившие 7-11 лет. Характерно, что среди сыских чинов были люди, которые ранее вообще не служили на государственной службе. Кроме того, анализ свидетельствует, что на руководящие должности в сыскную полицию нередко назначались сотрудники, которые по своим профессиональным и моральным качествам не соответствовали предъявляемым требованиям, в результате чего они допускали злоупотребления по службе, подрывая авторитет полиции в глазах гражданского общества.

Список использованной литературы:

1. Балуев Б.П. Организация и деятельность уголовного сыска в дореволюционной России (конец XIX–начало XX в.): учеб. пособие / Б.П. Балуев, Т.Н. Брестовская, Э.П. Величутина, Р.С. Мулукаев. – М.: Академия МВД СССР, 1984. – 97 с.

2. Чисніков В.М. Київська сис-на поліція: організаційно-правові аспекти / В.М. Чисніков // На-ука і правоохорона. – 2011. – № 3. – С. 244-246.

3. Центральный государственный исторический архив Украины, г. Киев (ЦДИАК Украины). – Ф.442. – Оп. 518. – Д. 115.

4. Государственный архив г. Киева (ГАК). – Ф. 1137. – Оп. 3. – Д. 46-а.

5. Отчет особой Комиссии, назна-ченной Киевским губернатором о рас-следовании действий чинов сыскной части Киевской городской полиции и ревизии делопроизводства этой части. – К. : Губ. тип., 1908. – 48 с.

6. Инструкция чинам Киевской сыск-ной полиции. – К. : Губ. тип., 1905 – 1 13 с.

7. Мулукаев Р.С. Полиция в Рос-сии (IX в.–нач. XX в.) : монография /

Р.С. Мулукаев. – Н. Новгород : Тип. УВД Нижегородской обл., 1993. – 103 с.

8. Подробнее о «деле Асланова» см. : Сургай Л. Загадочная история / Л. Сургай // Служба безопасности. – 1999. – № 1.

9. Подробнее о Н.А. Красовском см. : Чисников В.Н. Н.А. Красовский – сыщик от бога / В.Н. Чисников // Антология сыс-ска: от полиции к внешней разведке. – К. : Знания Украины, 2006. – Т. 2. Сыск, сыщики и преступный мир. – 504 с.

NOTIȚE